

ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА МЫСЕ СОТЕРА

(предварительные итоги работ 2004, 2008-2013 гг.)

С развертыванием масштабной рекреационной застройки Южного берега Крыма возникла насущная необходимость в упреждающих действиях ученых по выявлению, фиксации и исследованию археологических объектов, оказывающихся в зоне строительства. Одним из таких объектов стало средневековое поселение на мысе Сотера.

Поселение находится в 9,0 км к северо-востоку от г. Алушта (на 18-м км шоссе Алушта – Судак) и примерно в 3,6 км к юго-западу от с. Солнечногорское (по побережью), в нижней части юго-восточного склона г. Сотира (Устуранын-Хыры) – водораздела между речкой Сотера (Алакат, Алака) и балкой Ширкан-Дереси (рис. 1).

Название Сотера (Сутира, Сютерия, Стерия, Сотира), видимо, происходит от греческого слова «Σωτήρια» – «спасение» (Кеппен 1836: 58). О существовании здесь остатков древнего поселения и церкви известно с начала XIX в. (Материалы... л. 17, 17 об; Головкинский 1894: 423; Ставровский 1910: 783). По мнению известного краеведа Г.Э. Караулова это место упоминается в генуэзских казначейских списках среди населенных пунктов консульства Солдайя (XIV–XV вв. н.э.) под именем *Losdifo (Osdaffum, de lo Sdaffo)* (Караулов 1883: 206). Иная точка зрения впоследствии была высказана А.Л. Бертье-Делагардом, который полагал, что Сотера находилась в пределах генуэзского капитанства Готия (Бертье-Делагард 1920: 24), точнее, где-то вблизи границы между округами Эллис и Кинсанус (Веймарн 1968: 79, рис. 30). С.Г. Бочаров, занимавшийся разработкой вопросов исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв., в частности, локализацией селений консульства Солдайи, склоняется к мнению Г.Э. Караулова, помещая в урочище Сотера селение *Osdaffum, de lo Sdaffo* генуэзских источников. Исследователь предполагает, что в османское время этот же населенный пункт мог быть известен под названием Монастир (*Monastir*) и обосновывает эту гипотезу тем, что в качестве признака номинации селения могло быть использовано наличие в его пределах крупного двухапсидного храма (Бочаров 2005: 290)¹. Согласно османским налоговым переписям в

1520 г. в этом селении обитало 42 семьи, а к 1652 г. осталось только две (Бочаров 2005: 286, 289-290).

В 1948-1949 гг. В.П. Бабенчиковым, а в 1968-1969 гг. И.А. Барановым в урочище Сотера проводились первые археологические разведки. Они ограничивались лишь сбором подъемного материала, что, однако, позволило исследователям констатировать наличие в прибрежной части мыса остатков поселения и гончарного производства VIII–X вв. (Паршина 2002б: 118). Решением Крымского ОИК от 05. 08. 1969 г. № 595 объект был взят на государственный учет как памятник археологии «Поселение Сотера VIII–XV вв.» (охран. № 178). Площадь памятника составляет не менее 2 га.

В 1982-1983 гг., в связи с реконструкцией расположенного в урочище пионерского лагеря «Им. Вити Коробкова», на памятнике проводились охранные раскопки, осуществлявшиеся экспедицией ИА УССР под руководством Елены Александровны Паршиной. В результате проведенных исследований были получены общие сведения о топографии поселения, характере его застройки, сохранности архитектурных сооружений и мощности культурных слоев, а также об особенностях хозяйственной деятельности его обитателей. Поселение располагалось на естественных террасах южного и юго-восточного склонов прибрежного холма, со стороны моря укрепленных крепидами. На тыльной стороне каждой из них находились 1–2 или 4-х камерные строения (сложены из местного камня на грязи) с черепичной кровлей. Цокольные части многих строений врезаны в склон. Обнаружены вкопанные пифосы и земляные гидротехнические сооружения (арык, водоотводные каналы). В результате визуального осмотра в пределах памятника удалось выявить около 38 жилищно-хозяйственных комплексов, три из которых подверглись раскопкам (Паршина 2002б: 117-127). Исследованы средневековые культурные отложения мощностью до 1,7-3,0 м, залегающие на глубине 1,5-3,0 м. На восточной окраине поселения зафиксированы следы связанного с ним гончарного производства. Выявлены и частично исследованы остатки трех горнов и скопление керамического боя (Паршина, Тесленко, Зеленко 2001: 61; Паршина 2002б: 124).

¹ Следует отметить, что наличие церкви вряд ли может однозначно восприниматься как отличительный признак, характерный лишь для поселения в урочище Сотера, а соответственно и использоваться как весомый аргумент для локализации здесь пункта «Монастир», упоминаемого в турецких переписях, так как, скорее всего, у большинства (если не у всех) близлежащих селений рассматриваемого времени были храмы. Сам же топоним «Монастырь» довольно распространен. Он известен, например, в с. Солнечногорском (бывш. Куру-Узень, Ксеропотам), по

отношению к холму на правом берегу р. Улу-Узень, на котором расположено современное кладбище и зафиксированы остатки средневекового храма (Белянский 2007: Л. 30; Лысенко, Тесленко 2002: Л. 14). Кроме того, при исследовании храма и поселения в Сотере материалы османского периода не обнаружены, в отличие от местности «Монастырь» в с. Солнечногорском (Тесленко, Лысенко 2002: Л. 13-14; 2003: 272).

Над западной частью поселения на каменистом мысу были полностью раскопаны остатки двухапсидного христианского храма, которые затем укрепили консервационными кладками (Паршина 2002б: 127-130; Лосицкий 2002: 132-138).

Основываясь на материалах этих работ, Е.А. Паршина датирует основную часть поселения VIII–X вв., указывая, что «развалины построек не хранят следов какого-либо нарочито насильственного разрушения, за исключением одной усадьбы, погибшей в пожаре», но имеют признаки разрушения оползневой характера (Паршина 2002б: 122). Храм исследовательница относит к более позднему времени (не ранее XI–XII вв.), отмечая, что вместе с несколькими усадьбами у моря он продолжал существовать вплоть до XV в.

Необходимость очередных исследований памятника была вызвана новой волной строительного бума в начале текущего столетия. Работы проводились в 2004, 2008-2013 гг. Алуштинским отрядом Горно-Крымской экспедиции Крымского филиала ИА НАНУ под руководством И.Б. Тесленко (2004, 2012, 2013 г.) и С.А. Телиженко (2008-2011 гг.) (краткую информацию см. в соответствующих выпусках АБУ и АДУ [Телиженко, Тесленко, Лисенко 2010: 421-424; Телиженко 2011: 342-343; 2012: 127-129; Тесленко, Алядинова 2013: 105-106; Тесленко 2014: 80-82]). Они были сконцентрированы в северо-восточной части поселения, где еще сохранялись небольшие его участки не занятые современной дачной застройкой². Осуществлялись визуальное обследование местности, топографо-геодезическая съемка территории памятника, зачистка бортов строительных котлованов, диагностическая шурфовка и раскопки отдельных выявленных объектов. Всего заложено 18 шурфов, общей площадью около 44,0 м² и 4 раскопа (2008, 2009, 2011 г.), площадью соответственно 218,0; 19,2; 166,8 и 78,1 м², зачищены борта двух строительных котлованов (протяженность – около 28,0 и 3,95 м), а также борт выемки под грунтовую дорогу (протяженность – 3,70 м) (рис. 1). В результате удалось уточнить восточную и северо-восточную границы памятника (рис. 1). Получено значительное количество разнообразного археологического материала, выполнено определение фаунистических находок, что позволило детализировать представления о различных аспектах жизнедеятельности обитавшего здесь населения. К настоящему времени обработка новых данных еще не завершена. Полная их публикация заслуживает, безусловно, специального монографического исследования. Однако, учитывая трудоемкость и длительность его подготовки, считаем целесообразным введение в научный оборот некоторых предварительных итогов наших семилетних изысканий.

В процессе работ были выявлены объекты, связанные с керамическим производством (следы функционирования гончарных горнов, отвалы керамического

брака), руины жилищно-хозяйственных комплексов и другие культурные остатки.

По наличию и/или преобладанию объектов различного функционального назначения в пределах исследованной территории выделяется два участка памятника – северо-восточный и западный. Естественной границей между ними служит хорошо выделяющийся в рельефе южный отрог г. Сотера (Устуранын-Хыры), на котором возведен храм (рис. 1). Северо-восточный участок характеризуется концентрацией гончарных производственных комплексов, что позволяет определить его как ремесленный район, специализировавшийся на массовом керамическом производстве (рис. 1). На западном участке обнаружены лишь жилищно-хозяйственные строения. Учитывая специфику топографии поселения, дальнейшая характеристика итогов наших исследований будет приведена согласно обозначенным районам.

Гончарный район в северо-восточной части поселения

Следы гончарного производства открыты в бортах трех тальвегов временных водотоков («западный», «центральный», «восточный») в прибрежной части юго-восточного склона г. Сотера (Устуранын-Хыры). Остатки гончарных комплексов и связанных с ними каменных строений выявлены в ходе исследований 2004, 2008-2010 и 2012 гг. на современной дневной поверхности (рис. 1: М-1, М-2), в бровках двух строительных котлованов и грунтовой дороги (рис. 1: Б-1, Б-2, Б-3), в трех из девяти диагностических шурфов (рис. 1: 1, 2, 4) и двух раскопах (рис. 1: I, II)³.

Один из производственных объектов располагался в правом борту «восточного» тальвега временного водотока, на высоте около 16,0-18,0 м над уровнем моря, примерно в 50,0-55,0 м от береговой полосы (рис. 1: М-2). Здесь на современной дневной поверхности видны выходы культурного слоя, содержащего значительное количество комьев глины, пережженной до кирпично-красного цвета и фрагментов амфор причерноморского типа. Кроме того, обнаружены крупные обломки сильно пережженных (часто до остеклования) керамических кирпичей и обмазки, являющихся, скорее всего, конструктивными элементами топочной камеры гончарного горна. Размер пятна культурного слоя – около 4,0×7,0 м. Многочисленный подъемный керамический материал представляет собой, видимо, часть свалки производственного брака. Судя по его составу, здесь обжигались амфоры причерноморского типа преимущественно первого варианта⁴ (рис. 2). Размеры, сохранность и количество самих обжигательных сооружений без дополнительных археологических или геомагнитных исследований определить не представляется возможным. Не более чем в 8,0-10,0 м

² Активное дачное строительство в прибрежной части памятника, осуществлявшееся в конце XX – начале XXI вв., проводилось без предварительных раскопок и какого-либо контроля со стороны археологов.

³ Одним из шурфов был вскрыт участок северо-западной стены строения, раскопанного Е.А. Паршиной в 1982-83 гг. (рис. 1: раскоп 1982-83 гг., шурф № 8).

⁴ Здесь и далее варианты амфор причерноморского типа местного производства определены согласно классификации, предложенной А.Л. Якобсоном (Якобсон 1979: 29-32, рис. 12; 13: 1-4).

к западу, на хребте этого же водораздела и отчасти его юго-западном склоне отмечены остатки каменной кладки, сложенной из среднего и мелкого бута насухо или на глине (длина – 5,0 м, высота – до 0,55 м) (рис. 1: *M-1*). Также обнаружено компактное скопление значительного количества крупных обломков кровельной черепицы (керамид и калиптеров) VIII–X вв., фрагменты массивного венчика красноглиняного пифоса, стенок и ручек амфор причерноморского типа (рис. 3). В целом, пятно культурного слоя прослежено на участке размером примерно 7,0×10,0 м. Эти находки, скорее всего, свидетельствуют о существовании здесь крытого черепицей строения, которое, вполне вероятно, могло быть связано с деятельностью гончарной мастерской.

Второй объект находится в правом борту «центрального» тальвега, на высоте не более 15,0–16,0 м над уровнем моря, примерно в 40,0–45,0 м от берега моря (рис. 1: *B-2*). Здесь в оплывшей бровке врезанного в склон строительного котлована зафиксированы выходы культурного слоя с большим количеством фрагментов средневековой керамики, в основном, амфор (рис. 4). Протяженность бровки – до 3,95 м, высота – до 1,6 м, она ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. После зачистки удалось уточнить стратиграфию и характер литологических и культурных отложений, вскрытых котлованом. Слои на исследованном участке залегают согласно рельефу склона, понижаясь к юго-западу, угол падения – не более 20–25°. В целом, обнаруженная в шурфе пачка отложений представлена пятью слоями (рис. 4):

0 – слой рыхлого серо-коричневого гумусированного грунта с мелким делювием материковых пород и современным бытовым мусором (дерн), мощность – до 0,08–0,10 м;

1 – слой рыхлого коричневого грунта с мелким делювием пород таврической серии, современным бытовым и строительным мусором, мощность – до 0,78 м;

2 – слой рыхлого коричневого грунта с мелким делювием пород таврической серии, отдельными мелкими фрагментами керамики VIII–IX вв., мощность – до 0,15–0,20 м;

3 – слой коричневого глинистого грунта насыщенного крупными обломками керамики (в основном амфор) и пещины, мощность – до 0,22–0,54 м;

4 – слой плотного коричневого грунта с разномерным обломочным материалом пород таврической серии (алевролит и аргиллит), мощность – до 0,40–0,60 м;

5 – материк (алевролит-аргиллитовая скала).

Слой № 3 плотно насыщен керамическим материалом средневекового времени и фрагментами пещины. При зачистке бровки отобрано 425 обломков керамики. Абсолютно преобладали фрагменты амфор причерноморского типа первого варианта, с мелким зональным рифлением в верхней части корпуса (416 фрагментов) (рис. 6–8). Найдены также фрагменты керамиды (1), амфор с широким горлом, профилированным выступом (1), четырех ойнохой двух типов (с прямым плоско срезанным и широким, подтреугольным

в сечении венчиком, уплощенной ручкой, профилированной пальцевым вдавлением в месте верхнего прилепа) и одной фляги местного производства (рис. 5). В целом материал из слоя датируется в рамках второй половины VIII– первой половины IX вв. Скорее всего, основную часть находок в слое составляют отвалы керамического производственного брака и продуктов разрушения одной из гончарных печей.

В 10,0 м к западу от бровки на высоте около 20,5 м н.у.м. в одном из шурфов выявлены культурные остатки, указывающие на существование здесь каменного строения, крытого черепицей (рис. 1: *I*; 9). Под делювиальными отложениями мощностью до 0,98 м (рис. 9: *II*, *слои №№ 1, 2*), вскрыт слой разрушения каменной постройки – темно-коричневый достаточно плотный грунт с большим количеством мелкого и среднего обломочного материала местных материковых пород, фрагментами керамических кирпичей, большим количеством битой черепицы и обломков амфор причерноморского типа (мощность – до 1,30 м) (рис. 9: *II*, *слой № 3*). В нижней части отложений зафиксировано скопление крупных обломков черепицы, залегающих горизонтально в 2–3 яруса (мощность – до 0,15 м) (рис. 9: *I*, *II*). Его подстилал слой желто-коричневой глины (мощность – до 0,09 м), покрывающий поверхность материка (рис. 9: *II*, *слой № 4*). Вероятно, площадка для строительства была предварительно снивелирована и подсыпана тонким слоем глины. Значительную часть находок составляют обломки черепицы местного производства – керамид и калиптеров, причем последние явно преобладают (рис. 10: *I-5*). Также многочисленны обломки амфор причерноморского типа первого и второго вариантов (рис. 11). В единичных экземплярах представлены обломок стенки толстостенного красноглиняного пифоса местного производства и керамическая подставка под амфору (рис. 10: *6*). Дополняют коллекцию находки красноглиняных плоскодонных гончарных сосудов (рис. 10: *7, 8*), фрагменты пещины и фаунистические материалы (створки устрицы и трубчатые кости птиц).

Примерно в 31,0 и 36,0 м к северо-западу от этих объектов, на высоте около 27,0 и 29,0 м над уровнем моря при шурфовке под делювиальными отложениями на глубине 0,40–0,70 м от современной дневной поверхности зафиксированы контуры углублений, впущенных с поверхности плотного светло-коричневого глинисто-щебнистого (предматерикового) грунта (рис. 1: *2, 4*; 12). В заполнении ям отмечено большое количество древесных углей, пещины (конструктивные элементы горнов) и пережженной глины (рис. 12: *I*, *слой № 3*; *II*, *слой № 3*). Здесь также найдены фрагменты глиняной обмазки, обломки керамид, амфор причерноморского типа первого и второго вариантов (рис. 14: *II*). Объекты полностью не исследовались, однако полученные материалы позволяют предположительно интерпретировать их как остатки разрушенных теплотехнических сооружений – гончарных горнов.

Еще один разрушенный горн, яма с керамическим браком и руины двух каменных строений выявлены

в бровке строительного котлована в левом борту «западного» тальвега, на высоте около 33,0-36,0 м над уровнем моря, примерно в 150 м от береговой полосы (рис. 1: Б-3; 13). Бровка ориентирована по линии юго-запад – северо-восток, ее протяженность – 28,0 м, высота – 1,5-2,5 м. Средневековые комплексы (остатки теплотехнического сооружения и каменных кладок, различные ямы) залегают на глубине 0,50-1,35 м под дерном (слой № 1) и различными делювиальными отложениями (слои №№ 2, 2а, 10, 11) (рис. 13: 1-6).

Остатки теплотехнического сооружения представляют собой яму, впущенную в плотный коричневый глинисто-щебнистый грунт (слой № 3) и скальные породы таврической серии (алевролиты) (слой № 12), борта которой прокалены до кирпично-красного цвета (рис. 13: 1, 6). В разрезе яма сегментовидной формы. Ее длина – 2,40 м, сохранившаяся глубина – 0,87 м. Грунт вдоль бортов прокален на 0,32-0,80 м. Внутреннее пространство заполнено достаточно плотным коричневым глинистым грунтом с мелким делювием материковых пород и прослойками пережженной до темно-красного цвета глины (рис. 13: 1, 6). Вероятно, это нижняя часть топочной камеры гончарного горна, прекратившего существование еще в древности. Из ее заполнения происходят отдельные фрагменты керамики, мелкие и средние камни (обломочный материал местных горных пород), створка устрицы. Все найденные обломки амфор относятся к местной группе сосудов причерноморского типа, как первого, так и второго вариантов (рис. 14: II – 1,3,8; 15: 1-3).

В 1,5 м и 9,5 м к северо-востоку от сооружения зафиксированы две ямы с покатыми бортами, также впущенные в археологически стерильные литологические слои (№№ 3, 7), залегающие на поверхности материка (рис. 13: 2-4, 6, ямы №№ 1, 2).

Яма № 1 (ширина – 2,20 м, глубина – до 0,50 м) заполнена достаточно рыхлым темно-коричневым грунтом с прослойками прокаленной глины, делювием материковых пород, фрагментами керамики, преимущественно стенками амфор причерноморского типа (рис. 13: 2, 6, яма № 1).

Яма № 2 (ширина – около 1,0 м, глубина – до 0,50 м) наполнена коричневым глинистым грунтом с большим количеством крупных обломков амфор причерноморского типа (не менее 75), отдельными фрагментами черепицы и стенок сероглиняных кухонных горшков (рис. 13: 3, 4, 6, яма № 2; 14: 1 – 2, 5-7; 15). Все обнаруженные здесь верхние профильные части амфор принадлежат «причерноморкам» второго варианта (рис. 14: 1 – 2, 5-7; 15: 1-3).

Очевидно, что оба объекта связаны с керамическим производством. Причем яма № 2, скорее всего, использовалась для свалки керамического брака. Функциональное назначение ямы № 1 не ясно, возможно, она имеет отношение к располагавшемуся к юго-западу от нее гончарному горну.

В 0,50 и 3,30 м к северо-востоку от ямы с браком в бровке отмечены остатки кладок и слоя разрушения двух каменных строений (рис. 13: 4-6).

Строение № 1. Зафиксировано в 0,50 м к северо-востоку от ямы № 2. В бровке отчетливо виден контур котлована, впущенного в плотные предматериковые слои коричневого глинисто-щебнистого грунта (№ 3) и темно-коричневой глины (№ 7) (глубина – до 0,5 м). В нем сохранились остатки каменной кладки, а также слоя разрушения каменного строения – достаточно рыхлый коричневый грунт с большим количеством мелкого и среднего обломочного материала местных скальных пород (№ 13) (рис. 13: 4-6). Мощность этих культурных отложений – до 0,7 м, прослежены в длину – на 2,05 м. Кладка впущена в небольшое углубление на дне котлована (ширина – 0,60 м, глубина – 0,20 м). Сохранилась ее лицевая поверхность, примыкающая к борту котлована, в виде пяти камней, уложенных вертикально в ряд (высота – 0,7 м). Строительный материал местного происхождения, подобран по форме и размерам, дополнительной обработке не подвергался. Современной землеройной техникой, вероятно, была уничтожена угловая часть здания. На основании имеющихся сведений довольно сложно судить о его параметрах и конструкции. В слое разрушения отмечен крупный фрагмент печины, возможно, использованный вторично при строительстве.

Строение № 2. Расположено примерно в 1,5 м к северо-востоку от строения № 1 (рис. 13: 5, 6). Как и в первом случае, возведению здания предшествовали земляные работы, целью которых, вероятно, было обустройство на склоне горизонтальной террасы или котлована. В бровке виден один из бортов углубления, частично впущенного в скальную породу (алевролитовую скалу) (№ 12). Сохранившаяся высота борта – 0,8 м. Связанные со строением культурные отложения прослежены в длину примерно на 6,0 м, их мощность – до 0,9 м. Они состоят из трех различных по происхождению слоев. На дне подрубки в центре отмечено скопление древесных углей (линза протяженностью 0,25 м, мощностью 0,05-0,07 м), выше которого, практически вдоль всего дна котлована (за исключением его северо-восточной части), залегал слой плотной темно-коричневой глины (№ 9) (длина – 4,3 м, мощность – до 0,15 м), вероятно, представляющий собой подсыпку пола. Выше зафиксирован горизонтальный ряд из крупных обломков местных скальных пород, расположенных плашмя и под углом на глиняной подсыпке или скальном дне котлована (рис. 13: 5, 6). Камни с уплощенными поверхностями, не обработаны, но, очевидно, специально отсортированы по форме и размерам. Возможно, они представляют собой остатки нижнего ряда кладки одной из стен здания. Над ними залегал слой достаточно рыхлого коричневого глинистого грунта, насыщенный продуктами разрушения каменных кладок (разномерным бутом) и обломками керамики (№ 13а).

Вполне вероятно, что оба строения были разрушены еще в древности под воздействие природных факторов. Незначительная мощность слоев разрушения может быть обусловлена последующей добычей здесь строительного камня.

Большинство археологического материала из построек составляют фрагменты амфор причерноморского типа, которые по конфигурации профиля верхних частей могут быть отнесены ко второму варианту (рис. 14: *I* – 9, 10, 13, 14). Кроме того, здесь найдены обломки ручки и днища других сосудов закрытой формы, вероятно, горшков или кувшинов (рис. 14: *I* – 11, 12).

Стратиграфическая позиция зафиксированных в борту котлована объектов, а также типологическая однородность сопровождающего археологического материала, в особенности амфорного, позволяют предполагать их синхронность и возможную взаимосвязь.

Примерно в 10,0 м к юго-востоку от бровки, в процессе проведения земляных работ по подготовке площадки под современное строительство, были выявлены остатки еще двух строений, которые удалось исследовать более полно (рис. 1: *I*; 16). Общая площадь заложенного здесь раскопа составила 218 м².

Здания располагались на относительно пологом участке южного склона, одно над другим, на высоте около 30,0–33,0 м над уровнем моря, примерно в 120,0–138,0 м от берега моря. Верхнее (северное) строение почти полностью срезано тяжелой землеройной техникой (рис. 16: *строение 2*; 19)⁵. Нижнее (южное) – сохранилось достаточно хорошо, повреждены лишь верхние ряды кладок и слой разрушения (рис. 16: *строение 1*; 17; 18).

Строение 1 возведено в котловане, впущенном в склон холма (рис. 17; 18; 20; 21: *I*). Ориентировано лицевым фасадом на юг с незначительным отклонением к востоку. Максимальная глубина врезки со стороны склона – до 1,80 м. Здание прямоугольной в плане формы с антами, которые являются продолжением его боковых стен. Размеры постройки: ширина – 5,85 м, общая длина – около 6,0 м, длина выступов – 1,70–1,85 м. Толщина внешних стен – около 0,45–0,65 м, сохранность – до 0,20–1,90 м. Кладки стен плотно примыкают к бортам котлована, образовавшиеся зазоры заполнены коричневым глинистым грунтом. Боковые и передние стены опираются на слегка углубленный фундамент, задняя поставлена на подсыпку из желтой глины на дне котлована. Здание сложено из мелкого и среднего обломочного материала местных материковых пород и крупной морской или речной гальки (аргиллит, песчаник, конгломерат, известняк). Камни в кладке подобраны по форме и тщательно выставлены. В качестве связующего раствора использована местная глина. Мелкие пустоты зачеканены обломками черепицы, кирпичей и амфор причерноморского типа. Стены трёхслойные двухлицевые, возведены с соблюдением порядовки и применением местами кладки «в ёлку». Углы не перевязаны. В кладке южной стены с внутренней стороны помещения, на высоте 0,75 м от его пола зафиксированы остатки деревянного бруса, разделяющего ряды камней. Вход расположен в западной части этой же стены. В качестве порога служила

поверхность ее фундамента. Ширина проема – 1,0 м. Пол относительно ровный земляной, местами образован уплотненным слоем желтой глины на скальном дне котлована. На нем, примерно в центре помещения (ближе к тыльной стене) располагался небольшой открытый очаг (рис. 16: *очаг № 5*; 21: 4) округлой в плане формы (диаметр – 0,24 м, мощность – 0,2 м). В его заполнении выявлены древесные угли, а в непосредственной близости – развалы двух горшков (рис. 38: 5, 6)⁶. Здание, скорее всего, завершалось крышей со стропильной конструкцией и черепичной кровлей.

За время своего существования здание как минимум единожды подвергалось ремонту, в рамках которого осуществлено возведение внутренней продольной перегородки, пристроенной к тыльной стене (рис. 16: *кладка № 8*; 21: *I-4*) и однолицевой кладки у заднего фасада (рис. 16: *кладка № 10*). Работы, скорее всего, были вызваны необходимостью укрепления стены, замыкающей контур строения со стороны склона с целью предотвращения ее обрушения, так как в процессе функционирования кладка подверглась значительной деформации, накренившись вовнутрь (угол наклона в центральной части составляет около 20°). При этом внутренняя перегородка выполняла, очевидно, функцию контрфорса. Кладка несколько смещена к юго-западу от продольной оси здания (частично перекрыла остатки находившегося здесь очага), двухслойная, трехлицевая, сложена из подобранных плоских обломков местного камня и керамид на глине (рис. 17; 18: *I*; 21: *I-4*)⁷. Она разделила внутреннее пространство на два помещения, соединяющихся между собой проемом, оставленным между перегородкой и южной стеной. Порог (высота – 0,14 м, ширина – 0,2 м) был образован обломками калиптера (рис. 18: *I*; 21: 4). Площадь первого помещения (1) – 4,61 м² (2,7×1,8×2,1×1,7 м), второго (2) – 6,28 м² (2,8×2,6×2,1×2,1 м). Толщина стены – 0,43 м, сохранившаяся высота – 0,82 м. Ширина прохода – 0,60 м.

Внешняя кладка (№ 10), возможно, формировала край водоотводной канавы, предотвращая подмывание тыльной стены здания дождевыми водами (рис. 16: *кладка № 10*; 17: 2). Кладка (ширина – 0,40–0,50 м, высота – до 0,45 м, прослежена в длину на 3,50 м) сложена в один ряд из крупных камней (песчаник, аргиллит) на глине.

Возможно, аналогичную водоотводную функцию могли выполнять и углубления различных конфигураций с севера и юга от строения (рис. 16). При этом «южная» канава у главного фасада была засыпана еще в процессе функционирования здания. На ее месте устраивается открытый неуглубленный очаг, следы которого фиксируются в виде овальной в плане линзы из мелких частиц прокаленной глины и большого количества древесных углей (размер – 2,6×1,4 м, мощность – до 0,05 м) (рис. 16: *очаг № 1*; 22: *разрез б–5*). Среди находок

⁶ Характеристика сосудов приводится ниже.

⁷ Из кладки происходит 679 фрагментов керамид, в том числе с метками (рис. 25: *I*), 135 – калиптеров, 98 обломков стенок пифосов и амфор.

⁵ Здесь землеройной техникой снято около 0,50 м различных отложений.

из линзы следует отметить кости рыб и птиц, рыбью чешую и створки морских моллюсков, что свидетельствует об использовании очага для приготовления пищи.

Еще один очаг, вероятно, каким-то образом связанный с функционированием строения 1, зафиксирован с внешней стороны его западной стены, на расстоянии около 0,13 м от нее (рис. 16: *очаг № 2*). В плане он неправильной округлой формы (диаметр – 0,45 м), углублен относительно древней дневной поверхности на 0,35 м. В заполнении обнаружены только древесные угли. Назначение очага определить сложно.

В целом, следует отметить, что подобная планировка домов с обустройством своеобразного портика в антах перед входом, достаточно редко встречается среди раскопанных на сегодняшний день средневековых жилых строений Таврики. Наиболее близкую аналогию удалось обнаружить на одном из раннесредневековых поселений близ с. Передового (Юго-Западный Крым), исследованном в 1965 г. (Якобсон 1970: 85, рис. 46)⁸.

Строение 2 располагается примерно в 5,50 м к северу от строения 1 (рис. 1: *I*; 16; 19). Оно также углублено в склон и примыкает к бортам котлована. Образувавшиеся зазоры заполнены смесью из глины и фрагментов красноглиняных сосудов. Пол подсыпан тонким слоем желтой глины. Стены возведены из мелкого и среднего бута, а также крупной морской или речной гальки местных скальных пород (аргиллит, песчаник, известняк), уложенных относительно выраженными рядами, местами с использованием техники «в елку» (рис. 21: 5-9). Для заполнения пространства между камнями также использованы обломки керамики и калиптеров, кирпича (часто пережжен до темно-фиолетового или черного цвета).

Здание прямоугольной формы, ориентировано по сторонам света (рис. 16; 19). Восточная стена, северо-западный угол и передняя часть постройки частично уничтожены, поэтому достоверно судить об устройстве южной части здания, а также расположении входа затруднительно. Размеры постройки: ширина – 6,3 м, сохранившаяся длина – около 6,5 м. Кладки двухслойные, трехслойные, пристроены одна к другой (нижние ряды северной и восточной кладок перевязаны), опираются на фундаменты, впущенные в траншею глубиной 0,20-0,25 м. В конструкции северной стены использован естественный выступ скалы, дополнительно обработанный подрубкой (рис. 16; 21: 8). Следует отметить специфический технологический прием, примененный при сооружении этой стены. Здесь до возведения кладки скальная поверхность подрубки была покрыта тонким (до 0,03 м) слоем желтой глины, на который затем уложили обломки стенок амфор. Пространство между кладкой и этой вымосткой заполнили мелким щебнем и дрсвой. Толщина внешних стен – около 0,50-0,75 м, сохранность – до 0,20-0,75 м.

Внутреннее пространство здания разделено капитальной поперечной стеной на два помещения: северное или верхнее (1) и южное – нижнее (2) (рис. 16; 19).

Нижнее (южное) помещение представляет собой полуподвал, углубленный относительно пола верхнего помещения на 0,75-0,80 м (рис. 19; 22). Северная, восточная и западная его стены образованы каменными кладками, южная представляет собой грунтовый борт, лишенный облицовки. Помещение в плане имеет форму прямоугольника, вытянутого по линии запад – восток, с несколько искривленным контуром южной стороны. Площадь помещения 6,1 м², длина – 2,9 м, ширина – 4,5 м. Пол земляной, со слегка бугристой поверхностью. Вдоль западной кладки в помещение ведет грунтовый пандус, который, вполне вероятно, маркирует вход с улицы (рис. 16). Каким образом помещения соединялись между собой – не ясно. Разделяющая их стена сильно повреждена в процессе современных земляных работ, поэтому достоверные данные о расположении прохода отсутствуют. В центральной части помещения у грунтового борта устроены две ямы с покатыми стенками. Одна из них округлой в плане формы (рис. 16: *яма № 5*; 22: *разрез 1-2*), диаметром 0,25 м, глубиной 0,20 м. Вторая – подовальная (рис. 16: *яма № 4*), длиной 1,10 м, шириной 0,70 м, глубиной 0,45 м. Первая из них могла использоваться для установки небольшого круглодонного сосуда (амфоры?). Вторая, возможно, служила для размещения двух пифосов. Остатки самих сосудов не выявлены. Вероятно, этот полуподвал выполнял функцию кладовой для хранения припасов.

Верхнее (северное) помещение более просторное, его внутренние размеры: площадь около 15,6 м², ширина 5,35 м, длина 3 м. В северо-восточном углу располагался наземный очаг, сохранившийся в виде линзы, насыщенной частицами пережженной до кирпично-красного цвета глины и древесными углями. Линза в плане округлой формы с нечеткими очертаниями (рис. 16: *очаг № 4*), размером 0,8×0,55 м. Грунт прокален на 0,02-0,03 м. Судя по материалам, обнаруженным в заполнении очага и в непосредственной близости от него (фрагменты кухонных горшков, створки морских моллюсков, кости животных), он, скорее всего, использовался для приготовления пищи. Пол помещения относительно ровный, с небольшим углублением у западной стены, представляет собой поверхность дна строительного котлована. В юго-восточном углу прослежен прямоугольный в плане выступ материка (размер около 2,0×1,6 м), оставленный, вероятно, при копке котлована под здание (рис. 16; 19). Частично эта конструкция уничтожена современными земляными работами, поэтому выяснить ее точные изначальные параметры, в частности высоту, не представляется возможным (сохранившаяся высота – до 0,20 м). У северной стены в полу помещения располагались две округлые в плане ямы с покатыми стенками, вероятно, служившие для установки крупных тарных сосудов (рис. 16: *ямы №№ 6, 7*; 19; 22: *разрез 1-2*). Диаметр одной из них (№ 7) – 0,85 м, глубина – 0,50 м; второй (№ 6) – соответственно 0,62 и 0,75 м. Остатки сосудов в ямах не обнаружены, вероятно, они были извлечены до разрушения стен постройки.

⁸ Благодарю В.П. Кирилко за консультацию по данной проблеме.

Здание, скорее всего, завершалось крышей со стропильной конструкцией и черепичной кровлей. Характер перекрытия полуподвала не ясен. Аналогии подобному архитектурному решению найти не удалось.

К югу от строения 1, на расстоянии около 1,0-6,0 м от южной стены полуподвала, было исследовано несколько ям различного размера и конфигурации (рис. 16: *ямы №№ 1-3*). Яма № 1 в плане прямоугольная со скругленными углами, длиной 2,80 м, шириной 2,0 м, глубиной до 0,70 м. С запада к ней примыкает яма № 3, совмещенная с ямой № 2. Обе они овальные в плане с покатыми бортами, раскопаны частично (выходят за пределы исследованной территории). Длина – около 1,10 и 2,0 м, глубина – около 0,40 и 0,80 м. Возможно, ямы были каким-то образом задействованы в системе водостока или водосбора. Судя по отсутствию в ямах слоя разрушения каменных строений, они, возможно, были засыпаны еще в процессе функционирования построек, что дополнительно подтверждается обустройством очага в засыпи ямы № 3 (рис. 16: *очаг № 3*). Очаг округлой в плане формы, диаметром до 0,50 м. Глубина прокаленного грунта – 0,12 м.

Стратиграфия исследованного участка достаточно простая. Как уже отмечалось выше, значительный объем средневековых отложений в северной части раскопа был уничтожен при нивелировании склона современной тяжелой техникой. Наименее повреждены культурные слои на участке строения 1. В заполнении помещений 1 и 2 они достигают мощности 1,90-2,00 м, уменьшаясь вниз по склону до 0,45-0,25 м. К северу от здания наилучшим образом средневековые отложения сохранились в заполнении полуподвального помещения строения 2 и различных ям, а также на участке западной прирезки (рис. 16). Здесь их максимальная мощность составляет 0,40-0,85 м. На остальной территории и между зданиями сохранность седимента с археологическим материалом – не более 0,20-0,25 м.

В целом выделено пять слоев, содержащих культурные остатки (рис. 22: *слои №№ 1-5*), а также археологически стерильные материковые отложения (глины и скальные породы таврической серии) (рис. 22: *слой № 6*). Последние, как уже упоминалось, претерпели значительные антропогенные преобразования при обустройстве котлованов под каменные постройки и различных ям. Абрис поверхности материка и остатки архитектурных сооружений задают конфигурацию профиля залегающих на них слоев.

1. Рыхлый гумусированный коричневый грунт с мелким делювием пород таврической серии и фрагментами керамики – дерн (рис. 22: *слой № 1*). Мощность – 0,03-0,07 м. Сохранился только в южной части раскопа.

2. Слой рыхлого коричневого грунта с мелким и средним делювием пород таврической серии, фрагментами керамики (рис. 22: *слой № 2*). Археологический материал расположен равномерно, не образует выраженных скоплений, залегает как вертикально, так и горизонтально, отдельные обломки окатаны.

Представляет собой, вероятно, делювиальные отложения, накопившиеся на руинах построек.

3. Слой достаточно рыхлого, темного, желтовато-коричневого грунта с большим количеством крупного и среднего камня, а также археологическими артефактами, большинство которых составляли фрагменты керамической черепицы (рис. 22: *слой № 3*). Слой представляет собой продукт разрушения кровли и кладок строений, сконцентрирован у руин каменных построек. Наибольшей мощности (до 1,90-1,95 м) он достигал в заполнении строения 1. Между камнями слоя многочисленны пустоты значительного объема, что свидетельствует о достаточно интенсивном процессе обрушении кладок. Археологический материал распределен по всему профилю относительно равномерно. Только в нижней части слоя в северо-западном углу помещения 1 и с внешней южной части строения наблюдались компактные скопления черепицы (керамид и калиптеров), залегающей горизонтально (рис. 18: *1*). Исходя из этого, можно предположить, что процесс разрушения кровли начался с участков между антами и в северо-западном углу постройки 1. Позже внутреннее пространство здания заполнилось строительным камнем со стен и остатками черепичного перекрытия, делювием и фрагментами керамической посуды, как от сосудов, располагавшихся внутри помещений (нижняя часть завала), так, вероятно и привнесенными под воздействием природных факторов из объектов, расположенных выше по склону (верхняя часть слоя разрушения).

4. Плотный слой желто-коричневой глины (мощность до 0,05 м) частично покрывал дно котлованов, образуя пол помещений (рис. 22: *слой № 4*). Распределен по поверхности неравномерно, прослежен под некоторыми кладками, установленными без фундамента. На этом горизонте зафиксировано три очажные линзы (рис. 16: *очаги №№ 1, 4, 5*), связанные с функционированием помещений, компактные скопления фрагментов керамических сосудов, располагавшиеся преимущественно у очагов, а также другие артефакты.

5. Заполнение различных углублений внутри и за пределами строений. Часть из них, видимо, прекратили использовать в период функционирования зданий. Это ямы №№ 1-3, а также некоторые канавы к северу и югу от строения 1. Их заполнение состояло из достаточно плотного глинистого грунта с мелким делювием материковых пород, фрагментами керамики и костей животных (рис. 22: *слой № 5a*). Ямы №№ 4-7, связанные с хозяйственной деятельностью обитателей строения № 2, вероятно, перестали использоваться синхронно с этой постройкой и наполнились рыхлым темно-коричневым грунтом с повышенной концентрацией бута и крупных обломков керамики в верхней части (рис. 22: *слой № 5b*).

При раскопках этого участка памятника выявлено 17285 единиц находок, не считая фаунистических остатков⁹. Большинство из них составляет керамика

⁹ Анализ фаунистических материалов из раскопок в Сотере 2008-2011 гг. осуществлен Е.Ю. Яныш, см. статью исследовательницы в этом же сборнике.

(17264 ед. или 99,9%), представленная широким спектром изделий различного функционального назначения (строительная, бытовая емкостная, специальная технологическая)¹⁰. Достаточно редки (не более 0,1 %) артефакты из камня, металла (железо, бронза) и биогенных материалов (кости, створки морского моллюска).

Примерно 1,0% всех находок происходит из дерна, 78,4% – связано со строением 1, 16,1% – со строением 2, остальные 4,5% – обнаружены в заполнениях ям и в слое № 2 между постройками 1 и 2.

Материалы из дерна сильно фрагментированы, включают, в основном, амфоры причерноморского типа, несколько обломков керамид, стенок пифосов, красноглиняных и коричневоглиняных кухонно-столовых сосудов, фрагменты пирамидальной подставки под амфору, печины и края керамического «ящика», форма которого реконструирована по находкам из нижележащих слоев (рис. 39).

Наиболее репрезентативен комплекс артефактов, образовавшийся в процессе функционирования и разрушения строения 1, практически не задетого современными земляными работами. Без учета материалов из кладки внутренней перегородки-контрфорса общее число находок составляет 12453 единицы. Из них 12436 – это керамика.

Строительные материалы представлены фрагментами керамид и калиптеров местного производства (соответственно 3535 и 1697 единиц – 42,0 % керамических находок) (рис. 23; 24: 1, 3, 4; 25: 1, 3, 4), а также плинфы (6 обломков). На керамидах встречаются метки в виде надписей, отдельных литер греческого алфавита (рис. 23: 3; 24: 1, 3, 4; 25: 1, 34) и тамгообразных символов (рис. 25: 4), отпечатки лап домашних животных (котов, собак) и детских ладоней. На калиптерах метки более редки и лаконичны (рис. 23: 4). Вероятно, в качестве кладочного материала вторично использовались обломки печины (93 единицы).

Подавляющее большинство тарных сосудов составляют местные амфоры причерноморского типа (6533 фрагмента, из них 205 обломков венчиков – 52,5% керамических находок) (рис. 29-34; 35: 1-7), среди которых преобладают изделия второго варианта по А.Л. Якобсону. Профильные части амфор первого варианта и обломки стенок с зональным рифлением малочисленны. К керамической таре местного производства также относятся пифосы (280 фрагментов не менее чем от двух сосудов) (рис. 28: 1, 2), крупные пифонидные амфоры (10 фрагментов минимум от одного сосуда) (рис. 35: 8) и фрагментированная фляга, украшенная росписью коричнево-красным ангобом (рис. 35: 10, 11). Импортные емкости представлены разрозненными обломками одного высокогорлого кувшина с широкими плоскими ручками (рис. 35: 9). Черепок сосуда плотный, на изломе коричнево-красного цвета. В глиняном тесте видны примеси черного блестящего

остроугольного песка (пироксена?), частиц плотного прозрачного минерала (кварц), мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, разнородного песка. Внешняя поверхность сосуда покрыта красным ангобом, с внутренней стороны черепок темно-коричневого цвета. D венчика – около 12,0 см; D дна – 12,0 см; толщина стенки – 0,8-1,1 см.

Кухонно-столовая посуда, несмотря на свою немногочисленность (316 единиц – 2,5 % керамических находок из строения 1), отличается морфологическим разнообразием. Большинство (202 фрагмента – около 64,0 %) представлено изделиями, черепок и состав теста которых подобен амфорам причерноморского типа, но с примесями более мелкой фракции. Сосуды сформованы на скоростном гончарном круге (этап РФК 7 по А.А. Бобринскому [1978: 27]), о чем свидетельствуют следы ротации на внутренней поверхности. Ассортимент изделий довольно разнообразен. В основном это кувшины как минимум четырех разновидностей: с коротким слегка выпуклым горлом и зауженным к краю венчиком, с коротким или удлиненным горлом и треугольным в сечении венчиком, с горизонтально отогнутым венчиком (рис. 36: 9-16), а также узкогорлые и широкогорлые ойнохои (рис. 36: 2, 5-7). Последние снабжены одной вертикальной ручкой со сквозным отверстием сверху, крепящейся к краю венчика и середине корпуса (рис. 36: 5, 6, 18). Возможно, этим же кувшинам принадлежит и небольшая горизонтальная ручка, которая, судя по аналогиям, могла помещаться у днища сосуда (рис. 36: 19). Также встречаются фрагменты ручек со сквозным отверстием у нижнего прилепа. Некоторые изделия дополнительно украшались росписью красным ангобом (рис. 36: 14). Днища сосудов, как правило, массивные (рис. 36: 20-22), однако у некоторых изящных экземпляров встречаются и очень тонкие. Кроме того, в ассортименте посуды этого же или близкого к нему производителя входили большие полусферические чаши и тарелки с условно горизонтальным бортом (рис. 36: 1, 3, 4, 8) и небольшие тонкостенные горшочки с коротким, отогнутым наружу прямым венчиком, профилированным небольшим ребром в месте изгиба с внутренней стороны (рис. 36: 17).

В меньшем количестве найдены коричневоглиняные кухонные горшки (114 единиц или 36,0 % кухонно-столовой керамики, в том числе полностью и частично реконструируемые формы). Они сформованы в технике скульптурной лепки из глиняных жгутов с частичным профилированием верхней части при помощи вращения круга (этап РФК-3 по А.А. Бобринскому [1978: 27]) (рис. 37; 38). На корпусе, в особенности изнутри сосудов, видны следы от вертикального заглаживания пальцами. Черепок изделий темно-коричневый, местами пережжен до серого или черного цвета, в тесте большое количество разнородного песка, частицы рыхлого минерала белого цвета (известь), отдельные зерна дресвы аргиллитов. Корпус округлых очертаний, горло короткое, плавно отогнуто наружу под углом до 45°, завершается скругленным, уплощен-

¹⁰ Из общего числа фрагментов 213 мелких обломков не поддаются точной атрибуции и не будут учитываться при дальнейшем анализе.

ным или слегка зауженным краем, к которому крепится плоская ручка, украшенная одним или двумя пальцевыми вдавлениями у венчика (рис. 37: 21, 22; 38: 5). Некоторые сосуды оформлены сливом в виде прогиба венчика (рис. 38: 5). Днище широкое, тонкое, плоское или слегка вогнуто вовнутрь (рис. 37: 3, 4; 38: 5, 7-13). В целом горшки довольно однообразны, немного различаются очертаниями корпуса, размерами и особенностями профилировки венчика. На одном из фрагментов стенки подобного сосуда по обожженной глине прочерчено граффити в виде тамгообразного знака (рис. 37: 18). Повышенная концентрация обломков кухонных горшков отмечена у очагов, что вполне согласуется с их прямым назначением. Так непосредственно у очага № 5 внутри строения 1 были обнаружены развалы двух горшков, форму одного из которых удалось восстановить (рис. 38: 5, 6). Еще несколько частично реконструированных сосудов происходило из нижней части слоя разрушения и с поверхности пола у очага № 4, располагавшегося восточнее входа в здание (рис. 37: 1-3; 38: 1-4).

К бытовой емкостной керамике, вероятно, относится и шестигранная емкость («ящик») с прямоугольным отверстием (рис. 39). Обломки изделия были сконцентрированы в квадратах Н-12-14, М-13-14, Л-13, у лицевого фасада строения 1 (рис. 16). Один фрагмент этого или подобного изделия происходит из дерна и один – из слоя разрушения строения 2¹¹. Форма «ящика» частично реконструирована из 47 фрагментов. Черепок плотный, на изломе приглушенного оранжевого цвета. Формовочная масса аналогична амфорам причерноморского типа: в глиняном тесте включения мелкодробленого шамота, мелкой и средней дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета. Вся поверхность украшена врезным декором, выполненным трезубым резцом и состоящим из рядов орнаментальных поясов, образованных зигзагами и ромбами. По форме ящик представляет собой усеченную четырехгранную пирамиду с прямоугольным проемом в основании, которое, вероятно, являлось верхней частью изделия. Проем, оснащенный бортиком и небольшим уступом, был, видимо, предназначен для устройства дверцы. Очевидно, для фиксации ее вращательной оси в боковых гранях проема были проделаны небольшие цилиндрические углубления (сохранилось одно из них) (D – 1,1 см, глубина – 0,9 см). Размер проема: длина – 19,8 см; сохранившаяся ширина – 6,0 см. Н бортика проема – 3,6-3,9 см; Н уступа – 1,3 см, ширина уступа – 0,5-1,0 см. Н ящика – около 37,0 см. Размер сохранившейся торцевой грани – 29,5×25,5 см. Максимальная ширина ящика – около 41,0 см. Толщина стенки – 1,5-2,0 см.

Специальная технологическая керамика представлена обломками керамической трубы не ясного назначения (2 ед.), подставками под амфоры, обычно используемыми для установки судов в горн (7 целых и фрагментированных изделий) (рис. 44: 1, 3) и

¹¹ Еще один обломок аналогичной емкости из поселения опубликован Е.А. Паршиной, однако точное место его находки не ясно (Паршина 2002: рис. 5).

четырьмя красноглиняными пряслами (рис. 45: 1-4). Одно из них найдено *in situ* на фрагменте керамики, выступающем из кладки контрфорса внутри строения 1 (рис. 45: 3), два – на полу в помещении 2 (рис. 45: 1, 4) и одно – в слое разрушения (рис. 45: 2). Три пряслица цилиндрической формы (одно из них со слегка вогнутым основанием и скругленной боковой поверхностью), без дополнительного декора (рис. 45: 1, 3, 4). Диаметр изделий – 3,4; 3,5; 3,9 см, толщина – 1,0 см; 1,1 см; 0,7 см, диаметр отверстий – 0,5-0,6 см. Одно представляет собой низкий цилиндр, с основаниями в виде уплощенных конусов. Его поверхность густо декорирована вдавлениями плоского острия (ножа?), сгруппированными в концентрические окружности (рис. 45: 2). Диаметр прясла – 4,1 см, толщина – 0,9 см, диаметр отверстия – 0,5 см.

Среди изделий из камня нижняя часть ротационного жернова, изготовленного из плотного песчаника (диаметр – 34,8 см, толщина – 8,0 см, диаметр отверстия – 6,0 см) (рис. 46: 3) и два небольших песчаниковых оселка (рис. 46: 1, 2). Жернов располагался в юго-восточном углу помещения 2 на плоском камне (рис. 18: 2). Один из оселков обнаружен на выступающем из кладки перегородки-контрфорса обломке черепицы, второй – у южной стены помещения.

Из металлических изделий наиболее выразителен бронзовый массивный рыболовный крючок (длина изделия – 9,3 см, диаметр проволоки – 0,3 см) (рис. 47: 7). Он обнаружен на одном из камней, выступающих из кладки южной стены. Среди железных предметов, поддающихся определению, следует обратить внимание на фрагментированную накладку на замок с прорезанным отверстием для ключа (рис. 47: 3) (найден на снаружи у входа), фрагменты шила, ножа и ключа (рис. 47: 4, 5, 8). Непонятно назначение обломка сегментовидной бронзовой пластины с остатками позолоты (рис. 47: 6).

К единичным находкам относятся костяное лощило (рис. 45: 6), фрагмент наборной рукояти, изготовленный из трубчатой кости (рис. 45: 5) и подвеска из створки устрицы с отверстием в центре (рис. 45: 7).

Из заполнения канавы перед южной стеной строения 1, на месте которой затем был устроен очаг № 1, происходят обломки амфор причерноморского типа (рис. 40: 1), несколько фрагментов кровельной черепицы и стенок кухонных сосудов, обломок пирамидальной керамической подставки под амфору (рис. 44: 2) и несколько фрагментов железного шлака.

В строении 2 обнаружено 2754 единицы керамических находок и один небольшой коррозированный обломок железного ножа.

Строительная керамика включает фрагменты керамид (185 ед.), калиптеров (60 ед.) и плинфы (2 ед.). Она вся местного производства и составляет около 9,0% находок. Такой небольшой процент, очевидно, объясняется тем, что большая часть кровельного материала залегала в слое разрушения и была вывезена вместе с ним за пределы исследованного участка в процессе подготовки площадки к современному стро-

ительству в 2008 г. Некоторые керамида и калиптеры отмечены рельефными знаками, аналогичными меткам на черепице из строения 1 (рис. 25: 2; 27). Но встречаются и довольно редкие для исследованного участка символы, например, стилизованное изображение лошади на фрагменте керамида из заполнения ямы № 7 (рис. 26: 1).

Абсолютно преобладают обломки местных амфор причерноморского типа (рис. 41). Они составляют 78,6% (2165 фрагментов, из них 40 венчиков) всех керамических находок из строения 2. В основном это амфоры второго варианта. Обломки более крупных тарных сосудов не превышают 3,9% находок (106 ед.), среди которых фрагмент верхней части корпуса пифоса с выходом на венчик из заполнения ямы № 7 (рис. 28: 3). Фляги представлены всего двумя мелкими обломками стенок с остатками росписи красным ангобом (рис. 42: 1, 2). Иные виды керамической тары не выявлены.

Состав кухонно-столовой керамики, составляющей около 8,0% гончарных изделий комплекса, также практически аналогичен подобным находкам из строения 1. Это различные красноглиняные сосуды закрытой формы (139 фрагментов), среди которых плоскодонные горшки, кувшины и кувшины-ойнохой, изготовленные на гончарном круге из формовочных масс, напоминающих сырье для амфор причерноморского типа (рис. 42: 3-16). Кухонные коричневоглиняные сосуды (85 ед.) менее разнообразны (рис. 43). Частично реконструированы три одноручных горшка. Два из них располагались у очага № 4, в северо-восточном углу помещения (рис. 43: 3, 8), один – в юго-восточной части постройки (рис. 43: 4). На одном из фрагментов стенок видны остатки прочерченного декора в виде горизонтальной волны (происходит из заполнения ямы № 7) (рис. 43: 6).

Специальная технологическая керамика представлена тремя обломками двух керамических труб (рис. 26: 2, 3), найденными внутри и с внешней (западной) стороны здания, а также фрагментом подставки под амфору (рис. 44: 4), обнаруженным в слое разрушения к западу от постройки.

Материал из заполнения ям №№ 1 и 3, расположенных на террасовидной площадке между строениями 1 и 2 состоит из сильно фрагментированной керамики (всего 301 фрагмент). 82% – это амфоры причерноморского типа, верхние профильные части которых принадлежат сосудам преимущественно первого варианта (рис. 40: 1-4). Также найдено пять обломков керамид, один из которых с буквенной меткой (рис. 24: 2). Набор кухонно-столовой посуды включает обломки красноглиняных гончарных горшков, кувшинов с расширенным кверху или цилиндрическим горлом и треугольным в сечении венчиком, кувшинов-ойнохой, небольшой полусферической чаши (рис. 40: 5, 6, 8-13), а также коричневоглиняных кухонных горшков, сформованных ленточным способом (рис. 40: 7). Кроме того в яме № 1 найден обломок венчика пифоса со следами сработанности, вероятно, исполь-

зовавшийся вторично в качестве приспособления для заглаживания или скобления (рис. 40: 14).

В целом керамический материал, добытый из объектов, исследованных в границах раскопа I, можно считать типологически и хронологически достаточно однородным с небольшими вариациями. В частности, примечательны преобладание амфор первого варианта в засыпи относительно более ранних объектов (ям №№ 1-3), а также наличие фрагментированного высокогорлого кувшина в слое разрушения строения 1. Детальный анализ находок будет приведен ниже.

Крайние к западу объекты, связанные с керамическим производством, выявлены в раскопе II (площадь 19,2 м²), расположенном в 70,0 м к югу от раскопа I (рис. 1: II). Большая часть древних архитектурных комплексов и культурных отложений здесь была уничтожена современными земляными работами при нарезке террас на склоне и устройстве мусорной ямы. Незначительные участки непотревоженных слоев сохранились в юго-восточной и северной части раскопа (рис. 48). Так в его северо-восточной бровке, на глубине около 0,50 м от современной дневной поверхности, зафиксирована очень плотная линза (мощность – до 0,10 м, протяженность – около 0,82 м), образованная частицами прокаленной глины и окатанными, плохо обожженными фрагментами амфор причерноморского типа, представляющими собой, вероятно, керамический брак (рис. 48: III, слой № 3). У южной границы раскопа на небольшом участке (не более 0,5×0,8 м) зачищены остатки кладки каменного строения и пятно связанных с ним культурных отложений. Сохранившийся фрагмент кладки – горизонтальный ряд из трех окатанных камней (песчаник) и двух крупных обломков пережженных кирпичей (подобных тем, что используются в конструкции гончарных горнов), ориентированный по линии юго-запад–северо-восток (рис. 48: I, II, IV). Протяженность конструкции – 0,65 м, высота – 0,12 м. Кладка установлена на тонкий (около 0,03 м) слой желтой глины, под которым заметны следы прокаленного грунта и углей (рис. 48: IV). Подобные особенности обустройства подошвы фундаментов на исследованном участке памятника были отмечены и ранее, что свидетельствует, вероятно, о существовании определенных традиций, соблюдавшихся при закладке новых строений.

Находки из делювиальных отложений в раскопе II представлены мелкими фрагментами керамид, толстостенных красноглиняных пифосов, амфор местного производства и прочих сосудов закрытой формы. Наиболее интересна находка аморфного куса обожженной глины с отпечатками человеческих пальцев (рис. 49: 8). Материалы из культурных отложений, связанных с кладкой, более разнообразны. На древней дневной поверхности обнаружен развал коричневоглиняного кухонного горшка, форма которого реконструируется, с граффити в виде угла острием кверху, прочерченного по обожженной глине (рис. 49: 1). Кроме того обнаружены обломки еще одного коричневоглиняного горшка и короткогорлого красноглиняного

кувшина (рис. 49: 2, 4), амфор причерноморского типа (рис. 49: 3, 5), ручки сосуда с отверстием у основания (рис. 49: 6) и плинфы (рис. 49: 7), а также створки устриц, мелкие кости и зубы млекопитающих. В целом, состав керамических находок подобен комплексам из строений, исследованных в раскопе I.

Крайний к востоку объект «гончарного района» располагается на левом берегу «восточного» тальвега, в 57,0-74,0 м от его русла (рис. 1: Б-1), примерно в 60 м к востоку от остатков горна, обозначенного как М-1. Здесь в бровке (высота – 1,25-3,00 м), образовавшейся при нарезке грунтовой дороги, на глубине 0,55-1,00 м от современной дневной поверхности, зафиксированы фрагменты двух кладок средневековых строений, одна из которых сложена техникой «в елку» (рис. 50). Кладки сооружены из обломочного и окатанного материала местных материковых пород (известняк, песчаник), насухо. Прослежены в длину на 2,7 и 1,7 м. Сохранившаяся высота – до 0,45-0,75 м (1-3 ряда). В этой же бровке (на глубине 0,45 м от современной дневной поверхности) видны выходы культурного слоя, содержащего фрагменты стенок амфор VIII(?)–X вв. Эти данные свидетельствуют о наличии выше дороги остатков синхронных жилищно-хозяйственных комплексов, которые в настоящее время не видны на современной дневной поверхности.

Таким образом, при исследовании гончарного района в 2004, 2008-2012 гг. выявлены остатки не менее чем четырех обжигательных сооружений, трех отвалов керамического брака различной мощности и восьми каменных строений, располагавшихся вблизи объектов, связанных с производством. Два дома полностью раскопаны. Оба они, скорее всего, использовались в качестве жилищ, о чем свидетельствует наличие при них очагов с кухонными останками, а также разнообразной столовой посуды, сосудов для хранения припасов и другой бытовой утвари (оселки, жернов, пряслица, рыболовный крючок)¹². Возможно, здесь проживали семьи гончаров, обжигавших свою продукцию в горнах, расположенных поблизости. Функцию прочих построек без дальнейших исследований определить сложно. Полное представление о конструкции обжигательных сооружений получить пока не удалось из-за недостаточной площади вскрытых шурфами участков и плохой сохранности самих горнов. Ясно только, что они частично (вероятно, обжигательные камеры) были врезаны в склоны тальвегов временных водотоков.

Подавляющее большинство находок из всех исследованных объектов гончарного района поселения составляет керамика, в составе которой отчетливо выделяется три группы изделий, отражающих различные гончарные традиции.

Первая, наиболее массовая, включает продукцию местных гончарных мастерских, представленную широким ассортиментом изделий различного функ-

ционального назначения. Это строительная (керамида, калиптеры, плинфа, кирпичи) и специальная технологическая (трубы, подставки для обжига амфор, прясла) керамика, тара (амфоры, пифосы, пифоидные амфоры, фляги), кухонно-столовая посуда (горшки, кувшины, миски) и другая бытовая утварь («ящик»). Общим для всей продукции является использование в приготовлении формовочной массы местных глин, содержащих естественные включения дресвы пород таврической серии (алевролиты, аргиллиты) и известняка, с последующим добавлением шамота. Отличие состоит в том, что для более изящных изделий сырье обрабатывалось тщательнее и соответственно содержало примеси более мелкой фракции. Черепок готовой продукции довольно плотный, как правило, равномерно обожжен, желто-красного цвета различных оттенков и тональности, что свидетельствует об окислительном режиме обжига в стабильных условиях¹³. Для каждой категории продукции характерны специфические технологические приемы и морфологические особенности.

Строительная керамика изготавливалась при помощи специальных, вероятно, деревянных форм. Лицевая часть керамид и калиптеров оттискивалась в матрице с заданным рельефом, формирующим необходимые борта и уступы, а также, в некоторых случаях, водосливные валики и метки готового изделия. Тыльная поверхность выравнивалась по высоте формы специальной деревянной планкой или дощечкой, от чего оставались характерные следы от ее продольного движения («тыльный» способ формовки [Моисеев 2011: 183]). На некоторых керамидах с тыла заметны также остатки налипшего крупного окатанного песка, вероятно, специально подсыпанного на поверхность, где сушилась сырая черепица. Калиптеры дополнительно выгибались на шаблоне. Для кирпичей и плинфы, скорее всего, использовались деревянные рамки определенных параметров.

Керамиды в целом типичны для памятников исследуемого периода. Они прямоугольной формы с зауженной нижней частью, профилированной коленчатыми изгибами, и вертикальными боковыми бортами (рис. 3: 1-5; 24; 25: 1, 3, 4; 26: 1; 10: 1-4; 23: 1, 3). Среди них выделяется несколько типов, отличающихся между собой размерами и некоторыми морфологическими деталями, например, наличием или отсутствием водосливных валиков, борта на верхнем торце, углом коленчатого изгиба и т.п. Более обстоятельная характеристика этих особенностей станет возможна только после завершения обработки всех находок. Форма калиптеров также довольно традиционна для данной эпохи (рис. 3: 6; 10: 5; 23: 2; 25: 2; 27), но детальный морфологический анализ требует дальнейшей работы с материалом.

¹² Интересно отметить, что для хранения мелких предметов (крючок, пряслица, оселок) использовались выступающие из кладки стен камни или фрагменты керамид, видимо служившие полками.

¹³ Следует отметить и довольно значительное количество брака (пережженных, недожженных и деформированных изделий, в особенности амфор), что вполне естественно и неизбежно при больших объемах производства (см. напр.: Фронджуло 1968б: 137-141).

Метки на черепице выполнены в высоком рельефе с достаточно отчетливыми контурами. Более сложные и разнообразные знаки на керамидах. Чаще всего встречаются буквенные метки в виде отдельной литеры «Т», перевернутой на 180° (рис. 23: 3), а также монограммы «Өе» и надписи «ωΔΟ», представляющей из себя, вероятно, часть имени «ΘΕΟΔωρΟς» в зеркальном изображении (рис. 24; 25: 1, 3). Все они известны в материалах предыдущих исследований поселения в урочище Сотера и отличаются специфической манерой исполнения от близких по содержанию знаков из других регионов полуострова (Паршина 2002б: 123-124, рис. 3; 4). Например, иные варианты исполнения литеры «Т», используемой в качестве метки на черепице как самостоятельно, так и в сочетании с другими знаками, встречаются на памятниках Южного и Юго-Западного Крыма (Симеиз, Ласпи, Мангуп, Эски-Кермен, др.) (Якобсон 1970: 160-161; 1979: 102-103, рис. 64: 18-22; 94; Паршина 1974: 82, рис. 20: 21-27; 27: 14; 1988: 39-41, рис. 3: 28, 72-77; Романчук 1977: 186, рис. 4: 47, 48). Монограмма «Өе» в различных начертаниях также довольно широко распространена на кровельных материалах, находимых преимущественно в Юго-Западном Крыму (Пампук-Кая, Эски-Кермен, Мангуп) (Якобсон 1970: 161-163, табл. II: 4, 10; 1979: 10-101, рис. 62: 76-82; 63: 94-98). Такое же сочетание литер встречено и в качестве граффити, прочерченного по сырой глине на одной из амфор, найденных при раскопках гонимого центра в урочище Чобан-Куле (Якобсон 1958: 493, рис. 18; Паршина, Тесленко, Зеленко 2001: 58, рис. 10). Аналогии надписи «ωΔΟ» найти не удалось. В целом, широкое распространение разнообразных меток, производных от имени Θεοδωρος, может указывать на популярность святого с таким именем на всей территории Крыма, подверженной византийскому влиянию¹⁴.

В единичных экземплярах обнаружены знаки в виде перевернутого двузубца с отогнутыми наружу краями (рис. 25: 4) и схематичного изображения лошади (рис. 26: 1), ранее не известные на этом поселении. На других памятниках Крыма черепица, помеченная двузубой тамгой, не редкость (Якобсон 1970: 162-163, табл. III: 12-17; 1979: 98, 100, рис. 60: 13-15; 62: 97-103; 63: 99, 100; Паршина 1974: 85, 89, рис. 27: 28, 29; 31; 1988: 42, рис. 3: 152-154; Романчук 1977: 188, рис. 7: 66). Наиболее близкая аналогия происходит из сборов 1886 г., произведенных В.Ф. Миллером в Алуште, в районе остатков древней церкви и некрополя на правом берегу р. Улу-Узень, близ шоссе на Ялту (Миллер 1888: 135, 137, рис. 1). Стилизованное изображение лошади также одна из наиболее популярных и распространенных меток на кровельных материалах

¹⁴ Косвенным подтверждением такому предположению служат данные, приведенные в «Ведомости христианского населения, вышедшего из городов и деревень Крыма в 1778 году, и оставшихся после него старых церквей в Крыму», составленной А.Л.Бертье-Делагардом в 1901 году. Исследователь приводит статистику по святым, во имя которых были освящены храмы. Первым по популярности оказывается св. Георгий, вторыми – свв. Феодоры Тирон и Стратилат (Мальгин 1994).

исследуемого периода (см. напр.: Якобсон 1979: 97, рис. 58: 1-3, 7-14; 80: 55а, 55б, 70а, 137-140, 149). Однако в большинстве известных случаев фигуры животных выполнены плавно изогнутыми параллельными дугами, что значительно отличает их от метки из Сотеры, где основные части тела копытного обозначены прямыми единичными линиями, соединенными под углом в 90°.

На калиптерах встречены преимущественно V-образные знаки (рис. 23: 4; 25: 2; 27: 1, 2), которые, судя по материалам раскопок 80-х годов XX в., были широко распространены на поселении вообще (Паршина 2002б: 123, рис. 4). Они также находят широкий круг аналогий, различающихся в деталях, на других синхронных памятниках Юго-Западного, Юго-Восточного и Южного Крыма (Романчук 1977: 183, рис. 1; Якобсон 1979: 96-101, рис. 59: 153, 154; 62: 53-55; 63: 59-75; Паршина 1988: 41, рис. 3: 59, 60, 66, 67; Майко 2004: 208-209, рис. 118: 12; Завадская 2008: 312, 315, рис. 2: 6; 5: 5; 2010: 260-261, илл. 5: 4; 6: 5).

Специальная технологическая керамика формовалась различными способами, выбор которых, видимо, зависел от практической целесообразности. Трубы изготовлены на скоростном гонимом круге, от чего сохранились отчетливые следы ротации на внутренней поверхности. По имеющимся фрагментам и контексту находки (слой разрушения постройки 2) их точную форму и функцию определить затруднительно (рис. 26: 2, 3). Следует отметить, что на поселении трубы встречались и ранее (Паршина 2002б: 120, рис. 3).

Подставки для амфор и пряслица вылеплены вручную с использованием вспомогательных инструментов (шаблонов, стеков, пр.). Вариации форм не отличаются большим разнообразием. Подставки, происходящие из различных участков гонимого района, представлены изделиями трех типов: в форме близкой к треугольной призме (рис. 44: 1-3), в форме диска с углублением в виде конуса или сферического сегмента в одном из оснований (рис. 44: 4), а также сектора такого диска (рис. 10: 6). Как принято считать, подставки использовались для фиксации амфор при установке их в горн, что подтверждается находками подобных предметов в контексте производственных гонимых комплексов (Фронджуло 1968б: 138, 142, рис. 4: 4; 7: 6; Якобсон 1958: 492, рис. 16: 1, 4; 17; 1979: 43-44, рис. 22; Паршина, Тесленко, Зеленко 2001: 66, рис. 31; Лысенко, Тесленко 2012: 112, рис. 3: 3).

Найденные пряслица (четыре, из строения 1) могут быть отнесены к одному виду изделий, основой формы которых является уплощенный цилиндр (рис. 45: 1-4). Особенности абриса позволяют выделить среди них три типа: с плоскими практически параллельными основаниями (рис. 45: 3, 4), со слегка углубленным одним основанием и скругленной боковой поверхностью (рис. 45: 1) и с основаниями в виде уплощенных конусов (рис. 45: 2). Поверхность всех изделий тщательно заглажена, а у третьего типа – дополнительно

украшена вдавлениями уплощенного острия (вероятно, ножа) по сырой глине, сплошь покрывающими весь предмет. Пряслица аналогичных форм, как без дополнительных украшений, так и декорированные в подобной технике встречались на поселении ранее (Паршина 2002б: 123, рис. 6), а также находят множество аналогий на других синхронных памятниках Крыма (Якобсон 1970: 80-81, 99-100, рис. 43: 9; 60: 1 2, 7; Паршина 1974: 76, рис. 16: 4; Баранов, Майко 1996: 76, рис 3: 8, 9; Майко 2004: 112-114, рис. 212: 6, 7, 13, 15; Герцен и др. 2006: 408, рис. 26: 11; Лысенко, Тесленко 2012: 114, рис. 8: 12; др.)¹⁵.

Тара включает различные по объему и назначению изделия: пифосы, амфоры и фляги, а также крупные кувшины, условно названные пифоидными амфорами.

Наиболее объемные из них – пифосы – обычно использовались в домашних хозяйствах для хранения воды, различных жидких и сыпучих продовольственных припасов, изготовления вина и масла. Судя по количеству профильных частей, не менее двух пифосов находилось в строении 1 и минимум один сосуд располагался в строении 2. При этом в последнем случае он был вкопан в пол помещения. Венчики сосудов массивные, треугольные в сечении с широким плоским верхом (рис. 28). Стенки толстые (около 1,1-2,5 см) с гладкой поверхностью. Горло одного из сосудов дополнительно оформлено вертикальными «расчесами», выполненными инструментом (вероятно, деревянной стечкой) с рабочей поверхностью шириной не более 1,5-1,7 см (рис. 28: 2), другого – слабо выраженными горизонтальными рельефными выступами. Массивные венчики, а также значительная толщина стенок пифосов позволяет предположить, что это были довольно крупные емкости, относящиеся к типу сосудов с вытянутым, овалоидным гладким туловом, низким горлом и массивным треугольным в сечении венчиком. О конструкции донной части сведений нет. Судя по аналогиям, днище могло завершаться специально профилированной цилиндрической ножкой. Сосуды изготовлены в технике скульптурной лепки из глиняных жгутов. Материалы этнографических наблюдений 60-х годов XX в. на Крите и в Мессении (юго-западный Пелопоннес, Греция) позволяют достаточно детально представить возможные варианты этого технологического процесса (Hampe, Winter 1962: Taf. 17, 19). Аналогии сосудам из Сотеры в большом количестве известны на территории Южного, Юго-Западного и Юго-Восточного Крыма, где появляются примерно со второй половины VIII–IX вв. (см. напр.: Якобсон 1966: 192-197, рис. 6; 7; 1970: 43-46, рис. 14; 1979: 33-39, рис. 17; Фронджуло 1968а: 121-122, рис. 25-26; Паршина 1974: 57-59, рис. 1: 5-9; 1991: 74, рис. 2; 2002а: 93, рис. 2; 6; 2002б: 125-126, рис. 2; 7; Май-

ко 2004: 178, рис. 99). При этом период их бытования мог быть достаточно широк (Паршина 1974: 58-59, рис. 1: 5-9; Teslenko 2009: 870-872, 878-879, fig. 2, 3; Тесленко 2010).

Амфоры – тара, предназначенная преимущественно для транспортировки жидких и сыпучих продуктов на кораблях – наиболее многочисленные керамические изделия на исследованном участке памятника и очевидно, составляли основной объем продукции местного гончарного центра. По крайней мере, в отвалах керамического брака и других исследованных комплексах гончарного района амфоры абсолютно преобладают. Все они изготовлены на скоростном гончарном круге в несколько этапов (практически на всех фрагментах в верхней части плечиков отчетливо виден стыковочный шов). Амфоры местного производства традиционно объединяют в группу под общим названием «причерноморские» или «северо-причерноморские» (рис. 2; 5: 6-10; 6-8; 11; 14; 15; 29-34; 35: 1-7; 40: I, II – 1-4; 41; 49: 3, 5) (см. напр.: Паршина, Тесленко, Зеленко 2001: 75-76). Особенности конфигурации верхней части профиля найденных в Сотере экземпляров позволяют выделить минимум четыре морфологических типа сосудов.

Два из них (тип I и II) – наиболее массовые и представлены различными вариантами. Для первого типа характерен треугольный в сечении венчик с широким плоским верхом и наличие мелкого зонального рифления (далее МЗР) в верхней части корпуса (рис. 2: 1-4, 7, 8, 13; 5: 9, 10; 6-8; 11: 9, 11; 14: I – 3, II – 5; 30: 12, 13, 15, 17, 18, 20; 31: 1, 5, 11, 12, 14, 15, 17, 18; 32: 1, 3, 4; 33: 7, 9, 10; 34: 8, 10-12, 14; 35: 1; 40: I – 2, II – 1-3), для второго – округлый, часто утолщенный венчик и гладкий или бороздчатый корпус (рис. 2: 5; 11: I-3, 5-8, 12, 17; 14: I – 1, 2, 5, 9, II – 1; 15: 1-3; 29; 30: 1-11, 14, 16, 19, 21; 31: 2-4, 6-10, 13, 16, 19-30; 32: 2; 33: 2-6, 8, 11-14; 34: 1-7, 9; 35: 2, 3, 7; 40: I – 1, 3, 4; 41: 1-14). Они ассоциируются соответственно с вариантами I и II по А.Л. Якобсону (1979: 29-31, рис. 12; 13: 1-4) и довольно часто встречаются в иных локальных классификациях под разными маркировками (см. напр.: Науменко 2009а: 41-47). Типы I и II являются наиболее характерными для продукции местных гончарных центров и были широко распространены за пределами полуострова, в особенности в Приазовье и Подонье (детальный обзор типов, литературы и географии находок см. [Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 50-61; Паршина, Тесленко, Зеленко 2001; Герцен и др. 2006: 399-400; Науменко 2009а: 35-50]). Общие хронологические рамки периода изготовления этих амфор в Таврике определяются в пределах середины (второй половины) VIII – первой половины (первой трети) X вв. хотя вопросы хронологии амфор первого и второго типов, остаются достаточно дискуссионными¹⁶.

Следует отметить, что на исследованном участке памятника в Сотере амфоры типа I количественно преобладают в нижних стратиграфических горизонтах (слой № 5а), а также преимущественно этот тип

¹⁵ Большая коллекция (не менее 30 единиц) подобных простых и декорированных прясел, в том числе украшенных оттисками плоского острия, происходит из раскопок крепости Алустан 1984-93, 1998 гг. и хранится ныне в Алуштинском филиале КРУ «Центральный музей Тавриды».

¹⁶ Детальный анализ проблемы представлен в первом томе «Древностей Семидворья» (Тесленко, Мусин 2015).

амфор отмечен в одном из отвалов керамического брака (Б-2) и на месте обнаружения остатков одного из обжигательных сооружений (М-2). В то же время, в яме с керамическим браком и строениях, вскрытых в бровке Б-3, а также в заполнении обоих строений, исследованных в раскопе I, абсолютное большинство составляют амфоры типа II. Скорее всего, на начальном этапе местного амфорного производства в урочище Сотера первый тип сосудов производился в большем количестве. О преобладании первого типа амфор на раннем этапе местного гончарного производства (примерно с середины VIII в. до середины IX в.) свидетельствуют также материалы исследования поселения на левом берегу р. Ай-Лия (см. статью И.Б. Тесленко, А.В. Лысенко в настоящем сборнике) и результаты раскопок других памятников Крыма (Баранов, Майко 1996; Майко 2000: 102-103; 2004: 184; 2009: 266-270; 2012; Пономарев 2003: 268; Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 47; Романчук, Седикова 1991: 42; Седикова 1995: 170-171; 1997: 10-12). Наиболее вероятно, что перемены ассортимента амфорной тары происходили в русле общей тенденции сокращения к началу IX в. выпуска амфор византийского круга с мелким зональным рифлением в мастерских Восточно-Римской империи, а также сопредельных, подверженных византийскому влиянию областях (Sciallano, Sibella 1991: 106-107; Нидзельницкая 2009: 280).

Еще два типа амфор из гончарного района Сотеры представлены единичными экземплярами. Это сосуды с низким и широким горлом. У одного из них – тип III – отогнутый наружу утолщенный округлый венчик (диаметр – около 13,0 см), горло оформлено небольшим изгибом, образующим снаружи ребро, к которому крепится изящная ручка (рис. 5: 6) (найден в отвале керамического брака в бровке Б-2). Подобная профилировка горла характерна для амфор типа XV по ХК-71¹⁷ (Антонова *и др.* 1971: 89-100), класса 30 (тип 1) по ХК-95 (Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 56, таб. 25: 110-113), тип 35 по А.В. Сазанову (Sazanov 1997: 96, fig. 3: 35). Наиболее ранние комплексы с такими амфорами датируются первой половиной – серединой VIII в. (гончарный центр в урочище Суат близ Ялты)¹⁸ и первой половиной IX в. (засыпь городского водохранилища у 13-й куртины в Херсонесе) (Баранов

1979: 116-117, рис. 3: 7; Седикова 1995: 171, рис. 1: 2). Кроме того, аналогичные сосуды найдены в засыпи первой половины X в. цистерны № 5 (северный район городища Херсонес) (Рыжов, Седикова 1999: 315, рис. 3: 6), в «слое функционирования» здания № 2 (конец IX – начало X в.) в районе церкви св. Константина на Мангупе (Герцен, Иванова, Науменко 2010: 254, рис. 17: 9) и в заполнении закрытого комплекса (помещения Б), возникшего на участке куртины XV Судакской крепости не ранее середины IX в. (Баранов, Майко 1996: 74-75, рис. 2: 5).

Второй сосуд – тип IV – характеризуется расширенным, выступающим наружу венчиком (диаметр – около 13,0 см) с уплощенной, профилированной неглубокой бороздкой поверхностью, цилиндрическим горлом с прикрепленными к нему массивными ручками (рис. 33: 1) (происходит из слоя разрушения строения 1 на раскопе I). Аналогии ему среди местной гончарной продукции найти не удалось.

Днища всех амфор округлые (по крайней мере, другие среди материалов исследования не встречались) (рис. 32: 13-17; 41: 15, 16), ручки в сечении имеют форму близкую к овалу, ромбу или трапеции со скругленными углами, профилированы продольным сглаженным ребром вдоль центральной оси снаружи.

Следующий вид тары – «пифосообразные амфоры» или широкогорлые амфоры с плоско срезанным венчиком – объединяет сосуды со стенками толщиной около 0,8-1,0 см и треугольным в сечении венчиком, диаметр которого более 13,0 см (рис. 35: 8). Верхняя часть горла с венчиком происходит из заполнения строения 1. Близкие аналогии известны в комплексах VIII–IX, первой половины IX и первой половины X в. из раскопок Херсонеса (тип XV по ХК-71 и класс 34 по ХК-95) (Антонова *и др.* 1971: 89-90, рис. 16; Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 59-60, табл. 27: 124-126; Рыжов, Седикова 1999: 315, рис. 5: 3), а также на памятниках Южного берега Крыма (Паршина 1974: 61, рис. 4: 4).

Фляги – разновидность портативной или выючной тары относительно небольшого объема¹⁹ в форме низкого цилиндра с плоским (тыльным) и выпуклым (лицевым) основаниями, горлом с двумя ручками, прикрепленными к боковой поверхности. Три обломка от двух фляг происходят из заполнения строения 1 (рис. 35: 10, 11), два фрагмента еще двух сосудов – из строения 2 (рис. 42: 1, 2) и два обломка одного сосуда обнаружены в отвале керамического брака Б-2 (рис. 5: 1). Глиняное тесто отличается хорошей выделкой с небольшим количеством мелких примесей. Изделия сформованы на скоростном гончарном круге (РФК-7). Лицевая поверхность трех из них украшена росписью коричнево-красным ангобом в виде концентрических кругов, волны и арок (рис. 35: 10, 11; 42: 1). Подобные фляги нередко встречаются среди продукции местных керамических мастерских (Паршина, Тесленко, Зеленко 2001: 58, 59, 61, 65, 67, рис. 10; 14; 19; 28; 31).

¹⁹ Примерно 2-4 литра (Науменко 2009в: 58).

¹⁷ ХК здесь и далее – варианты классификаций амфор из Херсонеса, опубликованные в 1971 и 1995 годах.

¹⁸ Здесь следует отметить, что нижняя дата гончарного комплекса с амфорами в урочище Суат определяется по наличию в заполнении горна сосудов этого же типа, которые, по мнению И.А. Баранова, находят аналогии в закрытых комплексах из поселения Тау-Кипчак, датируемых автором серединой VII – первой половиной VIII в. (Баранов 1990: 25-26). Однако, как отмечает сам автор, амфоры из Тау-Кипчака только типологически близки к местным «причерноморкам», но существенно отличаются от них по другим показателям (пропорциями корпуса, составом формовочной массы, способом обработки внешней поверхности) (Баранов 1990: 25-26). То есть, вполне возможно, что в Тау-Кипчаке найдены импортные сосуды более раннего времени, а в урочище Суат, как и в Сотере, уже их местные подражания, которые могли появиться и позже. В любом случае, этот вопрос нуждается в дальнейших исследованиях.

Ареал распространения сосудов довольно обширный. Находки фляг происходят из различных памятников прибрежной, горной и степной части Таврики, а также известны среди салтово-маяцких древностей Прикубанья, Приазовья, Подонья и Балкан в комплексах VIII – первой половины X в. (обзор литературы см.: Науменко 2009в: 58–60).

Ассортимент кухонно-столовой посуды этой группы также вполне представительный, включает горшки, кувшины, чаши и миски. Все изделия в значительной степени фрагментированы, полные формы восстановить не удалось, поэтому о морфологических особенностях сосудов можно судить лишь на основании конфигурации отдельных профильных частей²⁰.

Наиболее разнообразны кувшины. Это широкогорлые и узкогорлые сосуды, среди которых не менее трех типов ойнохой (в том числе так называемого «скалистинского» типа) (рис. 5: 2, 3; 36: 2, 5-7, 18; 40: II – 8, 9; 42: 3, 5) и трех типов кувшинов без моделированного слива (рис. 36: 9-16; 40: 10-12; 42: 7, 8; 49: 4) (более детальное описание приведено выше, в связи с характеристикой керамики из бровки Б2 и раскопа I). Корпус некоторых сосудов украшен росписью красным ангобом (рис. 5: 4; 36: 14). Узкогорлые кувшины, пожалуй, один из наиболее распространенных видов провинциально-византийской столовой керамики на раннесредневековых памятниках Таврики (Романчук, Омелькова 1979: 100, рис. 4: 1, 2; Седикова 1993: 134, рис. 1; 1995: 172, рис. 7; Науменко 1997: 336, рис. 4: 3, 4; Рыжов, Седикова 1999: 320-321, рис. 6; Гинькут 2002: 26-27, рис. II: 8; Паршина 2002а: 100, рис. 8; Майко 2004: 187-188, рис. 105; 2009: 266-267, рис. 3: 6, 7, др.). В их составе выделяют различные типы, одному из которых – «скалистинскому» – уделено больше всего внимания в научной литературе (обзор см.: Науменко 2009 г: 60-63). Однако вопросы детальной хронологии этого типа, определяемой в целом довольно широкими рамками (конец VI–XI вв.), как и выяснение возможных мест производства, требуют дальнейших исследований. По материалам из гончарного района Сотеры, где фрагмент «скалистинского» кувшина найден в отвале керамического брака вместе с причерноморскими амфорами первого варианта, можно предположить, что такие сосуды изготавливались также и местными гончарами. Широкогорлые ойнохой со сквозным отверстием у верхнего прилепа ручки встречаются гораздо реже. Близкая аналогия происходит из раскопок одного из домов на поселении у юго-западного подножья г. Демерджи, датированном автором публикации IX–X вв., (см. статью В.П. Кирилло в настоящем сборнике, рис. 19: 2). Отдельные обломки ручек с отверстиями у верхнего прилепа найдены на раннесредневековом поселении у подножья Мангупа (слой второй половины – конца IX в.), на городище Кыз-Кермен (VIII–IX вв.), в раннесредневековом горизонте поселения Героевка-2 и на поселении Осовины-1 (Белый 1993: 54, рис. 9: 3, 4; Науменко 1997:

338, рис. 4: 7, 8; Зинько, Пономарев 2005: 239, рис. 5: 3). Среди сотеровских материалов есть также ручки со сквозным отверстием у нижнего прилепа (рис. 36: 19) и небольшие горизонтальные ручки-петельки (рис. 49: 6), которые также, вероятно, принадлежат кувшинам.

Находки горшков немногочисленны. Идентифицированы верхние профильные части двух сосудов из слоя разрушения помещений 1 и 2 на раскопе I (рис. 36: 17; 42: 6). Это небольшие тонкостенные горшки, округлый корпус которых резко переходит в отогнутый наружу венчик. Венчики двух типов: один – практически равномерной толщины, прямой, профилированный небольшим ребром в месте изгиба с внутренней стороны (рис. 36: 17); второй – отогнут наружу, утолщен, подтреугольный в сечении, с широким, профилированным неглубокой бороздкой внутренним краем (рис. 42: 6). Примерные аналогии профилировки верхней части горшков встречены среди материалов из раскопок Херсонеса в комплексах первой половины IX и начала – первой половины X в. (Седикова 1995: 172, рис. 6: 9-13; Рыжов, Седикова: 1999: 223-224, рис. 8: 8-16).

Гончарные сосуды открытой формы достаточно редко встречаются на сельских поселениях этого времени. В Сотере они также немногочисленны, включают пять фрагментов венчиков полусферических чаш (рис. 36: 1, 3, 4; 40: II – 4, 6) и один небольшой обломок края тарелки с условно горизонтальным бортом (рис. 36: 8). Более массовые и разнообразные находки сосудов открытой формы происходят из Херсонеса (Седикова 1995: 173-176, рис. 8; 9), однако близких аналогий сотеровским изделиям среди них найти не удалось.

К керамической бытовой утвари, определение функционального назначения которой вызывает затруднение, отнесен шестигранный «ящик» с прямоугольным проемом (рис. 39). Реконструируемая форма происходит из слоя разрушения строения 1, отдельный фрагмент стенки найден в строении 2. Обломок подобного изделия был обнаружен на поселении Е.А. Паршиной (Паршина 2002б: 122, рис. 5). Другие аналогии авторам пока не известны.

Следующую по численности группу керамических изделий составляют сосуды, изготовленные в иной технологической традиции, для которой характерно использование скульптурной лепки из жгутов в сочетании с медленным, вероятно, ручным гончарным кругом. Черепок готовых изделий темно-коричневый, местами частично пережжен, что может быть связано не только с режимом обжига, но также и с особенностями дальнейшего использования сосудов. Формовочная масса включала большое количество разнородного песка, частицы рыхлого минерала белого цвета (известь), отдельные зерна дресвы аргиллитов. Вероятно значительная часть отощителя (песка) добавлялась специально для увеличения жароустойчивости готовых изделий, так как они использовались, в основном, для приготовления пищи в открытых очагах. Об этом свидетельствует также контекст находок реконструируемых форм – у очажных линз в

²⁰ Типология кухонно-столовой керамики Таврики ранне- и средневизантийского периодов все еще не разработана.

помещениях 1 и 2 на раскопе I и следы копоти, фиксируемые в большинстве случаев с одной стороны сосуда. Эта продукция, как уже упоминалось выше, представлена преимущественно кухонными горшками. Характерные морфологические черты большинства из них – овалоидное тулово, плоское или слегка вогнутое тонкое дно, плавно отогнутый наружу венчик с округлым или слабопрофилированным краем, к которому крепится плоская ручка, зачастую дополнительно оформленная одним или парой пальцевых вдавлений у венчика (рис. 37; 38; 43; 49: 1, 2). Встречаются горшки со сливом в виде прогиба венчика (рис. 38: 5). Такие сосуды были найдены на этом памятнике и ранее (Паршина 2002б: 122, рис. 5). Близкие аналогии происходят также из раскопок Мангупа (Герцен, Науменко 2001: 140-141, рис. 4: 10-13; Герцен и др. 2006: 402, рис. 24: 9; 27: 11; 31: 4; Герцен, Иванова, Науменко 2010: 256-257, рис. 17: 27-28, 30-31) и поселения в его окрестностях (Науменко 1997: 336, рис. 4: 2, 6), Кыз-Кермена (Белый 2001: 200, 214-215, рис. 10: 1, 21; 1993: 55, рис. 10: 1-5), поселения на левом берегу р. Бельбек (Романчук, Омелькова 1979: 100-101, рис. 4: 5; 5: 4-6). Все они зафиксированы в комплексах VIII(?)–IX в. – первой половины X в. География находок позволяет предварительно определить ареал распространения традиции в границах Юго-Западной и Южной Таврики. Вероятно, в данном случае речь идет о домашнем изготовлении керамики для личных нужд, сосуществовавшем параллельно с более технологически развитым товарным производством.

Третья группа керамики включает единственный экземпляр импортного тарного сосуда – высокогорлого кувшина с широкими плоскими ручками (рис. 35: 9), обнаруженный в слое разрушения строения 1 на раскопе I. Сосуд фрагментирован, частично сохранилась донная часть корпуса и горло с венчиком (детальное описание см. выше). В научной литературе этот вид тарной керамики известен как «высокогорлые кувшины», «чёрносмоленые кувшины», «гмутараканские кувшины», «амфоры-кувшины», тип XX по ХК-71 (Антонова и др. 1971: 91-92, рис. 20: 20-21), класс 41 по ХК-95 (Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 63-60, таб. 30-32, тип 44 по А.В. Сазанову (Sazanov 1997: 97, fig. 4: 44) (обзор литературы см.: Науменко 2009б: 50-57; Чхаидзе 2008: 161), а также «large one-handed jag» или «local tall one-handed jag» по J.W. Hayes (1992: 125, 223; fig. 21: 3; 71: 53). Широкое распространение кувшинов (Крым, Приазовье, Подонье, Нижнее Поднепровье пр.), а также значительное разнообразие форм профильных частей и состава формовочной массы (Сазанов 2001: 232-239; Науменко 2009б: 57; Тесленко, Лысенко: статья в настоящем сборнике), свидетельствуют об их происхождении из различных гончарных центров, местоположение которых к настоящему времени не установлено. Датировка сосудов определяется в рамках 60-80-х гг. IX – конца XI – начала XII(?) в. Период их наибольшего распространения приходится на X – середину XI в. (см. напр.: Sazanov 1997: 97; Могаричев, Сазанов, Шапошников 2007: 106-107; Науменко 2009б: 57).

Как уже упоминалось, кроме керамики на исследованном участке поселения найдены артефакты из других материалов: нижняя часть ротационного каменного жернова (рис. 46: 3), два небольших песчаниковых оселка (рис. 46: 1, 2), бронзовый рыболовный крючок (рис. 47: 7), железная накладка на замок с прорезанным отверстием для ключа (рис. 47: 3)²¹, фрагменты железного ключа (рис. 47: 8), шила (рис. 47: 4) и изделий неясного назначения (рис. 47: 1, 2) (строение № 1), невыразительные обломки двух железных ножей (строения №№ 1 и 2) (рис. 47: 5), обломок сегментовидной бронзовой пластины с остатками позолоты (рис. 47: 6) (строение № 1), а также костяное лощило (рис. 45: 6), фрагмент костяной наборной рукояти (рис. 45: 5), подвеска из створки устрицы (рис. 45: 7) (строение № 1) и несколько частиц железного шлака (заполнения канавы перед входом в строение № 1). Все эти находки, безусловно, ценны в плане изучения материальной культуры, занятий и быта местных жителей, но не несут определенной хронологической нагрузки и могут быть датированы, пока, только по контексту их обнаружения.

Таким образом, представление о датировке гончарного района поселения в урочище Сотера можно получить, в первую очередь, на основании анализа ассортимента и взаимовстречаемости керамических находок, хотя, как уже отмечалось, хронология типов керамики исследуемого периода также нуждается в детализации. К наиболее ранним находкам можно отнести амфоры типа I и III, нижняя дата которых определяется соответственно серединой – второй половиной VIII и первой половиной(?) – серединой VIII в., а также ойнохои «скалистинского» типа, датируемые, впрочем, достаточно широко – концом VI–XI вв. Наиболее поздний – высокогорлый кувшин с широкими плоскими ручками, принадлежащей к виду тары, получившей распространение в период с 60-80-х гг. IX до конца XI – начала XII(?) в.

Исходя из этого, наиболее ранними из выявленных и исследованных объектов следует считать отвал керамического брака в бровке Б-2, местонахождение М-1 и М-2, слой 5б на раскопе I, где амфоры первого типа абсолютно преобладают, а в первом случае еще и дополняются находками амфоры типа III и ойнохои «скалистинского» типа.

К относительно более позднему времени следует отнести объекты, выявленные в бровке Б-3, оба строения, исследованные в раскопе I, в заполнении которых преобладают причерноморские амфоры второго типа в сочетании с другой разнообразной продукцией местных гончарных мастерских (черепица, пифосы, фляги, кухонно-столовая посуда пр.) и домашних умельцев

²¹ Интересно отметить, что аналогичные накладки происходят из раскопок на дома VIII–IX вв. на поселении близ сел Поляны и Бобровка (Якобсон 1970: 103, рис. 60: 11; 63). Подобная обнаружена также в одном из домов на поселении у юго-западного подножья г. Демерджи, датированном автором публикации IX–X вв. (см. статью В.П. Кирилко в настоящем сборнике: рис. 24: 2).

(кухонные горшки). Кроме того, в слое разрушения строения I на раскопе I обнаружен фрагментированный высокогорлый кувшин, присутствие которого позволяет определить нижнюю дату завершения функционирования постройки временем не ранее 60-80-х гг. IX в. Наличие в комплексе остатков лишь одного сосуда указывает, вероятнее всего, на начальный этап «хождения» этой тары. То есть верхнюю дату слоя разрушения можно определять временем около конца IX – начала X в., что косвенно подтверждается также отсутствием каких-либо артефактов, в том числе керамических, «моложе» середины X в.²²

Жилищно-хозяйственная застройка у северо-западной окраины поселения

Исследования в этой части памятника проводились в 2008, 2011 и 2013 гг. Ко времени начала работ естественный рельеф местности здесь был подвергнут значительным антропогенным модификациям, осуществлявшимся в последней четверти XX – начале текущего столетия. Исследуемая территория представляла собой частично террасированный участок склона, с трех сторон (юга, севера и запада) ограниченный дорогами (с юга – асфальтированной, с севера и запада – грунтовой) (рис. 1). В оплывших бортах искусственных террас были видны руины каменных кладок и культурные отложения, насыщенные средневековой керамикой. Скопления фрагментов средневековой керамики прослеживались также в различных местах на современной дневной поверхности, что указывало на достаточно высокую концентрацию на этом участке древних культурных остатков. Для выяснения их характера и сохранности, а также доследования поврежденных земляными работами археологических объектов, здесь было заложено 9 шурфов (общая площадь около 36,0 м²) (рис. 1: 10-18) и 2 раскопа – III и IV (площадь – 166,8 и 78,1 м²) (рис. 1: III, IV).

Руины архитектурных сооружений, а также культурные слои, связанные с разрушением каменных строений и жизнедеятельностью обитателей поселения выявлены в обоих раскопах, а также в шурфах №№ 11-15, 17 (рис. 1).

В пределах раскопа III не разрушенные археологические комплексы частично сохранились только в северной части. Здесь полностью исследованы остатки каменного дома (рис. 51: *строение № 1*; 52). Строение располагается на юго-западном склоне южного отрога г. Сотера (Устуранын-Хыры), на высоте около 27,0-28,0 м над уровнем моря и примерно в 155,0-160,0 м от его береговой полосы. Оно сильно повреждено современными земляными работами. Уцелел лишь незначительный участок северной (тыльной) части здания, состоявшего, вероятно, из двух прямоугольных поме-

щений (или одного помещения и открытого дворика) вытянутых в ряд по линии северо-запад – юго-восток (рис. 52: *помещения №№ 1 и 2*)²³. Общая длина сохранившейся части постройки – 8,42 м, ширина – до 1,95 м. Строение углублено в склон и примыкает к бортам подрубки. Образовавшиеся зазоры заполнены грунтом с мелким и средним обломочным материалом материковых пород, фрагментами керамики. Стены возведены из мелкого и среднего бута, а также крупной морской или речной гальки местных скальных пород (аргиллит, песчаник, известняк), уложенных относительно выраженными рядами, местами с использованием техники «в елку» (рис. 52). Фундаменты образованы плоскими камнями, расположенными плашмя непосредственно на дне котлована. Кладки двухлицевые, трехслойные. Для заполнения пространства между камнями использован грунт, мелкий бут и обломки керамики (керамид, калиптеров и стенок тарных сосудов). Кладки, образующие помещение 1 перевязаны на углах. Тыльная стена помещения № 2 пристроена к помещению № 1 без перевязки. Толщина стен – около 0,40-0,83 м, сохранность – до 0,40-1,10 м. Пол земляной, представляет собой поверхность дна строительного котлована. Помещение № 1 углублено относительно помещения № 2 на 0,25-0,30 м. Поскольку значительная часть постройки уничтожена, данных о расположении и обустройстве входа в здание и прохода между помещениями нет, также практически полностью утрачена информация о параметрах и обустройстве внутреннего пространства помещения № 2. Уцелела только часть его тыльной стены, которая прослежена в длину на 2,70 м.

Помещение № 1 сохранилось примерно на треть. Его длина – около 5,5 м, сохранившаяся ширина – около 2,0 м. Заполнение состояло из двух основных частей: каменного завала (мощность до – 1,0 м) и располагавшегося под ним на земляном полу слоя фрагментированной керамики (мощность – до 0,05-0,10 м) (рис. 53: *слой № 3*; 54). Каменный завал, образованный продуктами разрушения стен постройки, фиксировался с дневной поверхности и представлял собой смесь разномерного бута, глины, фрагментов керамики, в основном черепицы (рис. 56; 57: *1-11*, *13*; 58) и тарных сосудов с незначительным количеством углей и фаунистических остатков. Большую часть располагавшегося ниже керамического боя также составляли обломки черепицы (в большинстве своем керамид), пифосов и амфор, залежавшие горизонтально (рис. 54). Здесь же найдено незначительное количество фрагментов кухонных сосудов, одно керамическое пряслице, разнообразные фаунистические останки и древесные угли (рис. 61: *1,4*; 62: *2*). Следы сколько-нибудь значительного пожара не отмечены. Судя по скоплению черепицы на полу, в этом здании, как и в домах, исследованных в гончарном районе, сначала обрушилась кровля, а затем постепенно разрушались стены.

²² Например, красноглиняных «грушевидных» амфор с венчиком в виде «отложного воротничка» (тип IIb по Н. Гюнсенин [Günseñin 1990: 24-28]) и византийских сферомкостных амфор (тип I по Н. Гюнсенин [Günseñin 1990: 21-24, fig. 4]), которые являются ярким хронологическим маркером археологических комплексов Крыма второй половины – конца X–XI вв. (см. напр.: Булгаков 2000; Герцен, Науменко 2001: 138-139; Нессель 2006; Рыжов, Седикова 1999: 325-326 и др.).

²³ Открыты также остатки кладки, пристроенной к зданию с торца, по линии западной стены (рис. 52: *кладка № 5*), сохранность плохая, назначение не ясно.

В восточном углу помещения была обустроена яма, вероятно, хозяйственного назначения (рис. 55: 1-3). Углубление округлое в плане, с плавно вогнутыми вовнутрь бортами и плоским дном. Параметры верхнего контура – 1,20×1,62 м, минимальный диаметр – 1,22 м, диаметр дна – 1,48 м, глубина – 1,72 м. Заполнение ямы состояло из трех слоев (рис. 55: 3). Примерно треть объема углубления (верхнюю часть) занимал слой разрушения постройки – достаточно рыхлый коричневый глинистый грунт с большим количеством разномерного бута и черепицы (мощность – до 1,20 м) (№ 1). Ниже располагался слой рыхлого коричневого грунта с мелким делювием пород таврической серии и крупными обломками венчика и верхней части корпуса большого красноглиняного пифоса (мощность – до 0,35-0,4 м) (№ 2) (рис. 55: 1, 4). Донная часть сосуда отсутствовала. Под обломками найдена плитка песчаника округлой в плане формы (толщина – 0,05-0,06 м, диаметр – около 0,60 м), залегавшая горизонтально на поверхности следующего слоя (рис. 55: 2). Край плиты обработан грубыми сколами. Подобные изделия часто используются в качестве крышек пифосов. Возможно, здесь плита выполняла аналогичную функцию. Придонную часть ямы заполнял достаточно плотный коричневый грунт с большим количеством мелкого делювия пород таврической серии, древесных углей и фаунистических останков, значительную часть которых составляли створки морских моллюсков, преимущественно устриц (мощность – до 0,17-0,20 м) (рис. 55: 3, слой № 3). Кроме того, здесь найдены многочисленные обломки черепицы (рис. 57: 12), тарных и кухонных керамических сосудов (рис. 59; 60; 61: 2, 3, 5, 6), керамическое пряслице (рис. 62: 3), частица деструктированного известкового раствора, обломок стенки стеклянного сосуда (рис. 62: 6), большое количество фрагментированных железных изделий (гвоздей и пластин) (рис. 63), железная крица и шлак. Изначальное назначение ямы определить сложно. Возможно, она служила для хранения припасов, а затем, на каком-то этапе, стала использоваться для складирования бытового мусора (битой посуды, углей из очага, пищевых отходов). Не исключено, что в нее с целью благоустройства могла быть установлена верхняя часть пифоса с каменной крышкой. После обрушения постройки функциональная часть объема заполнилась слоем разрушения.

В целом при раскопках остатков строения № 1 выявлено 2874 фрагмента различного рода артефактов (1903 – в помещении № 1 и 971 – в хозяйственной яме) и 674 единицы фаунистических останков (138 – в помещении № 1 и 536 – в яме)²⁴.

Основную массу артефактов (98,2%) составляют различные категории керамики, 1,5% – изделия из железа и 0,3% остальные находки (фрагмент стенки сте-

клянного сосуда, каменная крышка пифоса, обломки железного шлака и крицы).

Строительные материалы представлены фрагментами керамид и калиптеров местного производства (соответственно 656 и 58 единиц – 23,5% керамических находок) (рис. 56-58). На керамидах встречаются метки в виде надписей («ωΔΟ»), монограмм («Θ€»), отдельных литер греческого алфавита («Т», «Θ») (рис. 56; 57: 1-9, 11-13; 58: 1-6), аналогичные найденным в гончарном районе и на других участках поселения ранее (Паршина 2002б: 123, рис. 3), а так же отпечатки лап домашних животных (котов, собак) (рис. 57: 10; 58: 7). Вероятно, в качестве кладочного материала применяли обломки печины (15 единиц – 0,5%) и крупные кирпичи (2 единицы – менее 0,1%), один из которых сохранился полностью. Его параметры – 9,0×17,0×32,0 см. Использование обожженных глиняных кирпичей размером 10,0×20,0×32,0 см в кладках средневековых домов в Соте-ре отмечает и Е.А. Паршина (2002б: 123).

Обломки тарных сосудов из строения № 1 довольно многочисленны. Ассортимент их не широк: местные крупные толстостенные пифосы с массивным треугольным венчиком, гладкой или реберчатой поверхностью (700 фрагментов от 3-4 сосудов – 24,8% керамических находок) (рис. 55: 1, 4) и амфоры причерноморского типа первого и второго вариантов по А.Л. Якобсону (1286 фрагментов не менее чем от 8-10 сосудов – примерно 45,6% керамических находок), причем второй вариант преобладает (рис. 59: 1-9).

Кухонно-столовые сосуды составляют около 5,4% в коллекции керамики (152 обломка). Из них примерно треть – это красноглиняные горшки и кувшины (в том числе с моделированным сливом), сформованные на гончарном круге (РФК-7) из теста, аналогичного амфорному (рис. 60: 1-5). Прочие – коричневоглиняные горшки из песчанистой формовочной массы, изготовленные в технике скульптурной лепки с частичным профилированием на круге (РФК-3) (рис. 60: 6-8; 61). Форма одного горшка (из заполнения ямы) реконструирована полностью, четырех (из помещения № 1 и заполнения ямы) – частично (рис. 60: 8; 61: 1-3, 6). Морфология сосудов обеих групп кухонно-столовой керамики близка изделиям этой же категории, найденным в гончарном районе.

Специальная технологическая керамика представлена одним обломком трубы из слоя разрушения и двумя красноглиняными пряслами, найденными на полу помещения № 1 и в хозяйственной яме (рис. 62: 2, 3). Прясла в форме цилиндра и эллипсоида, изготовлены из глины с примесью мелкого шамота и дресвы (подобной сырью для амфор). Одно из них с двух сторон испещрено неглубокими прочерченными по обожженной глине линиями (рис. 62: 2). Диаметр изделий – 3,4 и 4,3 см, толщина – 1,5 и 1,7 см, диаметр отверстий – 0,7 и 0,8 см.

Интересна находка в слое разрушения строения плоской стенки керамической емкости, украшенной прочерченным гребенкой орнаментом (рис. 39: II). Возможно, это обломок изделия, аналогичного шести-

²⁴ В целом из 674 фаунистических находок 313 составляют фрагменты костей млекопитающих, птиц и рыб, 361 – створки морских моллюсков, в числе которых 73,4% – устрицы съедобной (*Ostrea edulis*), 23,3% – мидии съедобной (*Mytilus edulis*) и 3,3% гребешков черноморских (*Flexorpeten ponticus*) (определение Е.Ю. Яниш).

гранному «ящику» из раскопок гончарного района. Функцию подобных емкостей определить затруднительно, однако, очевидно, что их использование на поселении в Сотере не было единичным.

Изделия из железа маловыразительны: сильно корродированные фрагментированные четырехгранные стержни, пластины, скобы и прочие предметы, назначение которых не вполне понятно (рис. 63). Все они происходят из нижней части заполнения хозяйственной ямы. Здесь же обнаружены фрагменты крицы и шлака.

Фрагмент стенки стеклянного сосуда из этой же ямы также малоинформативный и не позволяет получить представление о форме, параметрах и функциональном назначении изделия (рис. 62: б).

Таким образом, судя по конструкции строения № 1 и набору артефактов из него (большое количество различной керамической тары, реконструируемые кухонные горшки и другая домашняя утварь), исследованные архитектурные остатки принадлежали зданию жилищно-хозяйственного назначения. Находки отходов железоделательного производства указывают на то, что, возможно, его обитатели имели какое-то отношение к этому ремеслу. Следов внезапной гибели постройки (пожара и пр.) не зафиксировано.

К западу от строения № 1 зачищен участок борта современной террасы (протяженность – 7,1 м) (рис. 51; 53: *разрез I–II*). В его стратиграфии ниже слоя разрушения исследованного строения № 1 (слой № 3) отчетливо видны следы антропогенного преобразования склона, вероятно, предшествовавшего возведению здания. А именно – три ямы, обустроенные в археологически стерильных делювиальных отложениях (слои №№ 5, 5а), залежавших на материке (слой № 6) (рис. 53). Углубления с относительно ровным горизонтальным дном и покатыми стенками. Их протяженность – 1,07; 1,1 и 1,3 м, глубина соответственно – 0,35; 0,45; 0,33 м. Все они заполнены достаточно плотным, однородным коричневым грунтом с мелким делювием материковых пород и фрагментами керамики – красноглиняных пифосов и амфор причерноморского типа местного производства (рис. 53: *разрез I–II, слои №№ 4, 4а, 4б*). В верхней части одной из ям зафиксированы линзы плотного коричневого глинистого грунта с большим количеством обломков аналогичных сосудов (рис. 53: *разрез I–II, слой № 3а*), возможно, образовавшиеся вследствие нивелировки древней дневной поверхности. Кроме того, на дне этой же ямы отмечено скопление древесных углей, представляющее собой, вероятно, остатки очага (протяженность – 0,55 м, мощность – до 0,5–0,7 м) (рис. 53: *разрез I–II, очаг*). Углубления не исследовались, поэтому определить их функциональное назначение затруднительно. Возможно, они предназначались для каких-то производственных нужд, а затем были засыпаны при строительстве дома или в процессе жизнедеятельности его обитателей.

Руины второго каменного дома обнаружены в южной части раскопа IV (рис. 51: *строение № 2*), ниже по склону к западу от строения № 1, на расстоянии около

13,0–14,0 м от него. Восточная часть здания частично разрушена землеройной техникой. Сохранившиеся остатки полностью не исследовались. Раскопками открыта только лицевая часть кладки, формирующей юго-западный фасад здания (рис. 64; 65: *кладка № 3*), и участок примыкающей к ней с северо-запада подпорной стены (рис. 64; 65: *кладка № 1*). Судя по стратиграфии, возведению дома предшествовало обустройство на склоне горизонтальной террасы и котлована (рис. 65: *II*). В бровке видны два борта котлована, частично впущенного в культурный слой (№ 4) и археологически стерильные отложения (№ 5). Сохранившаяся высота бортов – 0,30 (западный) и 1,0 (восточный) м, ширина углубления – около 12,5 м. Стена фасада установлена на дно котлована, примыкает к его западному борту (восточная часть стены полностью разрушена) (рис. 65). Кладка двухлицевая, трехслойная, возведена из мелкого и среднего бута, а также крупной гальки местных скальных пород (аргиллит, песчаник, известняк), уложенных относительно выраженными рядами с использованием техники «в елку» (рис. 65). Пространство между камнями заполнено грунтом, мелким бутом и обломками керамики (черепицы, стенок тарных сосудов). Ширина кладки – 0,60–0,66 м, сохранившаяся длина – до 6,4 м, высота – до 0,68 м.

Подпорная стена (кладка № 1), возведенная в створе с фасадом дома, укрепляет вертикальный борт террасы к западу от здания. Кладка двухслойная, однолицевая, вплотную примыкает к грунтовому срезу. Наружная часть сложена из массивных угловатых камней на грунте с соблюдением порядовки и зачеканкой щелей крупным щебнем. Пространство между лицевым рядом и бровкой заполнено более мелким обломочным материалом скальных пород и грунтом. Ширина кладки – 0,64–0,82 м, сохранившаяся высота – 0,53–0,80 м, в границах раскопа она прослежена в длину на 10,5 м. Полностью не исследована. Древняя дневная поверхность к югу от кладки сnivelирована. При ее зачистке обнаружено компактное скопление крупных фрагментов трех амфор причерноморского типа первого и второго вариантов, залегающих горизонтально (рис. 69: *1, 4, 5*). Аналогичные амфоры, а также обломки черепицы, пифосов, коричневоглиняных кухонных горшков и кувшинов (рис. 66), фрагмент ручки стеклянного сосуда (рис. 62: *7*), многочисленные фаунистические останки (в том числе значительное количество створок устриц и мидий) отмечены в слое разрушения постройки (слой № 4b)²⁵. В целом, состав керамики из слоя разрушения строения № 2 раскопа IV подобен ассортименту находок из заполнения строения № 1 раскопа III.

Таким образом, на основании имеющихся сведений довольно сложно судить о точных параметрах и деталях конструкции строения № 2, а также организации пространства вокруг него. Очевидно только, что главный фасад здания был ориентирован на юго-запад, перед ним устроили довольно обширную гори-

²⁵ Слой полностью не исследован, отобраны только отдельные находки.

зонтальную площадку, а образовавшийся вследствие подрезки склона грунтовый борт террасы к северо-западу от строения укрепили каменной подпорной стеной. Схожесть керамического материала из строений №№ 1 и 2 позволяет предполагать их относительную синхронность.

После разрушения строения № 2 на его руинах была возведена каменная кладка, траншея под которую частично прорезала остатки постройки и подпорной стены (рис. 64; 56: *кладка № 2*). Кладка двухлицевая, двухслойная, сложена из среднего и мелкого обломочного материала и крупной гальки местных материковых пород на глине, ориентирована поперек склона практически по линии запад-восток с незначительным отклонением к югу. Сохранился один ряд камней высотой до 0,3-0,7 м. Ширина кладки – 0,45-0,57 м, прослежена в длину – на 6,9 м. Ее функциональное назначение и хронологическая позиция не ясны.

Руины этой кладки и остатки строения были перекрыты делювиальными отложениями (мощность – до 0,8 м), содержащими незначительное количество керамического материала, синхронного периоду существования поселения и перемещенного, вероятно, под воздействием природных факторов из археологических объектов, расположенных выше по склону (рис. 65: *слои №№ 2а, 3, 3а*).

Культурные слои, образовавшиеся до возведения строения № 2, полностью изучены в раскопе IV к северу от подпорной стены (кладка № 1), на площади около 27,0 м² (рис. 64; 67; 68: *слои №№ 4, 4а*). На исследованном участке они последовательно залегают на археологически стерильных делювиальных отложениях (слой № 5), сообразно рельефу склона, понижаясь к западу и югу (угол падения – не более 20-25°, местами – до 30°) (рис. 67; 68).

Слой № 4 образован достаточно плотным, светлым, серо-коричневым глинистым грунтом с большим количеством мелкого и среднего делювия пород таврической серии, фрагментами керамики и фаунистическими останками. Мощность – до 0,70 м, увеличивается к западу.

Слой № 4а сформирован плотным темно-коричневым глинистым грунтом с большим количеством мелкого и среднего делювия пород таврической серии, фрагментов керамики, фаунистических останков и древесных углей. Мощность – до 0,50 м, увеличивается к западу.

Наиболее древний объект антропогенного происхождения на исследованном участке – яма, впущенная в археологически стерильный слой № 5. Углубление округлой в плане формы с покатыми бортами (рис. 64). Диаметр ямы – до 1,17 м, глубина – 0,4 м. В заполнении найдены крупные фрагменты стенок красноглиняного пифоса местного производства, амфор причерноморского типа, небольшой обломок стенки стеклянного сосуда (рис. 62: 8) и древесные угли. Вероятно, углубление служило для установки пифоса и связано с освоением этого участка склона до появления слоев №№ 4а и 4.

Следует отметить, что в слоях №№ 4 и 4а наблюдалась высокая концентрация археологического материала.

Из слоя № 4 происходит 2332 археологических находок: 2053 – артефактов и 279 – фаунистических останков (83 фрагмента костей млекопитающих, птиц и рыб, 196 створок морских моллюсков). Подавляющее большинство предметов – фрагменты керамики (2056 ед.). Также здесь обнаружена кость млекопитающего со следами обработки (рис. 71: 12), подвеска из створки устрицы (рис. 62: 12), аналогичная найденной в гончарном районе и свинцовое пряслице в форме уплощенного диска, одна из поверхностей которого сплошь декорирована вдавлениями в виде «коптских глазков» (рис. 62: 5). Диаметр изделия – 3,0 см, толщина – 0,3 см, диаметр отверстия – 0,5 см. Подобный артефакт найден на поселении впервые, аналогии из других памятников авторам не известны. Следует отметить, что украшения в виде «коптских глазков» встречаются на керамических пряслицах близкого хронологического периода (см. напр.: Залеская и др. 2011: 334, № 399; Кирилко В.П., статья в настоящем сборнике: рис. 23: 3)²⁶.

Основную массу керамики (94,4 % – 1937 ед.) составляют обломки амфор причерноморского типа²⁷. Из них примерно 2/3 верхних профильных частей относятся к амфорам первого варианта, а 1/3 – второго варианта по А.Л. Якобсону (рис. 69: 2, 3, 6-8; 70; 71: 1-9). Доля стенок красноглиняных пифосов в коллекции – не более 1,9 % (38 ед.), черепицы (керамид и калиптеров) – около 2,1 % (44 ед. в соотношении примерно 14:1), кухонно-столовой посуды – около 1,6 % (32 ед.). Кроме того, в слое найден фрагмент стенки фляги (рис. 71: 10) и одно изделие округлой формы, изготовленное из стенки амфоры (рис. 71: 11).

Наиболее разнообразна кухонно-столовая керамика. Примерно треть сосудов составляют красноглиняные горшки и кувшины (в том числе широкогорлые ойнохои), сформованные на гончарном круге (РФК-7) из теста, аналогичного амфорному (рис. 71: 1-13). Некоторые стенки сосудов закрытой формы украшены росписью красным ангобом (рис. 72: 12) и прочерченным орнаментом, выполненным как одинарной линией, так и многозубым штампом (рис. 72: 11, 13). К этой же группе относится фрагмент поля и навершия крышки (рис. 72: 14, 15). Край поля срезан под углом около 45°, с лицевой стороны изделие украшено росписью красным ангобом (рис. 72: 14). Навершие биконическое, полое. Вершина оформлена пересекающимися насечками, образующими шестилучевую розетку. На боковую плоскость верхнего конуса нанесен прочерченный линейно-волнистый орнамент (рис. 72: 15). Подобные изделия («крышки с высоким полым навер-

²⁶ В Алуштинском филиале КРУ «Центральный музей Тавриды» хранятся три подобных керамических пряслица из раскопок крепости Алустон, шифры: Ал-84/49; Ал-86/101 и Ал-86/246.

²⁷ Здесь также могут быть учтены фрагменты стенок кувшинов, близких к амфорам по составу формовочной массы.

шием»), уже встречались в жилищно-хозяйственных комплексах Сотеры ранее (Паршина 2002б: 124, рис. 5)²⁸. Наиболее близкие по конфигурации экземпляры происходят из раскопок средневекового поселения на юго-западном склоне г. Демерджи (см. статью В.П. Кирилко в настоящем сборнике: рис. 21: 6) и заполнения колодца в цитадели Херсонеса (Седикова 1995: 124, рис. 2: 9, 10), датированных авторами публикаций соответственно в рамках X²⁹ и второй половины IX в. В целом, этот вид бытовой керамики представлен более широко. Например, иные его типы известны среди материалов поселения на плато Тепсень, датированного автором публикации серединой VIII – серединой X вв. без детализации хронологической позиции керамических комплексов (Майко 2004: 193, рис. 106: 8, 11). Из вышеизложенного следует, что рассматриваемые крышки со специфической профилировкой, безусловно, составляли часть керамического комплекса, характеризующего местную провинциально-византийскую культуру, но генезис и детальная хронология вида требуют более тщательного изучения.

Остальные две трети обломков принадлежат коричневоглиняным горшкам из песчанистой формовочной массы, изготовленным в технике скульптурной лепки с частичным профилированием на круге (РФК-3), для которых характерен плавно отогнутый наружу венчик и плоская ручка, крепящаяся к его краю (рис. 72: 16-20).

В слое № 4а обнаружено 10100 археологических находок: 8768 артефактов и 1332 единицы фаунистических останков (400 фрагментов костей млекопитающих, птиц и рыб, 931 сворка морских моллюсков, преимущественно устриц и мидий, 1 клешня краба). Вещевой комплекс образован 8756 обломками керамики и 12 артефактами из других материалов. Среди них бронзовая цельнолитая шаровидная пуговица-подвеска (рис. 62: 9), семь частиц железной крицы, обломок кремня (рис. 62: 13), две подвески из створок устриц, аналогичные найденным в предыдущем слое и в гончарном районе (рис. 62: 10, 11), кость млекопитающего со следами обработки.

подавляющее большинство керамических обломков принадлежит амфорам причерноморского типа (93,0 % или 8145 ед.) (рис. 74; 75: 1-14; 76). При этом профильные части сосудов первого и второго вариантов встречаются в соотношении примерно два к одному. К транспортировочной таре относится также единственный обломок верхней части фляги (рис. 75: 15). Стенки красноглиняных пифосов составляют не более 1,0 % (90 ед.) находок. Строитель-

ная керамика также малочисленна: 101 фрагмент (1,1 %) черепицы (керамид и калиптеров в соотношении примерно 18:1), в том числе с остатками меток (рис. 73: 1-5), 11 обломков плинфы и фрагмент крупного кирпича (в целом, чуть менее 0,2%). Все эти изделия местного производства.

Кухонно-столовая посуда составляет около 4,6 % керамических находок (404 ед.). Она довольно разнообразна. Выделяется не менее четырех групп изделий. Две из них хорошо известны по другим объектам памятника. Первая – это красноглиняные плоскодонные сосуды, сформованные на гончарном круге (РФК-7) из теста подобного амфорному (примерно треть находок посуды). В их числе различные кувшины и горшки(?) с треугольным в сечении венчиком, с коротким слегка выпуклым горлом и округлым или зауженным к краю венчиком, ойнохой так называемого «скалистинского» типа, кувшинчики с узким цилиндрическим горлом, завершающимся воронковидным расширением (рис. 77: 1-8, 23). Аналогии последнему кувшину происходят из других комплексов Сотеры (Паршина 2002б: 122, рис. 5) и раннесредневекового поселения на правом берегу р. Улу-Узень в Алуште (Тесленко, Алядинова 2013: 103-104, рис. 1: 5). Ассортимент дополняют тарелка с узким горизонтальным бортом (рис. 77: 24), а также фрагмент края и полого навершия крышки, соотносимой с уже упомянутым видом изделий, но более простой конфигурации и без дополнительного декора (рис. 77: 25, 26). Некоторые стенки сосудов закрытой формы украшены прочерченным орнаментом, выполненным одинарной линией и росписью красным ангобом (рис. 77: 18-22).

Вероятно, в отдельную подгруппу этой группы следует объединить небольшие тонкостенные красноглиняные горшочки (порой черепок их пережжен до серого цвета), изготовленные на этапе РФК-7 из тонкодисперсных формовочных масс без видимых примесей или с включениями мелких частиц рыхлого белого и плотного красно-коричневого минералов. Тулово сосудов округлое, горло низкое, слегка расширенное, с прямыми или слегка вогнутыми изнутри стенками, зауженным или скругленным краем (рис. 77: 9-17). У некоторых горшков изгиб в месте перехода от стенок к горлу с внутренней стороны выделен небольшим реберчатым выступом, предназначенным, вероятно, для лучшей фиксации крышки (рис. 77: 16). Ручка крепится к краю венчика и середине корпуса, обычно оформлена пальцевым вдавлением в месте верхнего прилепа (рис. 77: 11). Форма одного из сосудов частично реконструирована (рис. 77: 17), его параметры: H сосуда – 9,4 см, D тулова – 8,3 см, D дна – 5,8 см D венчика – 7,2 см. Под нижним прилепом ручки по обожженной глине прочерчено граффити в виде греческой литеры «л». Подобные горшки хорошо известны по раскопкам синхронных памятников Восточного, Юго-Восточного и Юго-Западного Крыма, а также, в качестве импорта, на салтово-маяцких могильниках Северского Донца, появляясь не ранее второй половины VIII–IX вв. (обзор литературы см. Рыжов, Седикова 1999:

²⁸ Для них, помимо общих для группы технологических характеристик (скоростной гончарный круг, состав формовочной массы, подобный амфорному, режим обжига), характерны конусовидный или усечено-эллипсоидальный корпус, плавно переходящий в высокое покое навершие сложной конфигурации, выполняющее также функцию ручки, плоско срезанный край без специальной профилировки.

²⁹ Предложенная В.П. Кирилко хронология комплекса на склоне г. Демерджи, на наш взгляд, не бесспорна и требует более тщательного анализа.

321-323; Науменко 2009г: 63-64). По мнению некоторых исследователей пальцевое вдавление у верхнего прилепа ручки массово распространяется не ранее IX в. (Рыжов, Седикова 1999: 322). Сходные по форме поливные и неполивные горшки, в том числе и с характерным выступом под крышку, встречаются также в культурных слоях середины – второй половины VIII – начала IX в. при раскопках в Стамбуле (Hayes 1992: 110-112, fig. 54-56, 58). Вероятно, такая форма сосуда приобрела популярность в византийской кухонно-столовой керамике и массово воспроизводилась, скорее всего, в различных гончарных центрах империи на протяжении указанного периода и, возможно, несколько дольше. По крайней мере, в материалах Херсонесского городища и Керчи подобные формы известны также в слоях X–XI вв. (Рыжов, Седикова 1999: 321-322, рис. 7; 10: 9, 10; Нессель 2006: 101-102, рис. 23: 4, 6; Сазанов 1998: 60, 64-65, 70-72, 79, рис. IV: 3I; VIII: 5; IX: 2-3).

Вторая группа – это коричневоглиняные горшки из песчанистой формовочной массы (этап РФК-3) (около двух третей кухонно-столовой посуды) (рис. 78; 79). В отличие от предыдущих комплексов, в слое № 4а ассортимент форм этой группы несколько шире. Наряду с различными вариантами наиболее распространенных горшков с плавно отогнутым наружу венчиком (рис. 78; 79: 4-6) присутствуют кувшины с аналогичным профилем (рис. 79: 3), а также горшки с закраиной под крышку (рис. 79: 1, 2).

Третья и четвертая группы керамических изделий среди материалов поселения ранее не фиксировались. Это два различных фрагментированных сероглиняных горшка салтово-маяцкого облика. Сосуды изготовлены на круге (этап РФК-6). Форма частично реконструирована (рис. 80). Кроме состава формовочной массы они отличаются между собой особенностями абриса профиля и декором. Один из сосудов выполнен из глиняного теста с примесью дробленой ракушки, песка и рыхлого минерала красно-коричневого цвета. Тулово оваловидных очертаний, с максимальным расширением примерно на середине высоты, горло короткое, венчик отогнут наружу, скруглен. Поверхность корпуса сплошь украшена горизонтальными прочерченными линиями (рис. 80: 2). Реконструируемые параметры: Нсосуда – 18,5 см, Двенчика – около 9,5 см, Дтулова – 17,3 см, Ддна – 12,0 см.

В составе формовочной массы второго сосуда преобладает размерная (в основном, довольно крупная) дресва скальных пород, в том числе известняков, и песок. Тулово обратноклапневидной формы, с максимальным расширением в верхней части у плечиков. Горло низкое, венчик утолщенный, плавно отогнут наружу, скруглен, с закраиной с внутренней стороны. Поверхность тщательно заглажена, корпус декорирован четырьмя прочерченными горизонтальными линиями (рис. 80: 1). Реконструируемые параметры: Нсосуда – около 23,0 см, Двенчика – 20,0 см, Дтулова – около 20,5 см, Ддна – 12,0 см.

Подобные кухонные сосуды различных групп³⁰ и типов во множестве известны на салтово-маяцких поселениях и городищах VIII–X вв. на Нижнем Дону, в Приазовье, на Таманском полуострове и в Крыму, в особенности в юго-восточной и центральной части полуострова (см. напр.: Плетнева 1999: 17-19, рис. 26; 86; Зинько, Пономарев 2005: 240; Майко 2004: 197-199, рис. 111-114; Науменко 2009д: 67-70). По наблюдениям исследователей, в Юго-Западном и Северо-Западном Крыму салтовская керамика встречается реже (Кутайсов 2004: рис. 5; Романчук, Омелькова 1979: 101, рис. 5: 1-3; Рудаков 1979: 109, рис. 2: 1; Герцен, Иванова, Науменко 2010: 253, 257, рис. 17: 35, 36; др.), а на Южном берегу Крыма вообще представлена единичными находками (см. напр. статьи И.Б. Тесленко, А.В. Лысенко и В.П. Кирилко в настоящем сборнике). Наиболее близкие по форме и декору аналогии горшкам, обнаруженным в слое № 4а, происходят из заполнения полуземлянки, исследованной на северо-восточном участке посада раннесредневековой Сугдеи (Майко 2009: 266-270, рис. 4: 2, 3, 8, 9). На основании стратиграфических наблюдений и анализа керамического комплекса, верхняя дата полуземлянки определяется временем не позднее середины IX в., нижняя – не ранее середины VIII в. (Майко 2009: 266-270). Исходя из этого, сотерские находки можно также предположительно отнести к обозначенному периоду.

Примечательно и отсутствие салтовских горшков в более поздних комплексах поселения в урочище Сотера. Вероятно, найденные экземпляры оказались на поселении в результате какого-то ситуативного обмена или вместе с их хозяевами, не повлияв сколько-нибудь существенно на местное керамическое производство.

Категория специальной технологической керамики включает два фрагментированных уплощенно-цилиндрических пряслица, вполне типичных для этого памятника. Оба изделия изготовлены из теста, близкого по составу амфорному. Одно из пряслиц красноглиняное, с двух сторон украшено оттисками уплощенного острия (вероятно, ножа) (рис. 62: 1). Второе – пережжено до темно-серого цвета, поверхность заглажена до блеска, без дополнительного декора (рис. 62: 4). Диаметр изделий соответственно – 3,8 и 4,4 см, толщина – 0,9 и 0,8 см, диаметр отверстий – 0,8 и 0,6 см.

Кроме того из слоя происходит два обломка окатанных стенок амфор, которые, судя по сработанности края, использовались вторично (рис. 73: 6, 7).

Подводя итог характеристике материала из слоев №№ 4 и 4а, отметим, что значительная концентрация в них разрозненных фрагментов бытовой емкостной керамики, пищевых отходов и углей свидетельствует о том, что основной объем отложений сформировался, скорее всего, в процессе свалки бытового мусора. Учитывая особенности конфигурации профиля подстилающих стерильных отложений, можно заключить, что

³⁰ По составу формовочных масс выделяют не менее 11 групп кухонной салтово-маяцкой посуды, например, на поселениях Керченского полуострова (Пономарев 2003; Науменко 2009д: 67-70).

свалка могла производиться специально для заполнения небольшого тальвега, располагавшегося в этой части поселения, вероятно, с целью получения новых площадей для дальнейшего хозяйственного использования. Подтверждением этому служит возведение здесь усадьбы со строением № 2, частично занявшей участок снивелированного свалкой тальвега.

Хронология слоев №№ 4 и 4а определяется преимущественно на основании анализа керамического материала из них. Преобладание среди амфор сосудов первого варианта, отсутствие высокогорлых кувшинов, находки ранней салтовской гончарной керамики, указывают на то, что слои сформировались, по крайней мере, не позднее середины – последней трети IX в. Нижняя дата может быть определена временем не ранее второй половины VIII в. Такой датировке не противоречит находка в слое № 4а цельнолитой пуговицы-подвески уплощенно-сферической формы с удлиненным плоским ушком, снабженным округлым отверстием для крепления (рис. 62: 9). Подобные изделия (как цельнолитые, так и полые из двух тисненых половинок со вставным проволочным ушком) хорошо известны среди крымских древностей примерно с конца VIII (?) – начала IX в. и вплоть до позднего средневековья (см. напр.: Якобсон 1970: 137, рис. 90, 95; Баранов 1990: 119-121, рис. 44: 21; Айбабин 1991: 47, рис. 6: 5-7, 7: 16; Айбабин 2003: табл. 39: 46; 47: 7; 48; Тесленко, Лысенко 2004: 266, рис. 12; Майко 2007: 125-127; Столяренко 2010: 293-294, 297-299)³¹. В этот же период они получают широкое распространение на территории Евразии и в зоне влияния византийской культуры как элемент кочевнического и городского костюма (см. напр.: Федоров-Давыдов 1966: 70, рис. 12; Равдина 1988: табл. 8: 15; Плетнева 1989: 107, рис. 56; Сазанов 2000: 283; Ельников 2001: 10-55; Столяренко 2010: 293-300).

Стратиграфическая позиция слоев свидетельствует о том, что они образовались на ранних этапах существования поселения в балке Сотера, в период, когда его северо-западная часть еще не была плотно застроена. Более ранние следы антропогенной деятельности здесь сохранились только в виде остатков пифосной ямы у восточного края тальвега и, возможно, ям, отмеченных в стратиграфии бровки террасы к западу от строения № 1 на раскопе III.

В дальнейшем, предположительно не ранее середины – третьей четверти IX в., топография этого участка памятника значительно усложняется. В процессе диагностических шурфовок здесь, кроме уже упомянутых строений №№ 1 и 2, были выявлены и другие участки застройки. Остатки кладок различных каменных построек и следы их разрушения зафиксированы в шурфах №№ 11-14, расположенных как в районе средневековой свалки (№ 12), так и примерно в 2,9-6,7 м к западу, югу и юго-востоку от исследованного участка древнего оврага (рис. 1; 51). Из связанных

³¹ Несколько более ранним временем – концом VII–IX в. – датируются литые пуговицы с граненой петелькой (Айбабин, Хайрединова 2008: 70, рис. 34: 17, 19).

с постройками культурных слоев происходит керамический материал, аналогичный находкам из строения № 1 (черепица, обломки пифосов и амфор обоих вариантов местного производства, кухонно-столовая керамика). В шурфе № 14 обнаружено также несколько обломков крицы – очередное свидетельство железнорудного производства.

Безусловно, все обнаруженные шурфами архитектурные объекты требуют дальнейших исследований более широкими площадями. На основании имеющихся материалов можно лишь констатировать, что эта часть поселения на заключительном этапе его существования отличалась довольно плотной застройкой, планировку и специфику которой еще предстоит выяснить³².

Для уточнения общей топографии поселения интересны также результаты шурфовок, проведенных выше раскопов III и IV вдоль бровки ограничивающей их с севера грунтовой дороги. Здесь было заложено четыре шурфа (рис. 1; 51: 15-18). В двух из них (№№ 15, 17), расположенных примерно в 27,0 м к западу и 5,0 м к северо-востоку от раскопа IV, под дерном и делювиальными отложениями (мощность – до 0,40-0,50 м) выявлены остатки сильно разрушенной фундаментальной каменной стены, сооруженной на площадке искусственной террасы, вырубленной вдоль склона по линии запад-восток (рис. 81). Ширина террасы – до 1,4 м; сохранившаяся высота ее северной бровки – до 0,20-0,25 м. Кладка сложена из подобранного крупного обломочного материала местных материковых пород и крупной морской или речной гальки (алевролиты, аргиллиты, известняк и песчаник). Ширина стены – не менее 1,0 м, сохранность – до 0,68 м. Судя по находке среди развалов камней двух фрагментов стенок амфор «причерноморского» типа, возведение стены следует датировать временем не ранее конца VIII – начала X вв. Остатки мощной каменной кладки в этом районе фиксировались и ранее. Так в отчете Е.А. Паршиной за 1983 г. отмечено, что в раскопе № 19 «на обочине дороги, ведущей в лагерь, на второй террасе поселения, вскрыты остатки широкой стены, состоящей из двух панцирей, с галечной забутовкой», от которой сохранился только нижний ряд камней (Паршина 1983: Л.13). Судя по чертежу, ширина стены составляла до 1,47 м (Паршина 1983: Л.90, рис. 18). По словам одного из местных жителей, длительное время принимавшего участие в земляных работах в исследуемом районе, остатки широкой «каменной стены» часто находят на довольно значительном протяжении вдоль южного склона холма к северу от наиболее застроенного участка поселения.

Исходя из этого, можно предположить, что обнаруженные в шурфах остатки кладки, скорее всего, принадлежат подпорной стене, предназначенной для

³² Выявленные остатки древних архитектурных сооружений и стратифицированных культурных отложений доступны для дальнейшего исследования. Работы здесь были прекращены из-за отсутствия финансирования (отказ заказчика выполнять обязательства по договору) однако их продолжение в этом районе весьма перспективно.

укрепления склонов над густо застроенной частью приморского поселения. Значительная ее часть была уничтожена во второй половине XX в. при нарезке грунтовой дороги и прочих земляных работах³³.

Детальные исследования склонов выше подпорной стены не проводились, поэтому судить о наличии или отсутствии в этом районе археологических объектов, связанных с поселением, сложно. Однако, учитывая наличие на склоне к северу от кладки незначительного количества синхронного поселению керамического подъемного материала (фрагментов черепицы, красноглиняных толстостенных пифосов и амфор причерноморского типа), существование здесь отдельных усадеб вполне возможно.

* * *

Таким образом, на основании полученных нами материалов период функционирования поселения в урочище Сотера может быть определен в рамках второй половины – конца VIII – конца IX – начала X в., что составляет около 100-150 (±20) лет. Как одну из характерных особенностей поселения можно выделить существование в его границах (на восточной окраине) довольно обширного ремесленного гончарного района, где изготавливались разнообразные керамические изделия в довольно широком ассортименте.

Для возведения производственных объектов была выбрана рассеченная балками часть склона прибрежного холма, что, вероятно, было связано исключительно с практическими соображениями: удобством обустройства гончарных гонов в склонах балок, наличием поблизости залежей подходящего сырья, а также, вероятно, доступа к пресной воде, которая могла периодически появляться как в самих балках (грунтовые воды струйчатого характера) и аккумулироваться в специальных емкостях, так и подаваться сюда при помощи арыка (Паршина 2002б: 124, 126). При этом освоение территории под производственные объекты начиналось с приустьевых частей балок (здесь зафиксированы наиболее ранние объекты, датируемые временем не позднее второй половины (конца) VIII – первой половины IX в.), а затем расширилось выше по склону, достигнув максимума примерно ко второй половине – последней трети IX в. Жилища гончаров при этом располагались рядом, ближе к хребтам водоразделов.

Грандиозные объемы гончарного производства указывают на весьма существенную роль этого ремесла в экономике всего поселения. Судя по основному ассортименту выпускаемой продукции (амфорам), оно было направлено в первую очередь на обеспечение другого важного направления деятельности местной общины – виноделия, ориентированного, безусловно, на внешний рынок сбыта, связь с которым обеспечивалась морскими перевозками.

Динамика освоения северо-западной части поселения, судя по добытым там материалам, практически совпадает с гончарным районом. Следы первой антропогенной активности, выраженные в преобразовании поверхности археологически стерильных отложений различными углублениями, последующая нивелировка располагавшегося здесь оврага бытовым мусором также происходит примерно в промежутке со второй половины (конца) VIII по середину (вторую треть?) IX в., после чего эта территория застраивается новыми усадьбами.

Вероятно, строительный бум был отчасти связан с экономическими успехами сельской общины в области виноторговли. Этому, безусловно, благоприятствовала политическая стабильность, наступившая, видимо, с утверждением в Таврике в 841 г. фемы Климатов, позже преобразованной в фему Херсона (см. напр.: Айбабин 1999: 215-216; Цукерман 1997: 312-317; Науменко 1998: 689-691; Могаричев, Сазанов, Шапошников 2007: 217-218), что означало переход значительной части территории полуострова (Юго-Западной, Южной и, возможно, Восточной Таврики) под полный контроль Византии³⁴.

Кроме товарного гончарства, на исследованных участках поселения отмечены признаки железодельного производства (находки крицы), прядения (пряслица), домашнего гончарства (изготовление кухонных горшков для личных нужд), морского промысла (рыболовный крючок, кости и чешуя рыб, створки морских моллюсков), охоты (обломки костей диких животных), скотоводства и птицеводства (фрагменты костей домашних мелких и крупных копытных, птицы) и употребления в пищу зерновых культур (жернова), которые могли как выращивать самостоятельно, так и получать в результате обмена. Интересно отметить весьма незначительное количество дальних импортов среди материалов всех лет раскопок памятника. К этой категории могут быть отнесены разве что редкие обломки стеклянных сосудов и высокогорлых кувшинов с широкими плоскими ручками, а также фрагмент бронзовой пластинки с позолотой. Е.А. Паршина в своей публикации упоминает еще какую-то импортную амфору, однако по приведенному описанию и рисунку сосуда его сложно идентифицировать (Паршина 2002б: 124). Вероятно, развитое натуральное хозяйство и ремесло позволяли более-менее полно удовлетворять собственные нужды общины в бытовой утвари. В обмен же на свою продукцию поселенцы получали какие-то товары, не оставившие сколько-нибудь выразительных археологических следов (например, определенные продукты питания или жизнеобеспечения) или же изделия, имеющие достаточно высокую ценность, которые, как правило, всегда сопровождают своего владельца в случае его перемещения.

Что касается этнокультурной атрибуции исследованного поселения, то здесь практически не вызывает сомнения его принадлежность к провинциально-византийской культуре, а его обитателей – к носителям гре-

³³ Не исключено, что слой № 2а, насыщенный разномерным бутом и крупной галькой, отмеченный в бровке террасы в раскопе III к западу от строения № I (рис. 53: *разрез I-II, слой № 2а*), представляет собой продукт разрушения этой стены, перемещенный при устройстве дороги.

³⁴ По мнению В.Е. Науменко к началу X в. фема уже могла состоять из 5 военно-административных округов, территориально соответствующих церковно-административным единицам – Херсонской, Боспорской, Сугдейской, Фулььской и Готской епархиям Константинопольского патриархата (Науменко 2007).

ческого языка (ромеев-грекам?), вероятно, почитателям культа одного из святых Феодоров, о чем свидетельствуют литеры, надписи и монограммы на черепице³⁵. Редкие находки салтовской керамики могут указывать на весьма незначительную фильтрацию отдельных представителей другой культурной группы, традиции которых, впрочем, ощутимо не повлияли на местных жителей.

Причины запустения поселения не ясны. На памятнике не отмечены следы массовых насильственных разрушений (пожара)³⁶ или внезапных стихийных бедствий. Согласно наблюдениям Е.А. Паршиной, почти все строения, исследованные ее экспедицией, носили признаки воздействия оползневой природы, что, по мнению исследовательницы, могло послужить причиной ухода его жителей (Паршина 2002б: 122). Однако, как показали раскопки последних лет, пока постройки были обитаемыми, их хозяева вполне успешно боролись с подобными природными явлениями, устраивая подпорные контрфорсы внутри помещений и водоотводы снаружи стен. Кроме того, незначительное количество археологически целых находок свидетельствует о том, что население оставило свои дома еще до того, как они подверглись разрушительному воздействию оползня, успев без особой суеты взять с собой все более-менее пригодные в хозяйстве вещи.

Вероятно, причиной ухода с насиженных мест послужили какие-то более глобальные события военно-политического и экономического характера, анализ которых не входит в задачи настоящей публикации³⁷.

В завершение, следует отметить, что многие вопросы антропогенного освоения прибрежных склонов г. Сотера в эпоху средневековья остаются открытыми. На сегодняшний день все еще недостаточно изучена детальная топография и периодизация поселения. В частности здесь не найдены культовые сооружения (храмы) и могильники довольно многочисленных обитателей урочища Сотера второй половины VIII – начала X вв. Также не локализованы участки жилой застройки, синхронные времени существования раскопанного в 1982-83 гг. двухапсидного храма XII(?)–XV вв. Незначительное количество керамических находок указанного периода (фрагменты коричневоглиняных пифосов и кувшинов, поливных чаш и тарелок) обнаружено при исследовании строений на раскопах 6 и 27 на первой и третьей береговых террасах (Паршина 1983: Л. 12, 15, 16, 21). Однако в процессе предпринятых нами изысканий какие-либо материалы, которые можно было бы отнести к XII(?)–XV вв., выявлены не были. Возможно, основная часть позднего поселения располагалась ниже церкви, ближе к побережью. Не исключено, что наиболее ранние жилища основателей первого поселения также находились ближе к морю. К сожалению, эта территория сейчас плотно застроена капитальными сооружениями дачного кооператива «Импульс» и не доступна для изучения. Учитывая значительные масштабы неконтролируемой застройки памятника, одними из основных задач на сегодняшний день являются защита его уцелевших участков от дальнейшего уничтожения и их полноценное исследование.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И. 1991. Основные этапы истории городища Эски-Кермен. *МАИЭТ II*. Симферополь, 43-51.
- Айбабин А.И. 1999. *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь: ДАР.
- Айбабин А.И. 2003. Степь и Юго-Западный Крым. В: Макарова Т.И., Плетнева С.А. (отв. ред.). *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв.* Москва: Наука, 59-64.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 2008. *Могильник у с. Лучистое*. Т. 1: *Раскопки 1977, 1982-1984 гг.* Симферополь; Керчь: ИД «АДЕФ-Украина».
- Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. 1971. Средневековые амфоры Херсонеса. *АДСВ* 7, 81-101.
- Баранов И.А. 1979. Раннесредневековая гончарная печь в урочище Суат. *АДСВ* 16, Социальное развитие Византии, 112-118.
- Баранов И.А. 1990. *Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура)*. Киев: Наукова думка.
- ³⁵ Более детально анализ вопросов, связанных с этнокультурной атрибуцией прибрежных поселений Южной Таврики представлен в первом томе «Древностей Семидворья» (Тесленко, Мусин 2015).
- ³⁶ На исследованных ранее участках поселения зафиксирована одна усадьба, погибшая в пожаре (Паршина 2002б: 122). Детальная характеристика материала этой усадьбы не приводится, поэтому нельзя с уверенностью судить о дате этого события.
- ³⁷ Более детально проблема освещена в первом томе «Древностей Семидворья» (Тесленко, Мусин 2015).
- Баранов И.А., Майко В.В. 1996. Комплексът салтовски съоръжения в Судацката крепост. В: Тодоров П. (отв. ред.). *Българите в Северното Причерноморие*. Т. 5. Велико Тырново: Университетското издателство «Св. св. Кирил и Методий», 71-88.
- Белый А.В. 1993. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 2. В: Могаричев Ю.М. (отв. ред.). *История и археология Юго-Западного Крыма: Сборник научных трудов*. Симферополь: Таврия, 49-58.
- Белый А.В. 2001. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек №№ 3, 4, 7. В: Могаричев Ю.М., Храпунов И.Н. (ред.-сост.). *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Вып. 2. Симферополь: Таврия-Плюс, 189-229.
- Белянский И.Л. 2007. *Топонимические карты Крыма*. 138 листов.
- Бертъе-Делагард А.Л. 1920. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. *ИТУАК* 57, 1-134.
- Бобринский А.А. 1978. *Гончарство Восточной Европы*. Москва: Наука.
- Бочаров С.Г. 2005. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV веков. Консульство Солдайское. *АДСВ* 36, 282-293.
- Булгаков В.В. 2000. Византийские амфоры IX–XIV вв.: основные типы. *Восточноевропейский археологический журнал* 4 (5) (<http://archaeologie.kiev.ua/journal/040700/bulgakov.htm>).

- Веймарн Е.В. 1968. О двух неясных вопросах средневековья Юго-западного Крыма. В: Домбровский О.И. (ред.). *Археологические исследования средневекового Крыма*. Киев: Наукова думка, 45-82.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. 2001. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун. *АДСВ* 32, 127-147.
- Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. 2006. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп). *МАИЭТ XII*, 371-497.
- Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е. 2010. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало X в.). *МАИЭТ XVI*. Симферополь, 240-295.
- Гинькут Н.В. 2002. Керамика IX – первой половины X в. с места кораблекрушения близ Учкеевки (Севастопольский прибрежный район). В: Лебединский В.В. (ред.). *Подводная археология: сто лет исследований. Материалы международной научно-практической конференции «К 100-летию подводной археологии» 6-8 февраля 2002 г.* Москва: Ин-т Востоковедения РАН, 24-31.
- Головкинский Н. 1894. *Путеводитель по Крыму*. Симферополь.
- Ельников М.В. 2001. *Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследования 1989-1992 гг.)*. Запорожье: Запорожский гос. ун-т.
- Завадская И.А. 2008. Серия черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003-2004 гг.). *МАИЭТ XIV*, 291-315.
- Завадская И.А. 2010. Проблемы изучения кровельного материала средневековых центров Юго-Западного Крыма. В: Ёлшин Д.Д. (ред.). *Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков*. Труды Государственного Эрмитажа 53. Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа, 254-268.
- Залеская В., Яшаева Т., Рабинович А. (науч. ред.). 2011. *Наследие византийского Херсонеса*. Севастополь – Остин: ИКА Техас. ун-та.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. 2005. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка–2 у пос. Эльтиген. *Боспорские исследования* X, 236-267.
- Караулов Г.Э. 1883. *Путеводитель по Крыму*. Одесса.
- Кеппен П.И. 1837. *Крымский сборник. О древностях Южного берега и гор Таврических*. Санкт-Петербург: Изд-во Имп. Акад. наук.
- Кутайсов С.В. 2004. Раннесредневековый слой Калос Лимена: по предварительным данным. В: Куковальская Н.М. (отв. ред.). *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы II Судакской международной научной конференции, (12-16 сентября 2004 г.)*. Ч.2: Причерноморье, Византия и Крым от средневековья до современности. Киев; Судак: Академперіодика, 113-121.
- Лосицкий Ю.Г. 2002. Реконструкция храма в Сотере. В: Рудницкая В.Г., Тесленко И.Б. (ред.-сост.). *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Киев: Стило, 132-138.
- Лысенко А.В., Тесленко И.Б. 2012. Комплекс археологических объектов в балке Еди-Евлер и ее ближайших окрестностях (краткие итоги исследований 2003-2007 гг.). В: Майко В.В. (отв. ред.). *Древняя и средневековая Таврика*. Археологический альманах 28. Донецк: Донбасс, 103-122.
- Майко В.В. 2000. Керамический комплекс VIII–X вв. праболгарского городища Тепсень в Юго-Восточном Крыму (предварительная типология). В: Тодоров П. (отв. ред.). *Българите в Северното Причерноморие*. Исследования и материалы. Велико Търново: Университетското издателство «Св. св. Кирил и Методий», 101-123.
- Майко В.В. 2004. *Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму*. Киев: Академперіодика.
- Майко В.В. 2007. *Средневековые некрополи Судакской долины*. Киев: Академперіодика.
- Майко В.В. 2009. Археологические материалы для реконструкции посада раннесредневековой Сугдеи. *Древности* 8, 263-272.
- Майко В.В. 2012. Сугдея во второй половине VII – первой половине VIII вв. Обзор археологической ситуации. В: Свистун Г.С. (ред.). *Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження*. Харків: О.О. Савчук, 54-62.
- Мальгин А.В. (публ.). 1994. Из наследия А.Л. Бертье-Делагарда. Ведомость христианского населения, вышедшего из городов и деревень Крыма в 1778 году, и оставшихся после него старых церквей в Крыму. *Крымский музей* 1, 151-169.
- Материалы для ближайшего познания горной части Крыма: Путевые заметки П.И. Кеппена*. ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 344.
- Миллер В.Ф. 1888. Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях в 1886 г. *ДТМАО XII*, 118-140.
- Моисеев Д.А. 2011. Археологический комплекс строительной керамики IX–X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп). *Древности* 10, 172-190.
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. 2007. *Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода»*. Симферополь: АнтикВА.
- Науменко В.Е. 1997. Раскопки раннесредневекового поселения у подножья Мангупа. В: Храпунов И.Н. (ред.-сост.). *Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1*. Симферополь, 324-340.
- Науменко В.Е. 1998. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике. *МАИЭТ VI*. Симферополь, 689-700.
- Науменко В.Е. 2007. Византийская фема и политические процессы в Таврике в середине IX – начале X в. *Боспорские исследования XVI*, 259-281.
- Науменко В.Е. 2009а. Амфоры. В: Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI*. Т. I. Археоло-

гические комплексы VIII–X вв. Симферополь; Керчь: ИД «АДЕФ-Украина», 35-50.

Науменко В.Е. 2009б. Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками. В: Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI*. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь; Керчь: ИД «АДЕФ-Украина», 50-58.

Науменко В.Е. 2009в. Фляги. В: Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI*. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь; Керчь: ИД «АДЕФ-Украина», 58-60.

Науменко В.Е. 2009г. Столовая посуда. В: Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI*. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь; Керчь: ИД «АДЕФ-Украина», 60-64.

Науменко В.Е. 2009д. Кухонная салтово-маяцкая посуда. В: Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI*. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь; Керчь: ИД «АДЕФ-Украина», 67-70.

Нессель В.А. Керамический комплекс. В: Бернацки А.Б., Клемина Е.Ю. (ред.). *Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна в квартале VII (IX–XI вв.)*. *Хсб. Сер. I*. Севастополь: ИД Максим, 95-139.

Нидзельницкая Л.Ю. 2009. Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом V – начала IX вв. (по материалам донских музеев). В: Ключников В.В., Коваленко А.Н. (ред.). *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время*. Сборник статей по материалам XII международной научной конференции. Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 257-282.

Паршина Е.А. 1974. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.). В: Бибииков С.Н. (отв. ред.). *Феодальная Таврика*. Киев: Наукова думка, 56-94.

Паршина Е.А. *Отчет о раскопках в урочище Сотера в 1982 году*. Научный архив Института археологии НАНУ. № 1982/5а. 19 с. 63 илл.

Паршина Е.А. *Отчет о раскопках средневекового поселения в урочище Сотера в 1983 г.* Научный архив Института археологии НАНУ. № 1983/10. 70 с. 118 илл.

Паршина Е.А. 1988. Эски-Керменская базилика. В: Бибииков С.Н. (отв. ред.). *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*. Киев: Наукова думка, 36-60.

Паршина Е.А. 1991. Торжище в Партенитах. В: Толочко П.П. (отв. ред.). *Византийская Таврика: Сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византинистов)*. Киев: Наукова думка, 64-100.

Паршина Е.А. 2002а. Древний Партенит (по материалам раскопок 1985-1988 гг.). В: Рудницкая В.Г., Тесленко И.Б. (ред.-сост.). *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Киев: Стило, 89-109.

Паршина Е.А. 2002б. Средневековое поселение в урочище Сотера. В: Рудницкая В.Г., Тесленко И.Б. (ред.-сост.). *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Киев: Стило, 117-131.

Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. 2001. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. В: Гладких М.И. (гл. ред.). *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї*. Киев: Стило, 52-81.

Плетнева А.С. 1989. *На славяно-хазарском пограничье: (Дмитриевский археологический комплекс)*. Москва: Наука.

Плетнева А.С. 1999. *Очерки хазарской археологии*. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим.

Пономарев Л.Ю. 2003. К характеристике салтовского керамического комплекса поселений Керченского полуострова. В: Зинько В.Н. (ред.). *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья*. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь: [s.n.], 217-224.

Равдина Т.В. 1988. *Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси*. Каталог. Москва: Наука.

Романчук А.И. 1977. Черепицы со знаками из раскопок на Мангупе. *СА 2*, 181-192.

Романчук А.И., Омелькова Л.А. 1979. Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек. *АДСВ 16: Социальное развитие Византии*, 94-118.

Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. 1995. *Амфоры из комплексов византийского Херсона*. Екатеринбург: УрГУ.

Рыжов С.Г., Седикова Л.В. 1999. Комплексы X века из раскопок квартала X «б» северного района Херсонеса. *Хсб. X*, 312-329.

Рудаков В.Е. 1979. Элементы салтово-маяцкой культуры на посаде Баклинского городища. *АДСВ 16: Социальное развитие Византии*, 105-111.

Сазанов А.В. 1998. Хронология слоев средневековой Керчи. *Проблемы истории, филологии, культуры V*, 50-88.

Сазанов А.В. 2000. Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса. В: Карпов С.П. (ред.). *Причерноморье в средние века*. Вып. 4. Санкт-Петербург: Алетей, 276-310.

Сазанов А.В. 2001. Керамический комплекс начала IX в. из Херсонеса (амфоры, пифосы и простая гончарная керамика). В: Могарычев Ю.М., Храпунов И.Н. (ред.-сост.). *Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2*. Симферополь: Таврия-Плюс, 229-256.

Седикова Л.В. 1993. Столовая посуда первой половины IX в. из засыпи водохранилища в Херсонесе. *МАИЭТ III*. Симферополь, 134-136.

Седикова Л.В. 1995. Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе. *РА (2)*, 170-177.

Седикова Л.В. 1996. Керамический комплекс 2-й половины IX в. из цитадели в Херсонесе. В: Могарычев Ю.М., Храпунов И.Н. (ред.-сост.). *Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма*. Симферополь: Таврия, 123-124.

Седикова Л.В. 1997. *Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.* Автореф. дис. канд. ист. наук. Москва.

- Ставровский Я.Ф. 1910. Горный Крым и Керченский полуостров. В: В.П. Семенов-Тянь-Шанский (ред.). *Россия: Полное географическое описание нашего Отечества*. Т. XIV. Санкт-Петербург: Издание А.Ф. Девриена.
- Столяренко Е.Н. 2010. Пуговицы из захоронений «Консульской церкви» крепости Чембало (XIV–XV вв.). *Древности 10*, 290-302.
- Теліженко С.А. 2011. Дослідження на території середньовічного поселення Сотера. В: Козак Д.Н. (гол. ред.). *АДУ 2010*. Київ; Полтава: ПП Видавництво «Друкарня «Гротеск», 342-343.
- Теліженко С.А. 2012. Дослідження на місці Сотера. В: Козак Д.Н. (гол. ред.). *АДУ 2011*. Київ-Луцьк, 127-129.
- Теліженко С.А., Тесленко І.Б., Лисенко О.В. 2010. Дослідження в урочищі Сотера в 2009 р. В: Козак Д.Н. (гол. ред.). *АДУ 2009*. Київ; Луцьк: Академперіодика, 421-424.
- Тесленко І.Б. 2010. Господарська керамічна тара Таврії XV ст. В: Титова О.М. та ін. (ред.). *Праці центру пам'яткознавства: збірн. наук. праць*. Вип. 17. Київ: Центр пам'яткознавства НАНУ і УТОПІК, 95-106.
- Тесленко І.Б., Алядинова Д.Ю. 2013. Исследования в урочище Сотера в 2012 г. В: Козак Д.Н. (гол. ред.). *АДУ 2012*. Київ-Луцьк, 102-102.
- Тесленко І.Б. 2014. Исследования в уроч. Сотера. В: Козак Д.Н. (гол. ред.). *АДУ 2013*. Київ, 80-82.
- Тесленко І.Б., Лысенко А.В. 2002. *Отчет о разведках на территории Алуштинского горсовета в 2002 г.* Архив КФ ИА НАНУ. № 750. Папка № 1167. 67 с., 50 ил.
- Тесленко І.Б., Лысенко А.В. 2003. Археологические разведки на Южном берегу Крыма в 2002 г. В: Гаврилюк Н.А. (ред.). *Археологічні відкриття в Україні 2001-2002 рр.* Вип. 5. Київ: Шлях, 270-273.
- Тесленко І.Б., Лысенко А.В. 2004. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение. В: Мыц В.Л. (отв. ред.). *«О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»*: Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена). Киев: ИД «Стилос», 260-296.
- Тесленко І.Б., Мусин А.Е. (ред.-сост.). 2015. Древности Семидворья I. Двухапсидный средневековый храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): материалы и исследования. *Археологический альманах № 33*. Киев, в печати.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники*. Москва: Изд-во МГУ.
- Фронджуло М.А. 1968а. Раскопки средневекового поселения на окраине Планерское 1957-1959 гг. В: Домбровский О.И. (ред.). *Археологические исследования средневекового Крыма*. Киев: Наукова думка, 99-132.
- Фронджуло М.А. 1968б. О раннесредневековом ремесленном производстве в Юго-Восточном Крыму. В: Домбровский О.И. (ред.). *Археологические исследования средневекового Крыма*. Киев: Наукова думка, 133-151.
- Цукерман К. 1997. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. В: Могаричев Ю.М., Храпунов И.Н. (ред.-сост.). *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Вып. 1. Симферополь: Таврия, 312-323.
- Чхайдзе В.Н. 2008. *Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове*. Москва: ТАУС.
- Якобсон А.Л. 1958. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. *МИА 85*, 458-501.
- Якобсон А.Л. 1966. Средневековые пифосы Северного Причерноморья. *СА (2)*, 189-202.
- Якобсон А.Л. 1970. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. *МИА 168*. Ленинград: Наука.
- Якобсон А.Л. 1979. *Керамика и керамическое производство средневековой Таврики*. Ленинград: Наука.
- Günsenin N. 1990. *Les amphores Byzantines (Xe–XIIIe siècle): Typologie, production, circulations d'après les collections turques*. Thèse de doctorat en archéologie. Université Paris I - Panthéon-Sorbonne. 2 vol. Paris.
- Hampe R., Winter A. 1962. *Bei Töpfen und Töpferinnen in Kreta Messenien und Zypern*. Mainz: Verlag des Römisch-Germanisches Zentralmuseums.
- Hayes J.W. 1992. *Excavations at Sarachane in Istanbul*. Vol. 2: *The Pottery*. Princeton, N.J.: Princeton University Press; Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
- Sazanov A. 1997. Les amphores de l'antiquité tardive et du moyen age: continuité ou rupture? Le cas de la mer Noire. In: Démians d'Archimbaud G. (éd.). *La céramique méditerranéenne. Actes du VIe congrès de l'Association Internationale pour l'étude des céramiques médiévales méditerranéennes (AIECM2) Aix-en-Provence (13-18 novembre 1995)*. Aix-en-Provence: Narration Editions, 87-102.
- Sciallano M., Sibella P. 1991. *Amphores: comment les identifier?* Aix-en-Provence: Edisud.
- Teslenko I. 2009. Vessel for Wine-storage from Archaeological Complexes of the 14th-15th centuries in the Crimea. In: Zozaya Stabel-Hansen J., Retuerce Velasco M., Hervás Herrera M.A., de Juan García A. (eds.). *Actas del VIII Congreso Internacional de Cerámica Medieval en el Mediterráneo (Ciudad Real-Almagro, del 27 de febrero al 3 de marzo de 2006)*. Т. 2. Ciudad Real: Asociación Española de Arqueología Medieval, 869-880.

**ДОСЛІДЖЕННЯ СЕРЕДНЬОВІЧНОГО ПОСЕЛЕННЯ НА МИСІ СОТЕРА
(попередні підсумки робіт 2004, 2008-2013 рр.)**

Стаття присвячена публікації підсумків досліджень останніх років на території середньовічного поселення в урочищі Сотера, що опинилося в зоні інтенсивного будівництва. Пам'ятка розташована в 9,0 км на північний схід від м. Алушта (Південний берег Криму).

На підставі отриманих нами матеріалів період функціонування поселення може бути визначений в рамках другої половини – кінця VIII – кінця IX – початку X ст.

Однією з характерних особливостей поселення можна визначити існування в його межах (на східній околиці) досить великого ремісничого гончарного району, де виготовлялися різноманітні керамічні вироби в досить широкому асортименті. Грандіозні обсяги гончарного виробництва вказують на істотну роль цього ремесла в економіці всього поселення. Оскільки основний об'єм продукції майстерні складала амфори, очевидно, що виробництво було спрямоване в першу чергу на забезпечення іншого важливого напрямку діяльності місцевої громади – виноробства, орієнтованого, безумовно, на зовнішній ринок збуту, зв'язок з яким забезпечувався морськими перевезеннями.

Що стосується етнокультурної атрибуції пам'ятки, то тут практично не викликає сумніву її належність до провінційно-візантійській культури, а мешканців поселення – до носіїв грецької мови (ромей-греків?), ймовірно, шанувальників культу одного з святих Феодорів, про що свідчать літери, написи і монограми на черепиці.

Причини запустіння поселення поки що не з'ясовані. На пам'ятці не відмічені сліди масових насильницьких руйнувань (пожежі) або рапових стихійних лих. Ймовірно, причиною відходу з насиджених місць послужили якісь більш глобальні події військово-політичного та економічного характеру.

Ключові слова: Крим, Сотера, поселення VIII–X ст., провінційно-візантійська культура, керамічне виробництво.

I.B. Teslenko, S.A. Telizhenko

**RESEARCH OF A MEDIEVAL SETTLEMENT AT THE CAPE SOTERA
(preliminary results of works 2004, 2008-2013)**

The article is dedicated to publication of recent years' studies of the Medieval settlement at Sotera cape, which situated in the area of intensive construction. The monument is located at 9.0 km northeastward from Alushta town (Southern coast of Crimea).

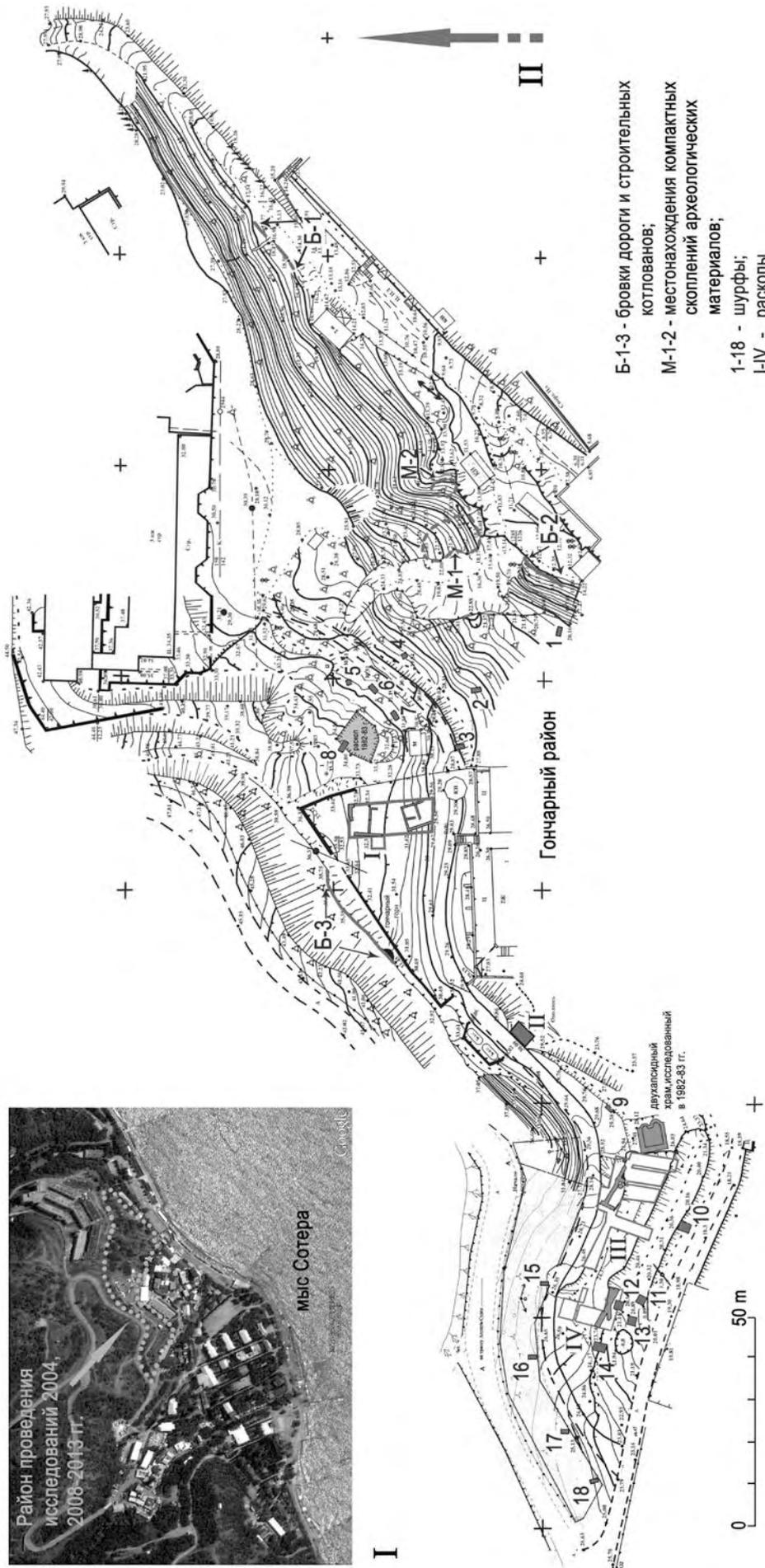
On the grounds of received material, the settlement can be dated from the second half or the end of the 8th to the end of the 9th – beginning of the 10th centuries.

One of the characteristics of the settlement consists in existence of a large pottery workshop on its eastern boundary, where wide assortment of ceramic wares was manufactured. The large-scale production of a pottery indicates a very significant role of ceramic industry in the economy of the settlement. As far as the bulk of pottery production consisted of amphorae, it is obvious that this workshop was primarily aimed to another important direction of activity of the local community. It was oriented to winemaking for external markets and those contacts were carried out by sea.

Concerning the ethnical and cultural attribution of the settlement, there is almost no doubt of its belonging to the Provincially-Byzantine culture and its inhabitants – to the native speakers of the Greek language (Romeo-Greeks?). According to the evidence of letters, inscriptions and monograms on the tile they were probably one of the devotees of the cult of St. Theodore.

The reasons of desolation of the settlement are not clear yet. There are no traces of mass violent destruction (fire) or sudden natural disasters. Perhaps the main reasons for leaving their homes for local people consisted in some kind of global military-political and economic events.

Keyword: Crimea, Sotera, settlement of the 8th-10th century, Provincially-Byzantine culture, pottery workshop.

Рис. 1. Мыс Сотера. I – местоположение района исследования 2004, 2008-2013 гг. по данным Google Earth 2013. II – топографический план северо-восточной части средневекового поселения с обозначением объектов, фигурирующих в публикации.

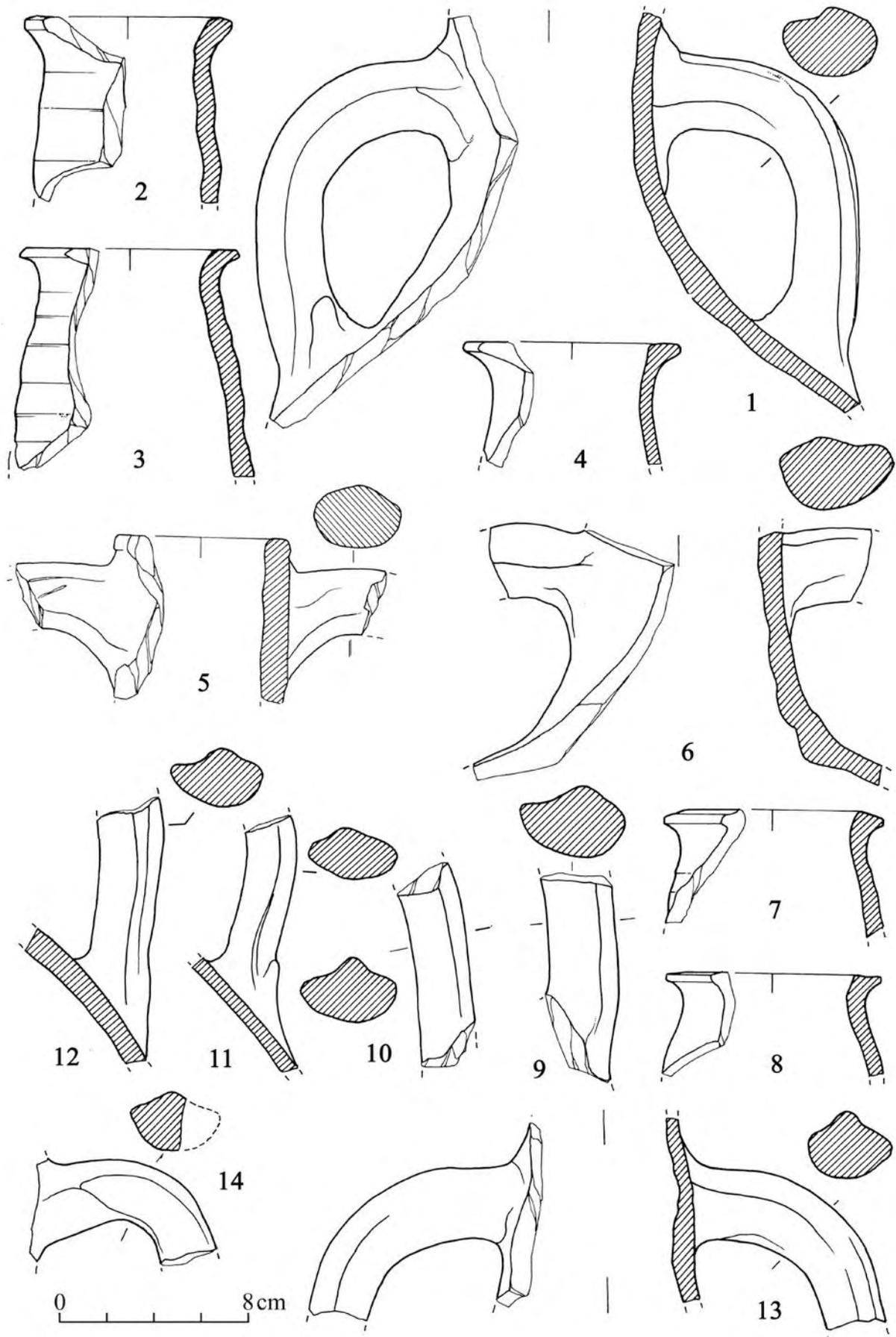
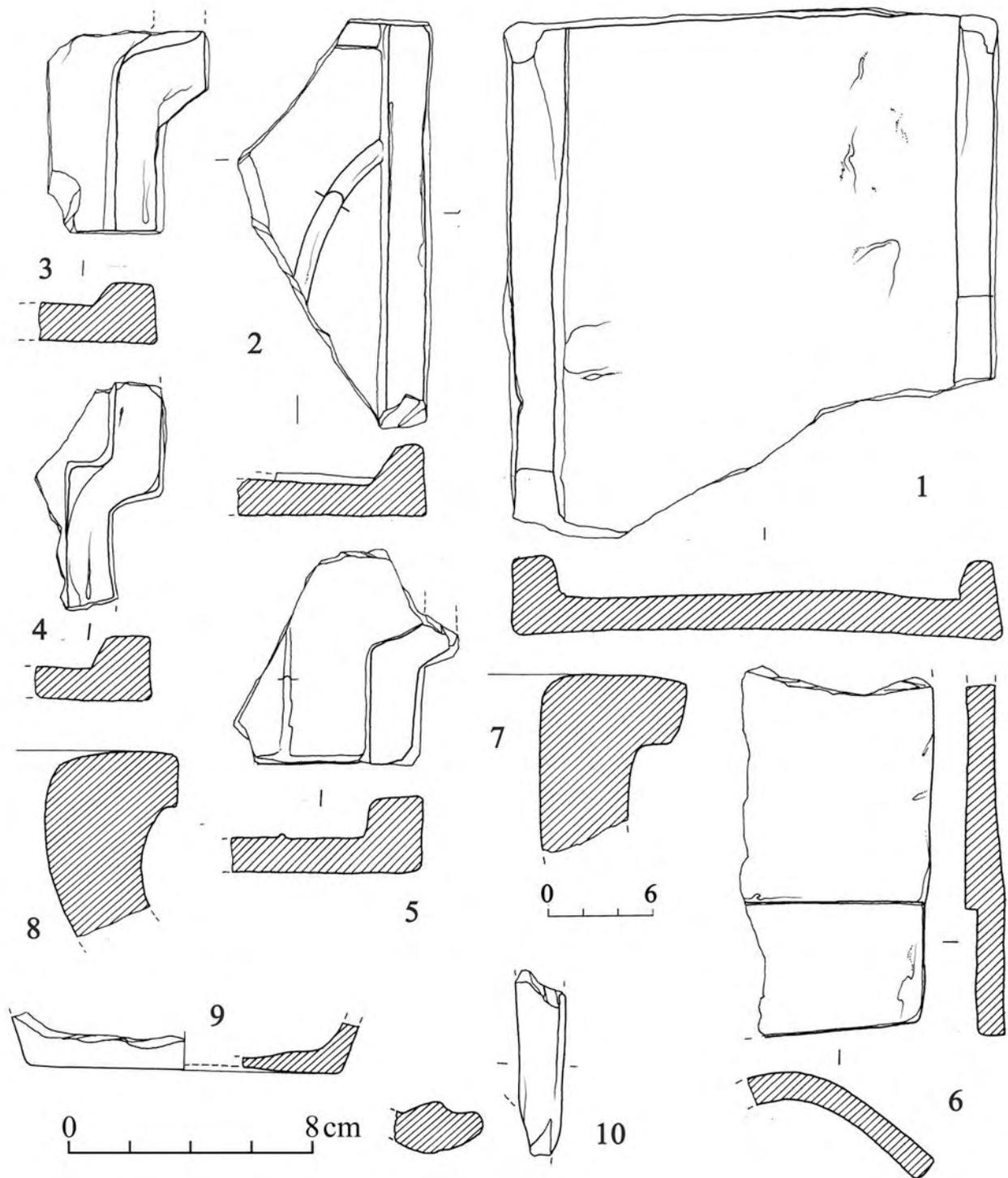

Рис. 2. Мыс Сотера. Остатки гончарного горна (М-2). Фрагменты амфор причерноморского типа.

Рис. 3. Мыс Сотера. Остатки архитектурных объектов (М-1). Фрагменты черепицы (1-6), пифосов (7, 8) и кухонно-столовых сосудов (9, 10).

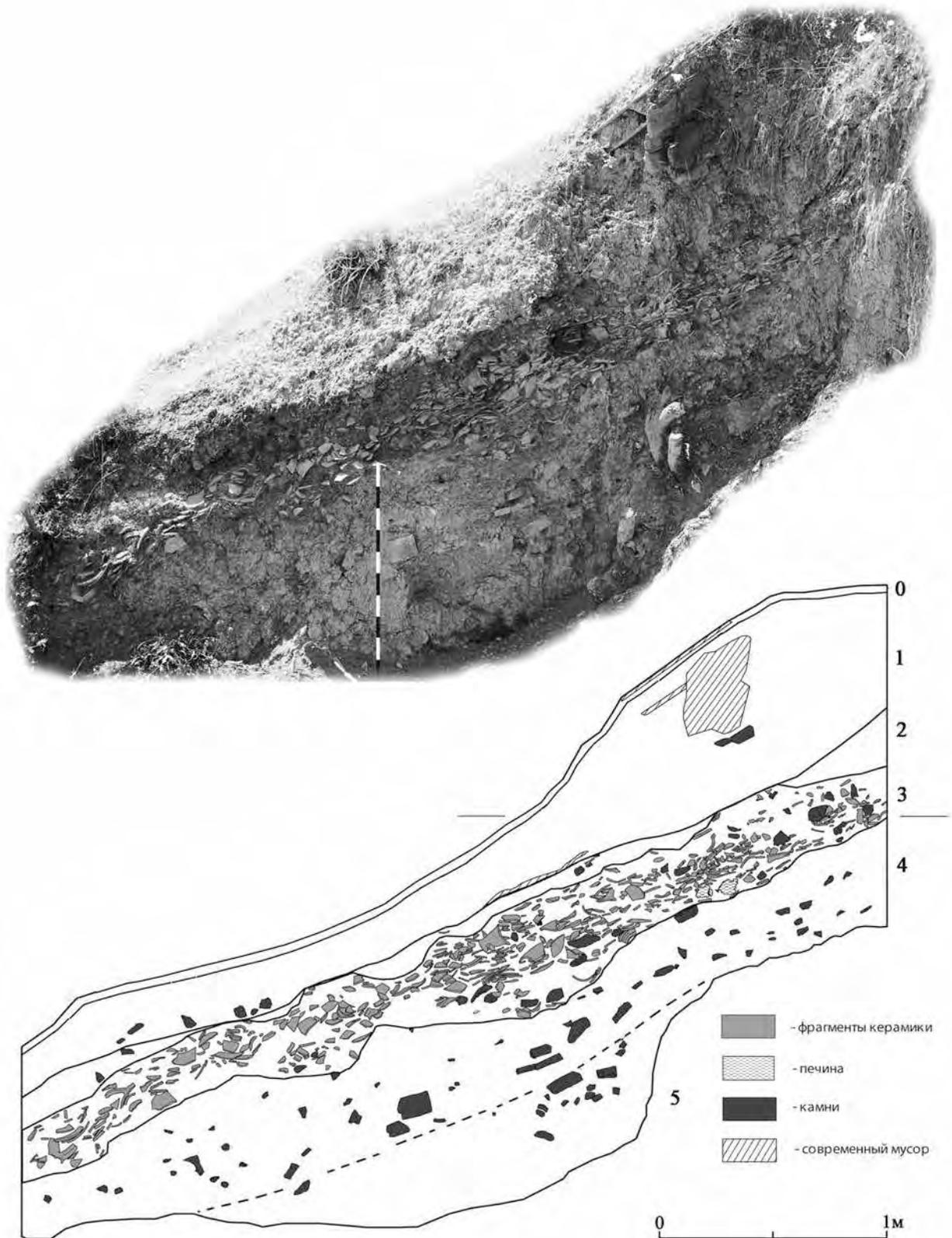

Рис. 4. Мыс Сотера. Бровка строительного котлована (Б-2), стратиграфия.

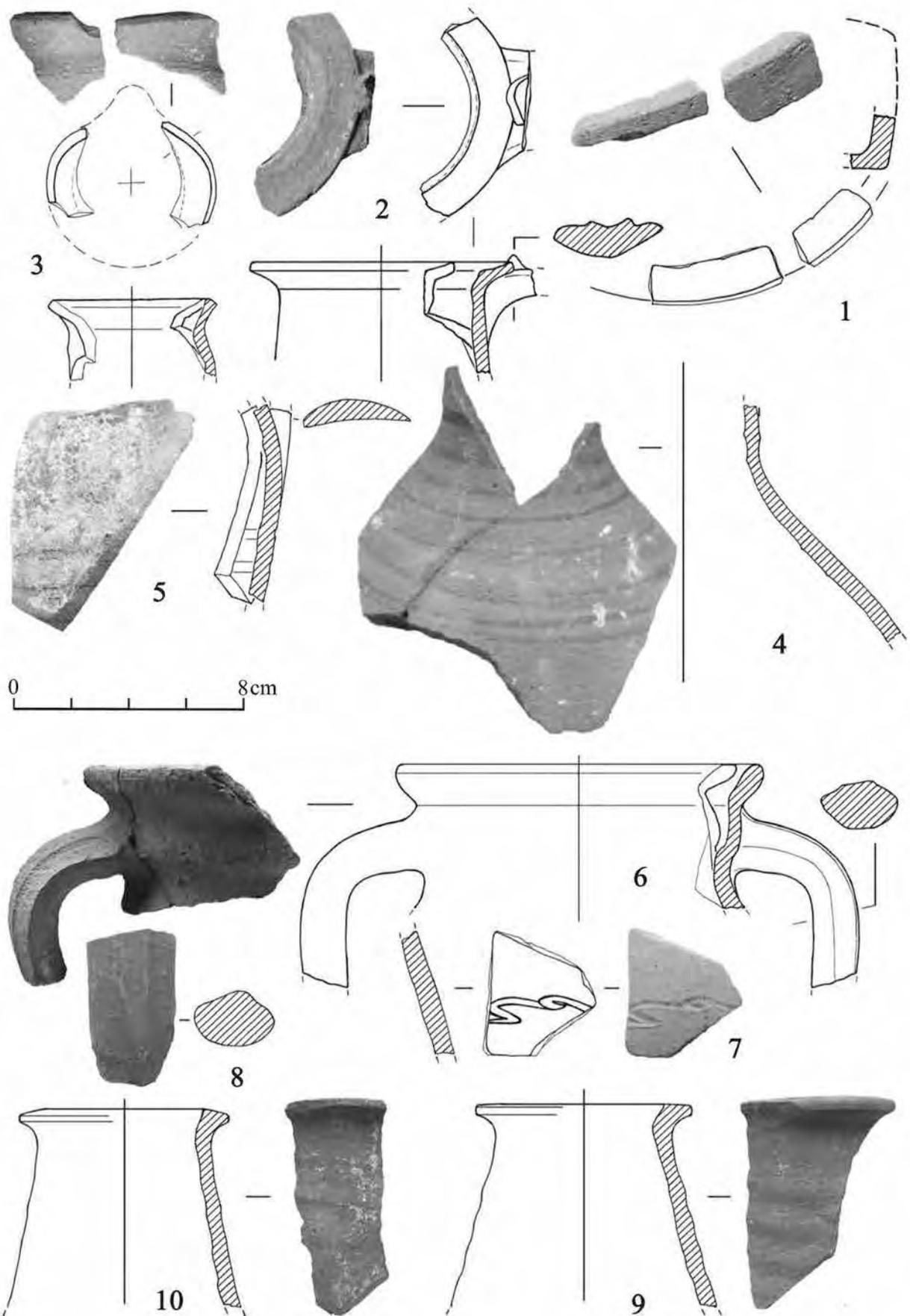
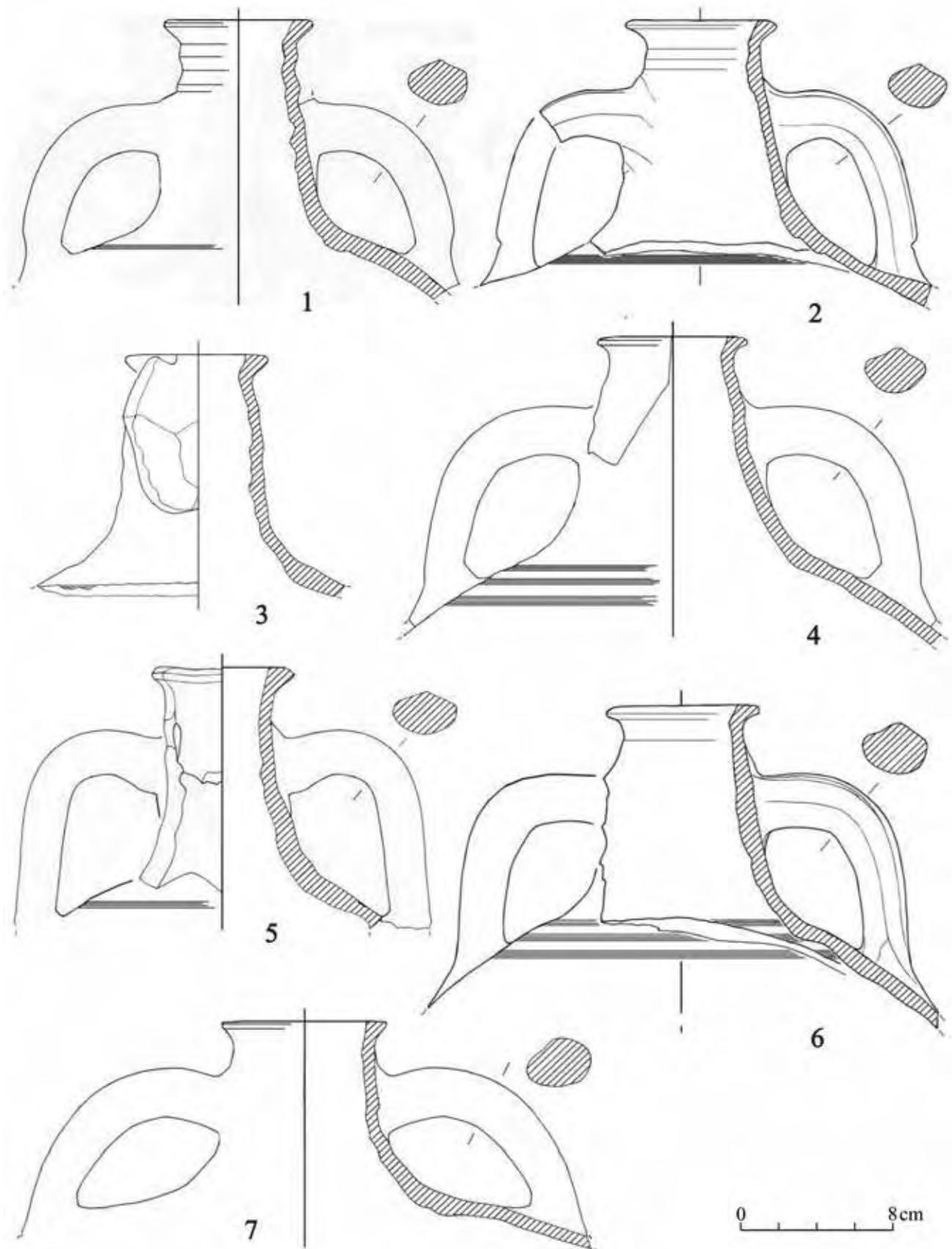

Рис. 5. Мыс Сотера. Бровка строительного котлована (Б-2), отвал керамического брака (слой № 3). Фрагменты фляги (1), кувшинов (2-5, 7) и амфор причерноморского типа (6, 8-10).

Рис. 6. Мыс Сотера. Бровка строительного котлована (Б-2), отвал керамического брака (слой № 3). Фрагменты амфор причерноморского типа с мелким зональным рифлением.

Рис. 7. Мыс Сотера. Бровка строительного котлована (Б-2), отвал керамического брака (слой № 3).
Фрагменты амфор причерноморского типа с мелким зональным рифлением.

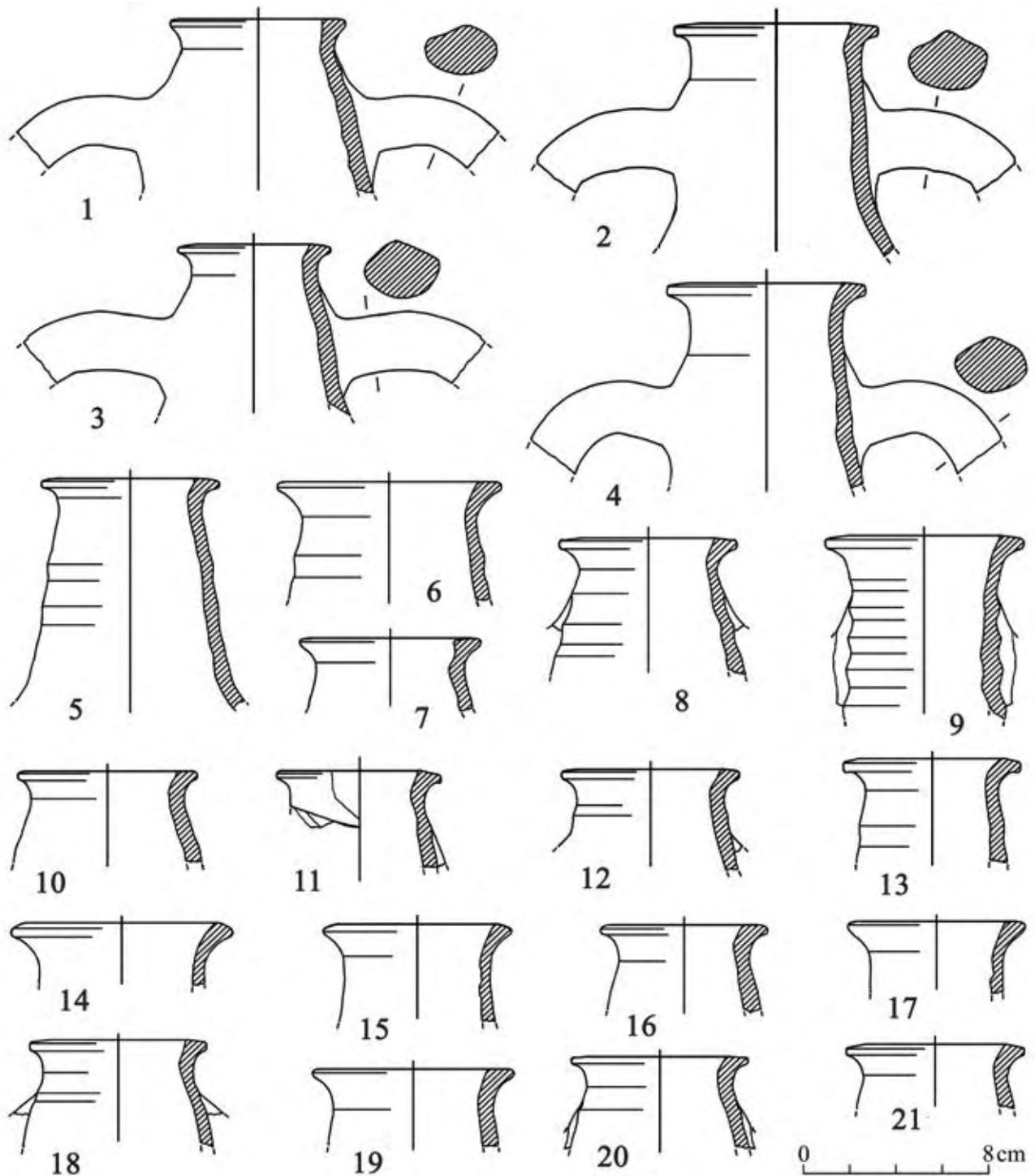

Рис. 8. Мыс Сотера. Бровка строительного котлована (Б-2), отвал керамического брака (слой № 3). Фрагменты амфор причерноморского типа с мелким зональным рифлением.

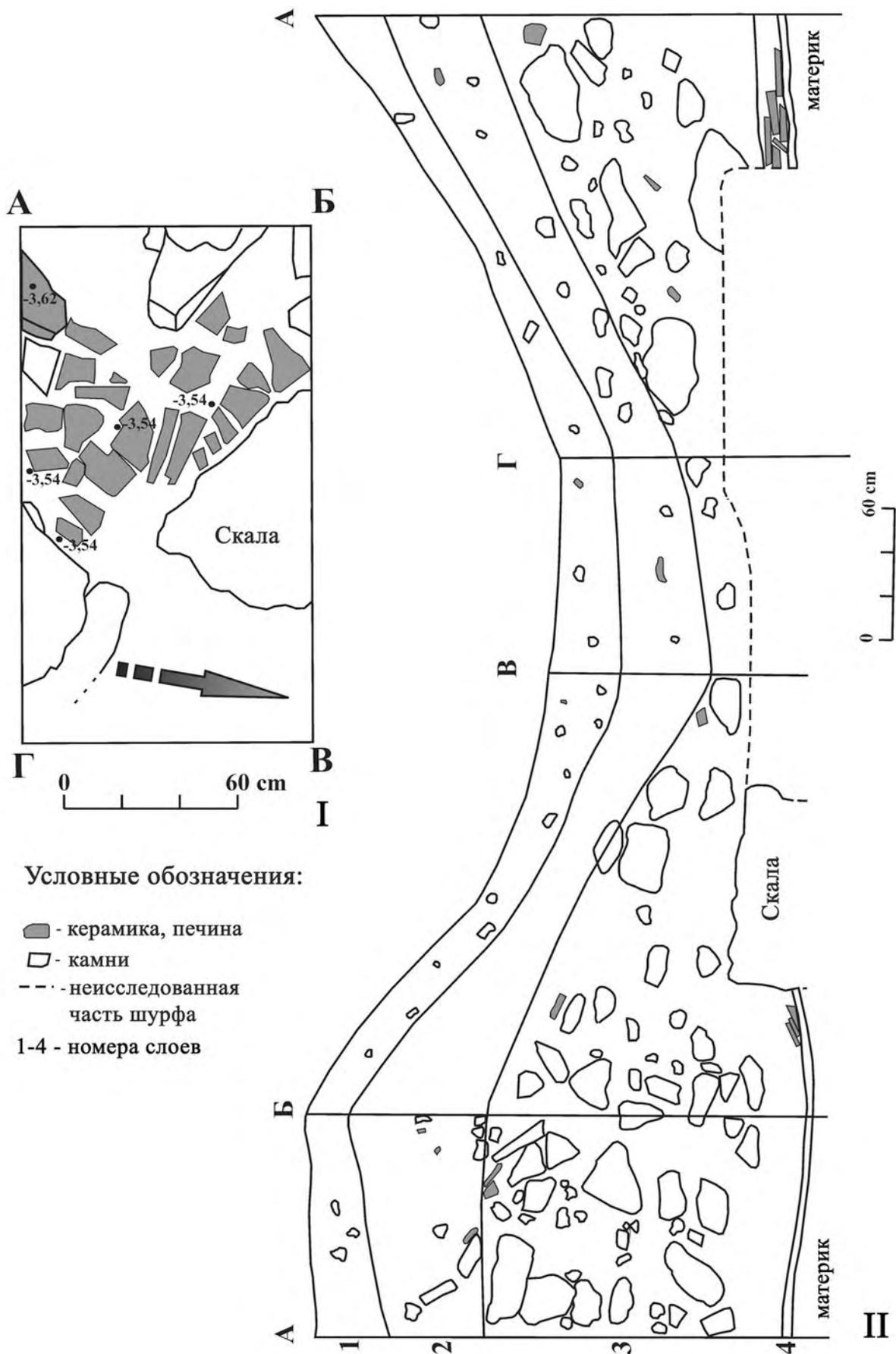

Рис. 9. Мыс Сотера. Шурф № 1. План, стратиграфия.

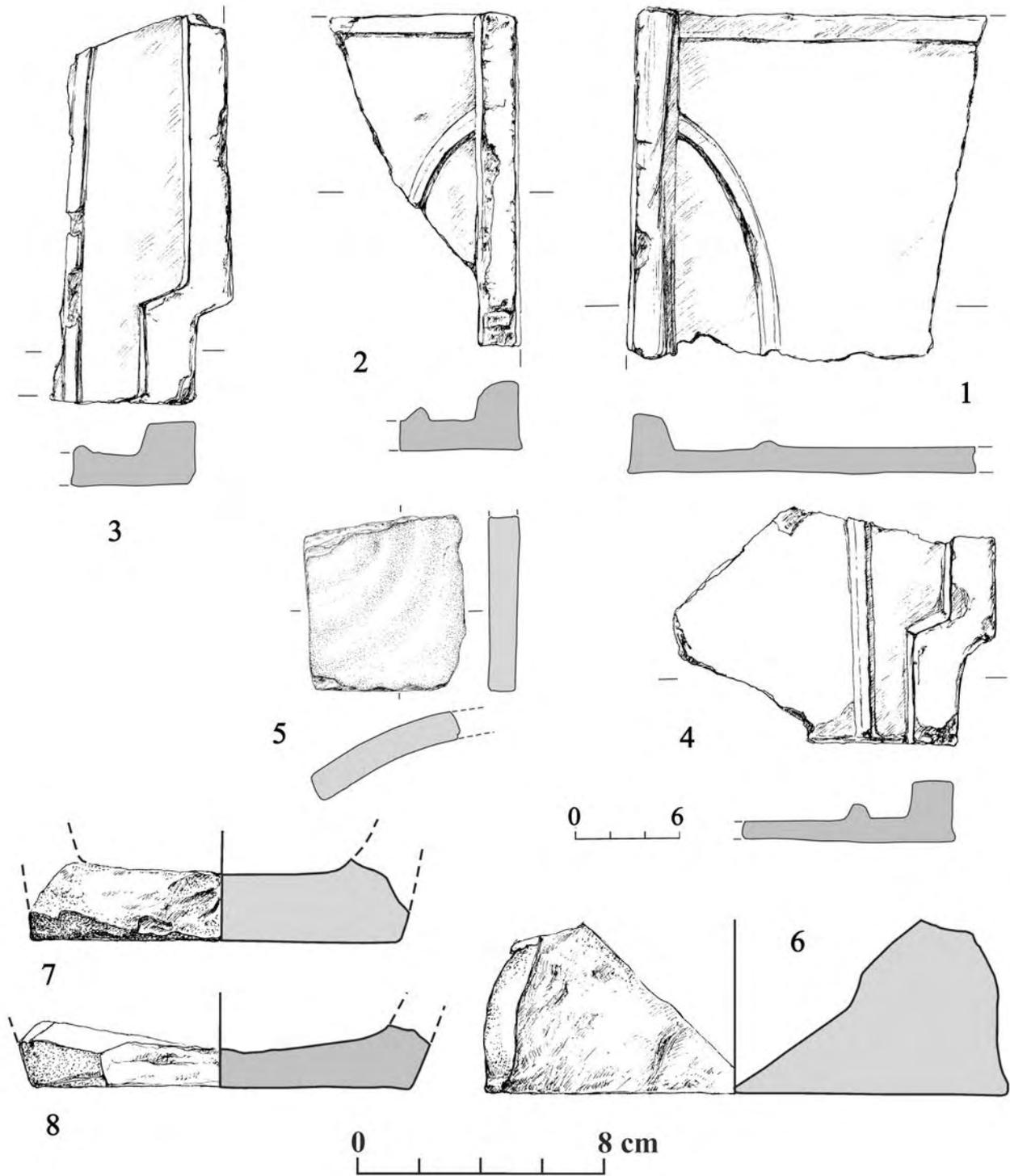

Рис. 10. Мыс Сотера. Шурф № 1, слой № 3. Фрагменты черепицы (1-5), красноглиняных гончарных сосудов (7, 8) и подставки под амфору (6).

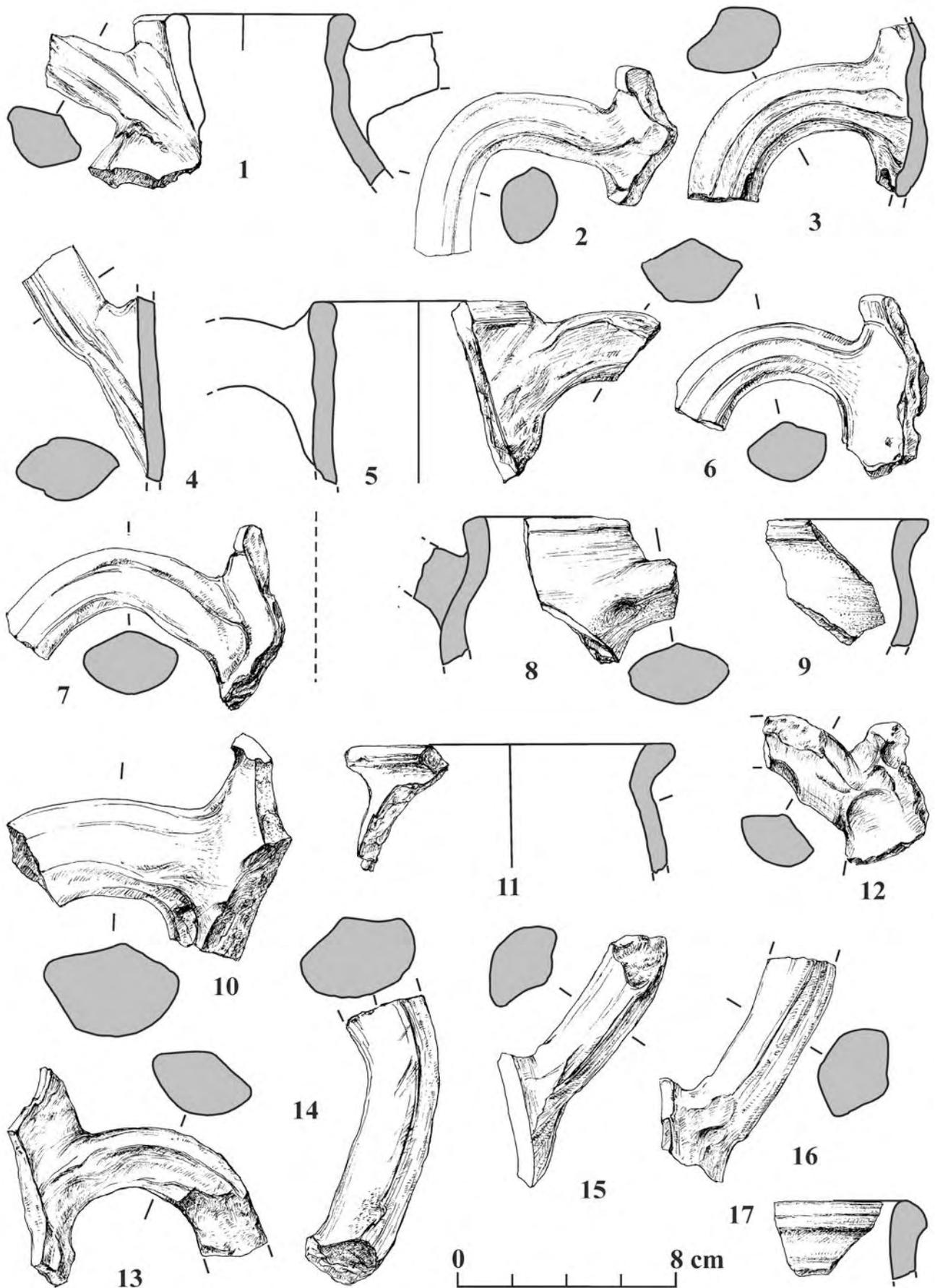

Рис. 11. Мыс Сотера. Шурф № 1. Фрагменты амфор: 1-4 – слой № 2; 5-17 – слой № 3.

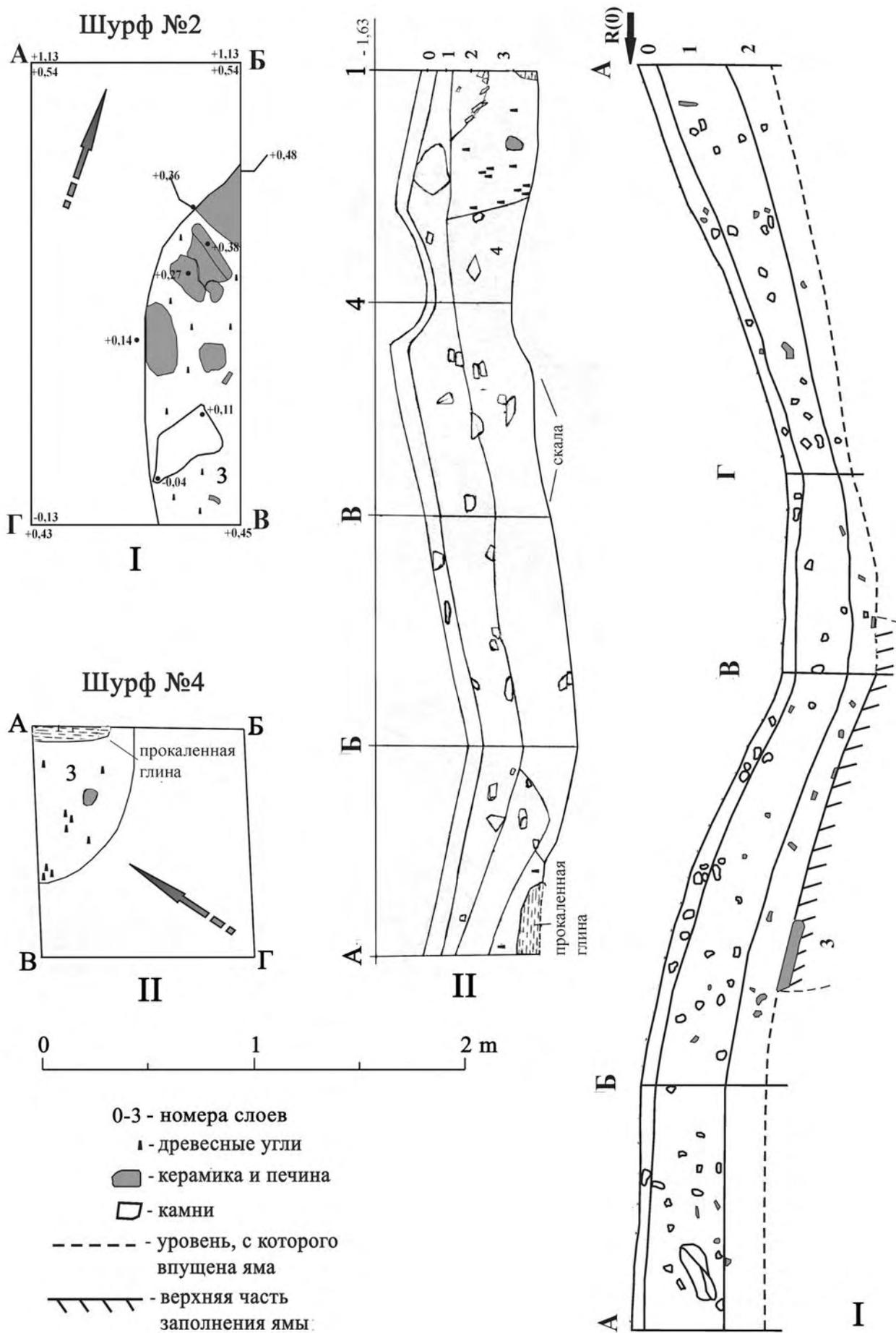

Рис. 12. Мыс Сотера. Шурфы №№ 2 и 4. План, стратиграфия.

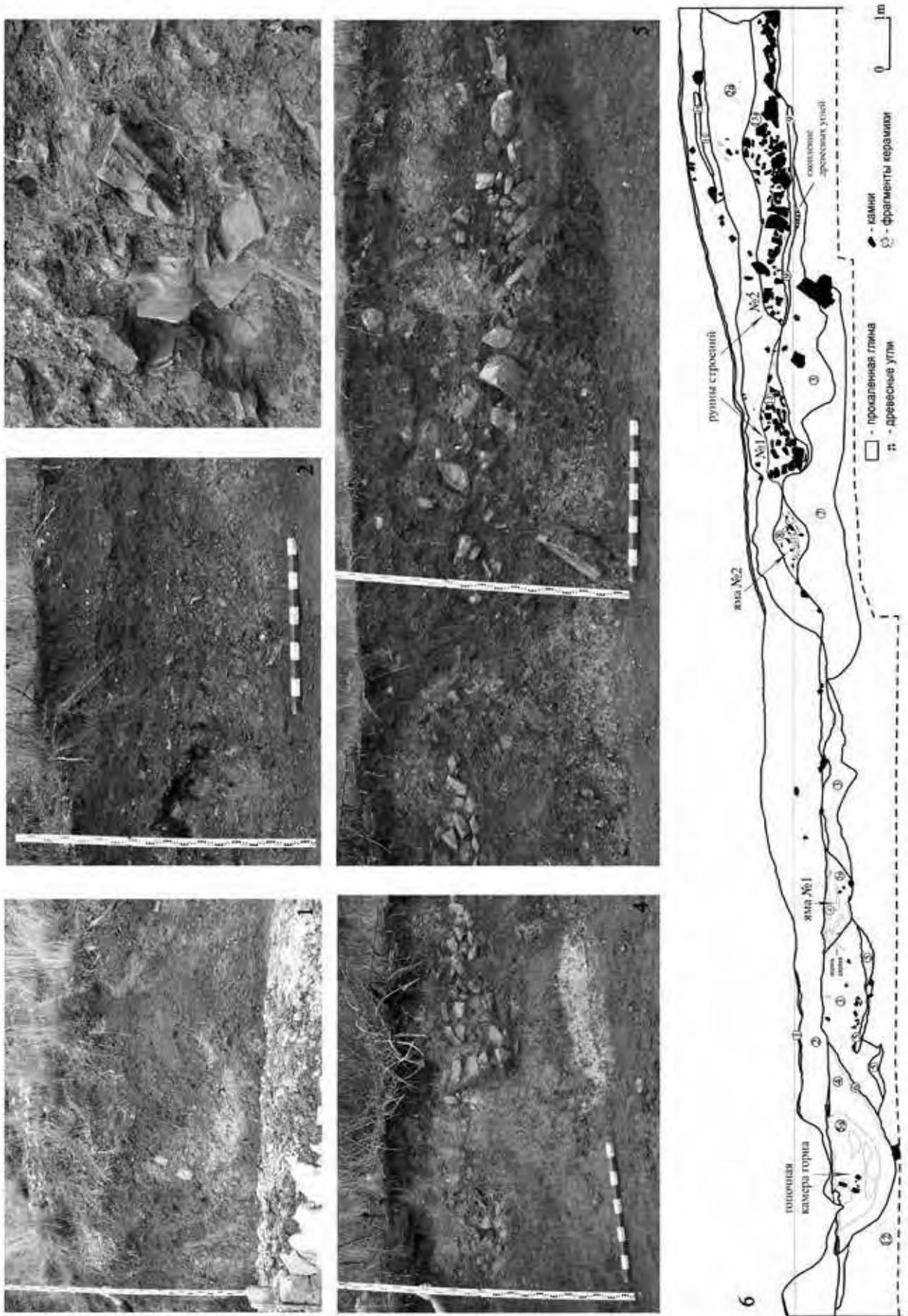
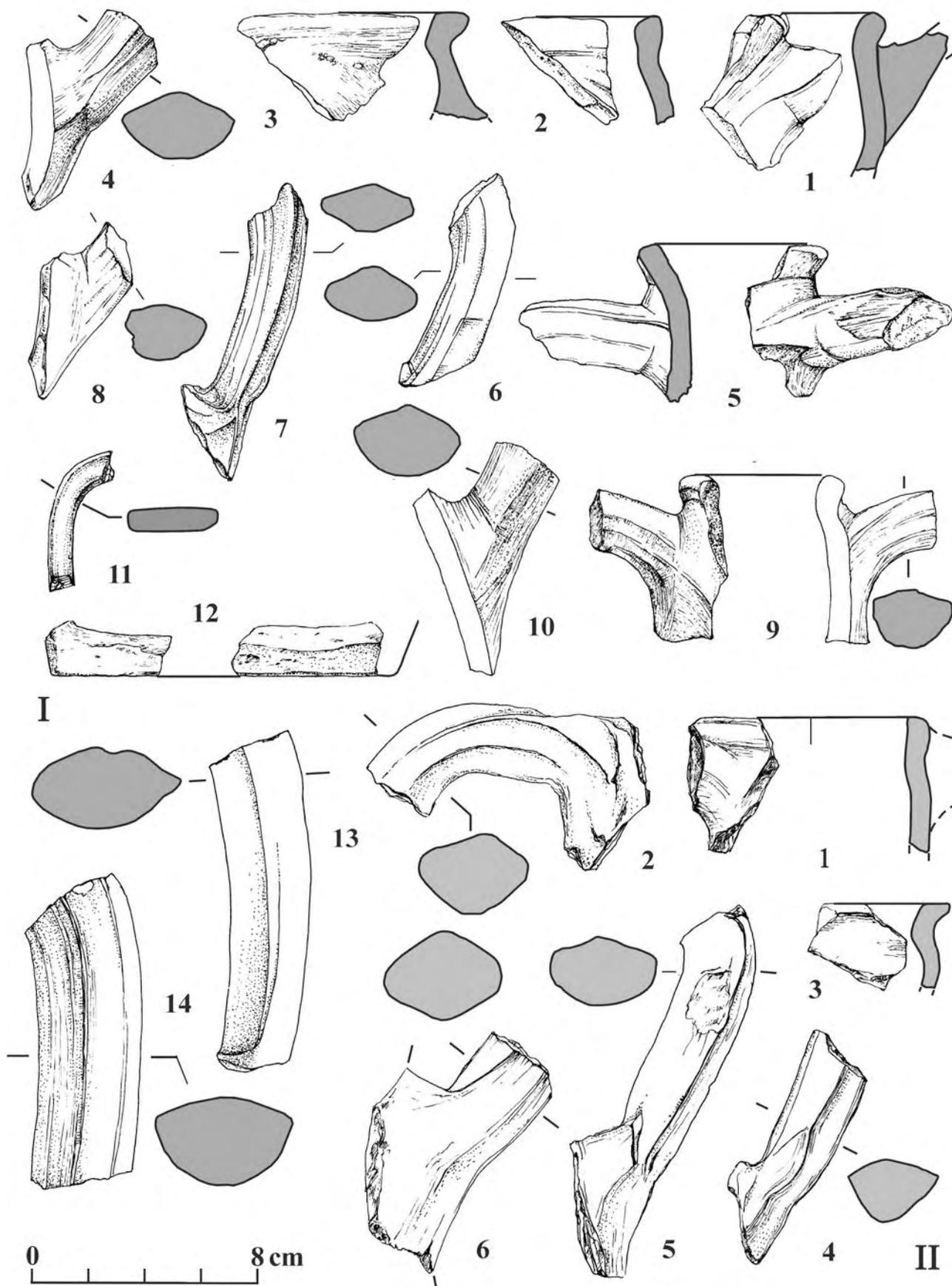
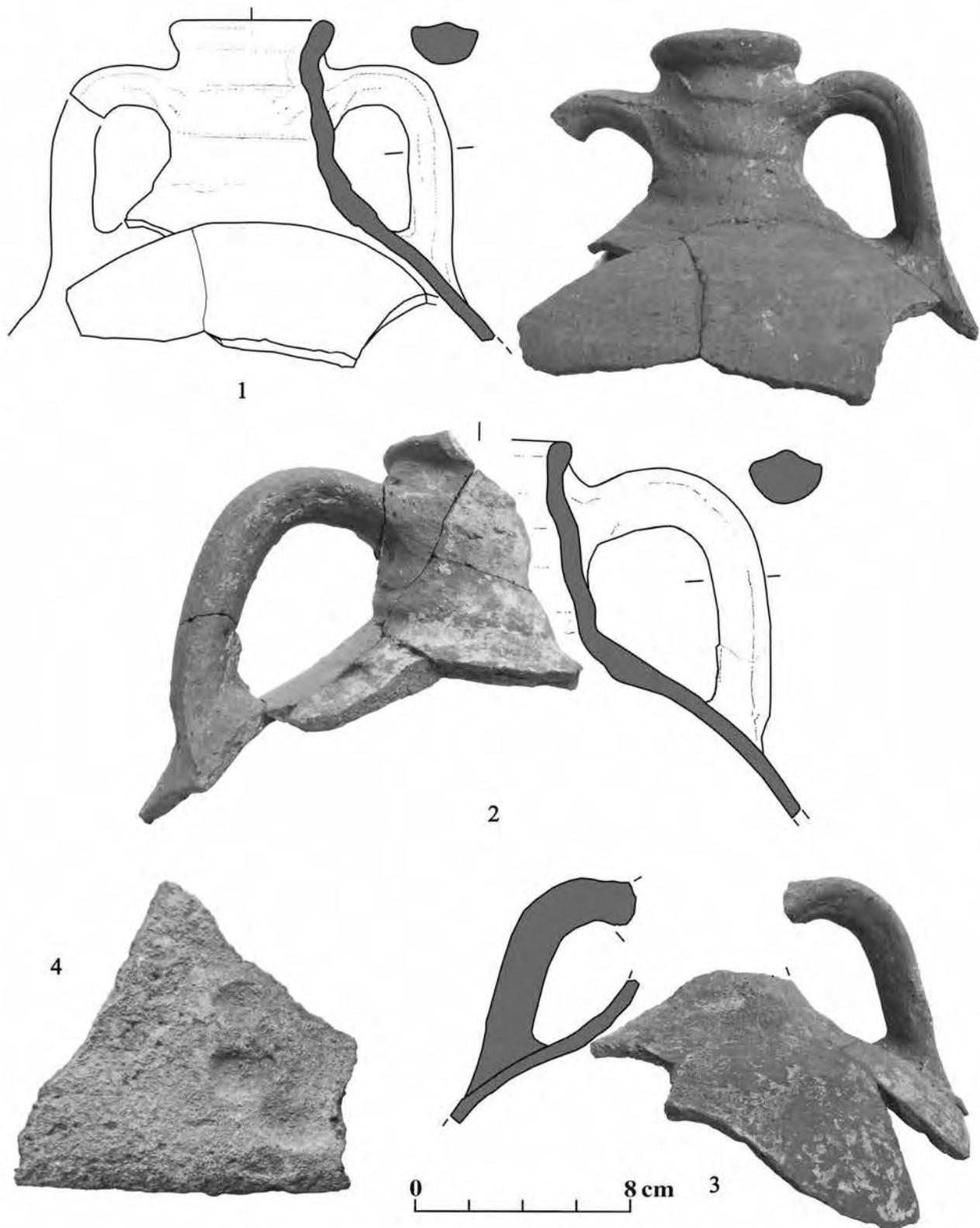

Рис. 13. Мыс Сотера. Бровка строительного котлована (Б-3), стратиграфия.

Рис. 14. Мыс Сотера. Фрагменты амфор причерноморского типа и других керамических сосудов. I – бровка строительного котлована (Б-3), зачистка: 1, 3, 8 – заполнение горна; 2, 5-7 – яма с керамическим браком; 11 – строение № 1; 9, 10, 12, 14 – строение № 2. II – шурф № 2, заполнение ямы.

Рис. 15. Бровка строительного котлована (Б-3), зачистка ямы с керамическим браком. Фрагменты амфор причерноморского типа и керамиды с отпечатком лапы представителя семейства псовых.

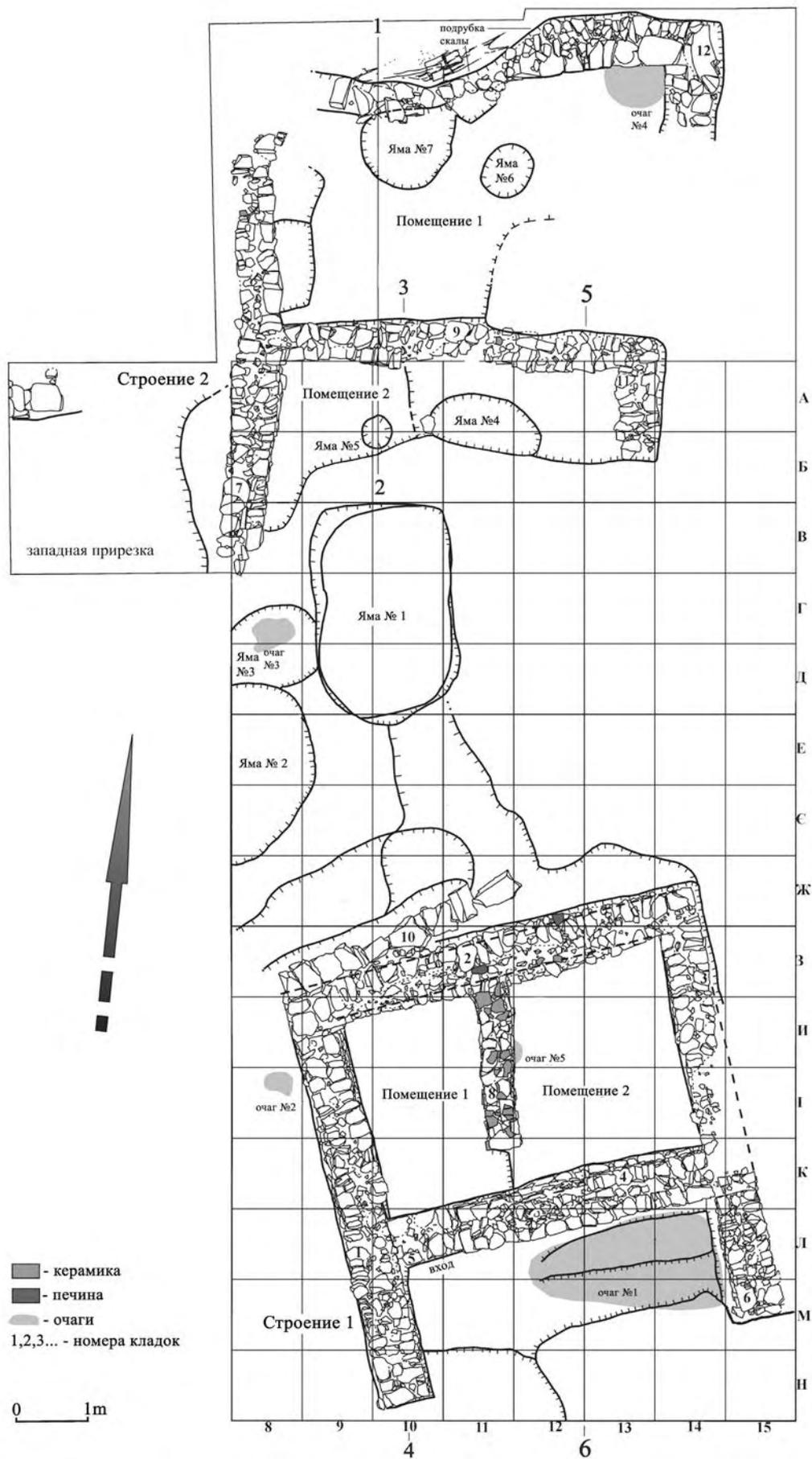

Рис. 16. Мыс Сотера. Раскоп I. Общий план.

Рис. 17. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 1: 1 – вид с юга; 2 – вид с северо-востока.

Рис. 18. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 1: 1 – помещения 1 и 2, вид с востока; 2 – юго-восточный угол помещения 2, вид с севера.

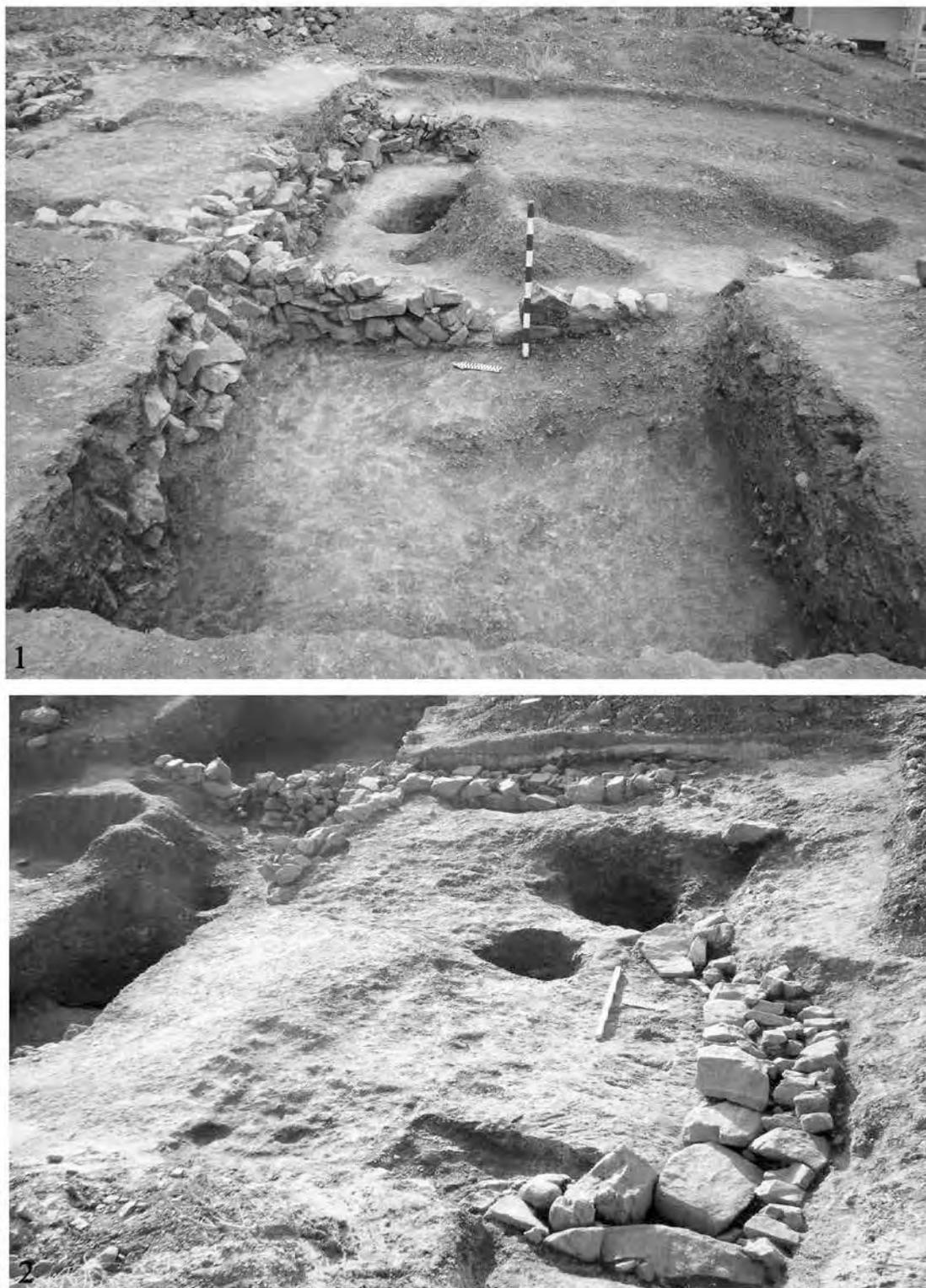
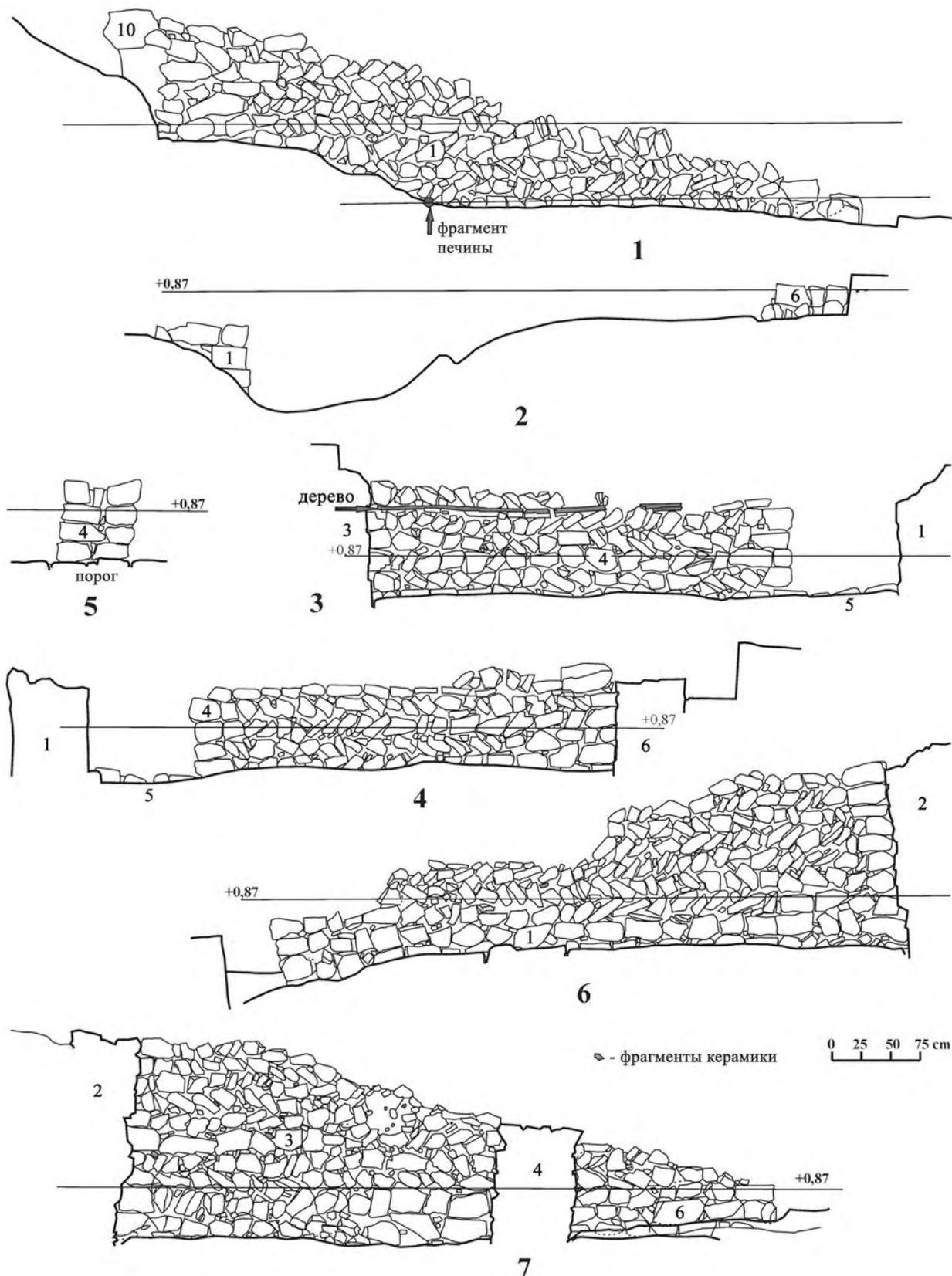
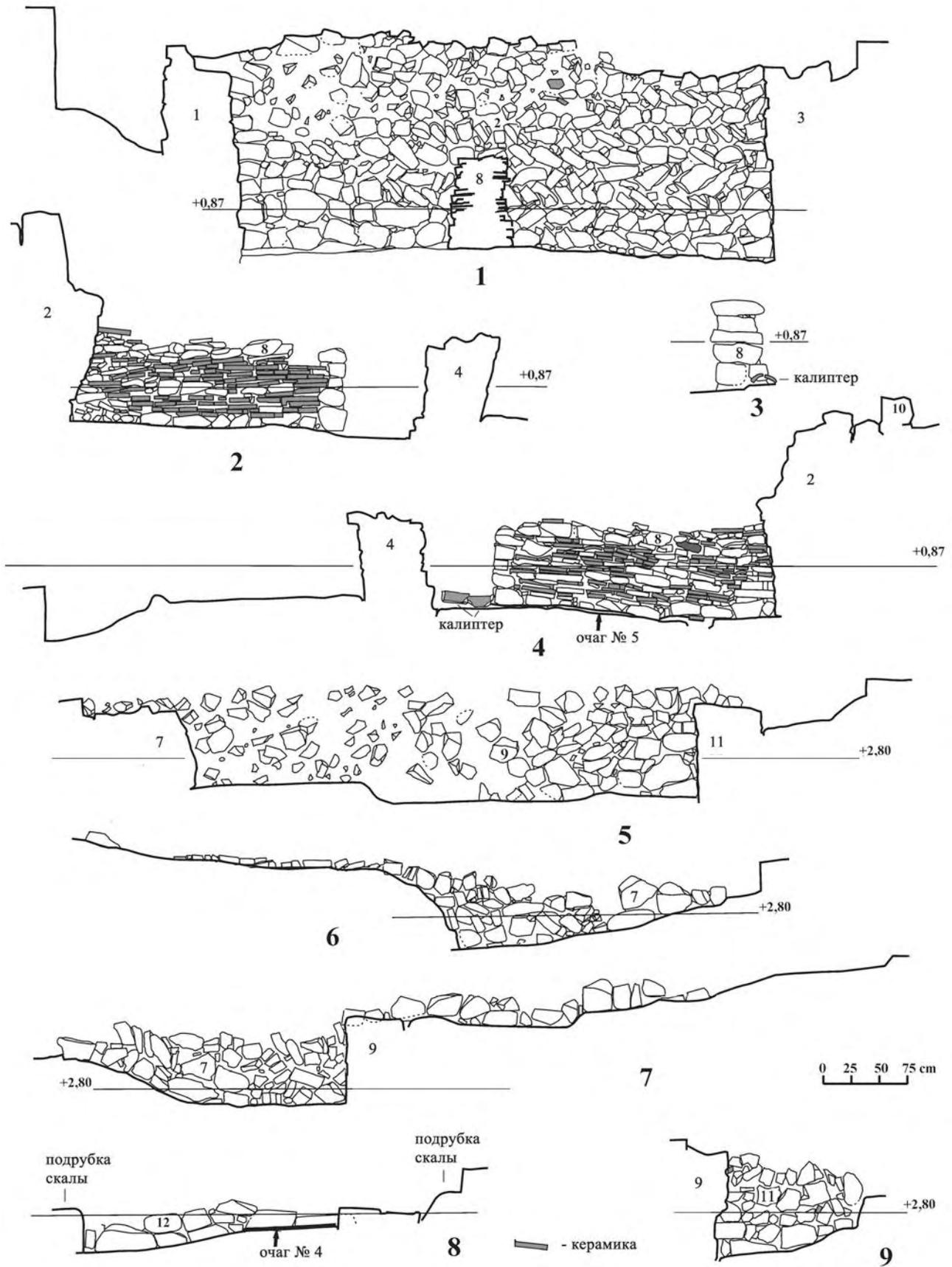

Рис. 19. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 2, ямы №№ 1-5: 1 – вид с запада; 2 – вид с северо-востока.

Рис. 20. Мыс Сотера. Раскоп I. Виды и разрезы строения № 1: 1 – западная стена, вид с запада; 2 – пилоны, вид с юга; 3 – передняя стена, вид с севера; 4 – то же, вид с юга; 5 – откос входа в здание, вид с запада; 6 – западная стена, вид с востока; 7 – восточная стена, вид с запада.

Рис. 21. Мыс Сотера. Раскоп I. Виды и разрезы строений №№ 1 и 2: 1 – строение № 1, тыльная стена, вид с юга; 2-4 – строение № 1, перегородка-контрфорс, виды с запада, юга и востока; 5 – строение № 2, передняя стена, вид с юга; 6 – западная стена, вид с запада; 7 – то же, вид с востока; 8 – фрагмент тыльной стены, вид с юга; 9 – восточная стена полуподвала, вид с запада.

Рис. 22. Мыс Сотера. Раскол I. Стратиграфические разрезы.

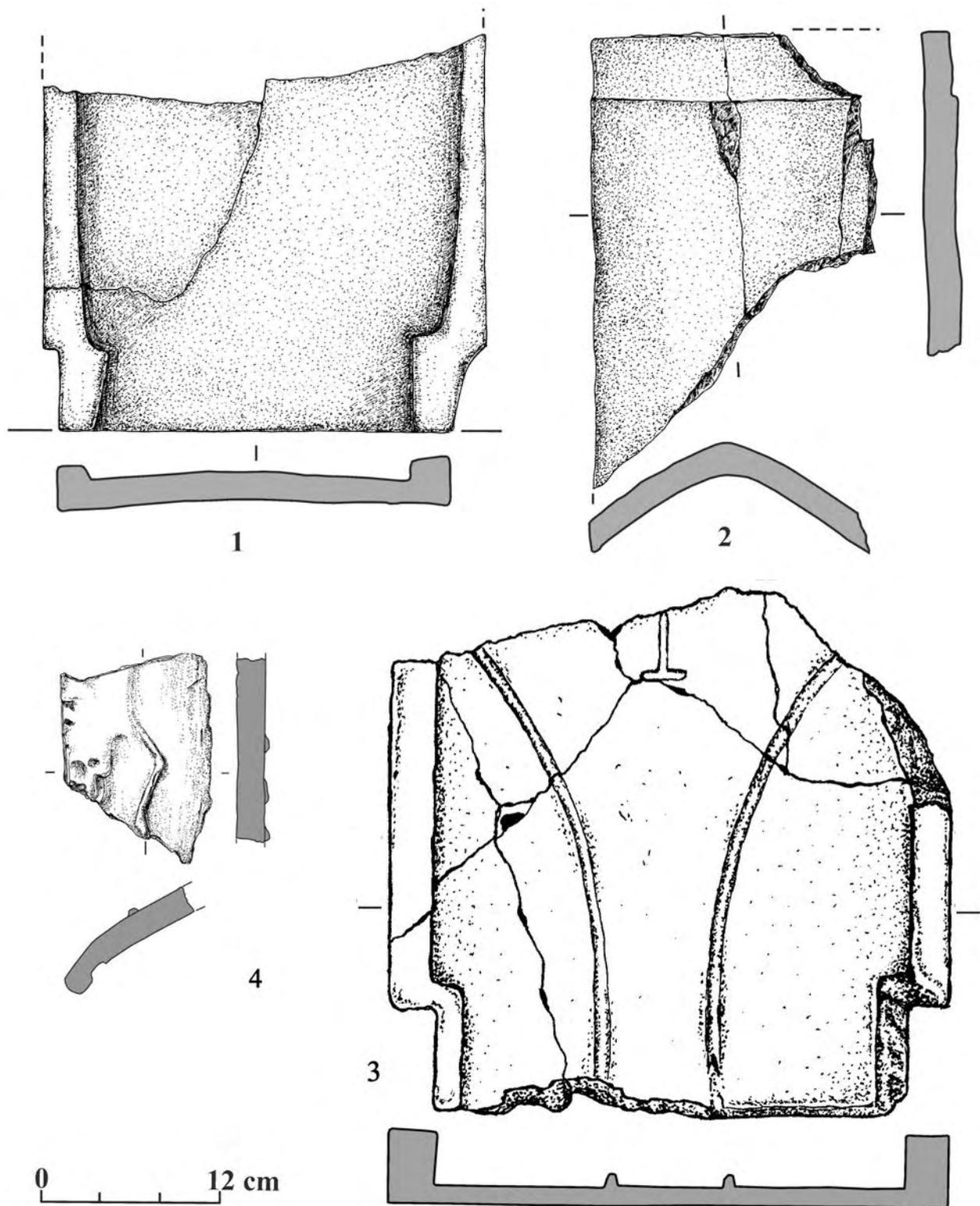

Рис. 23. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 1, слой разрушения (№ 3). Фрагменты черепицы.

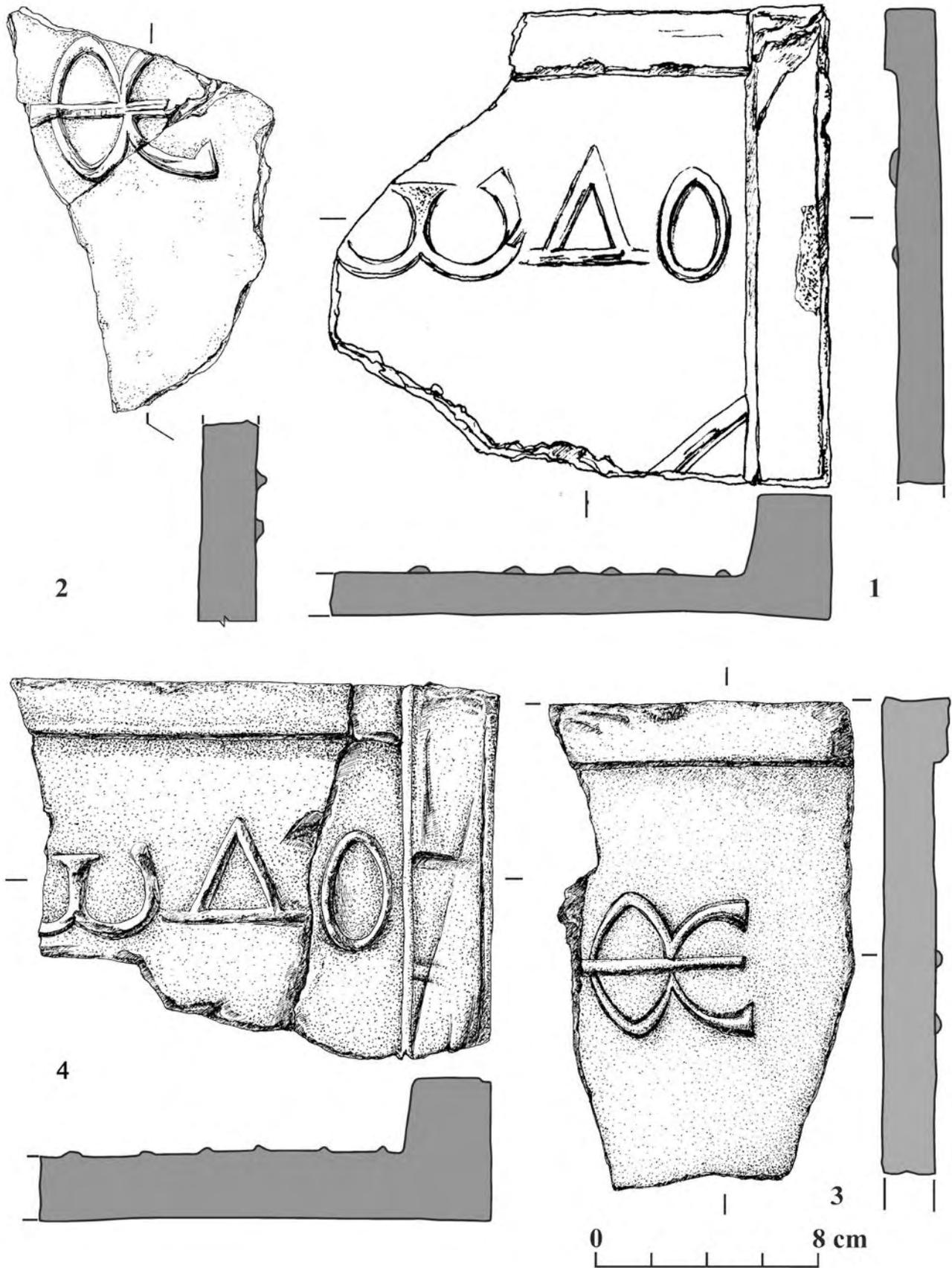
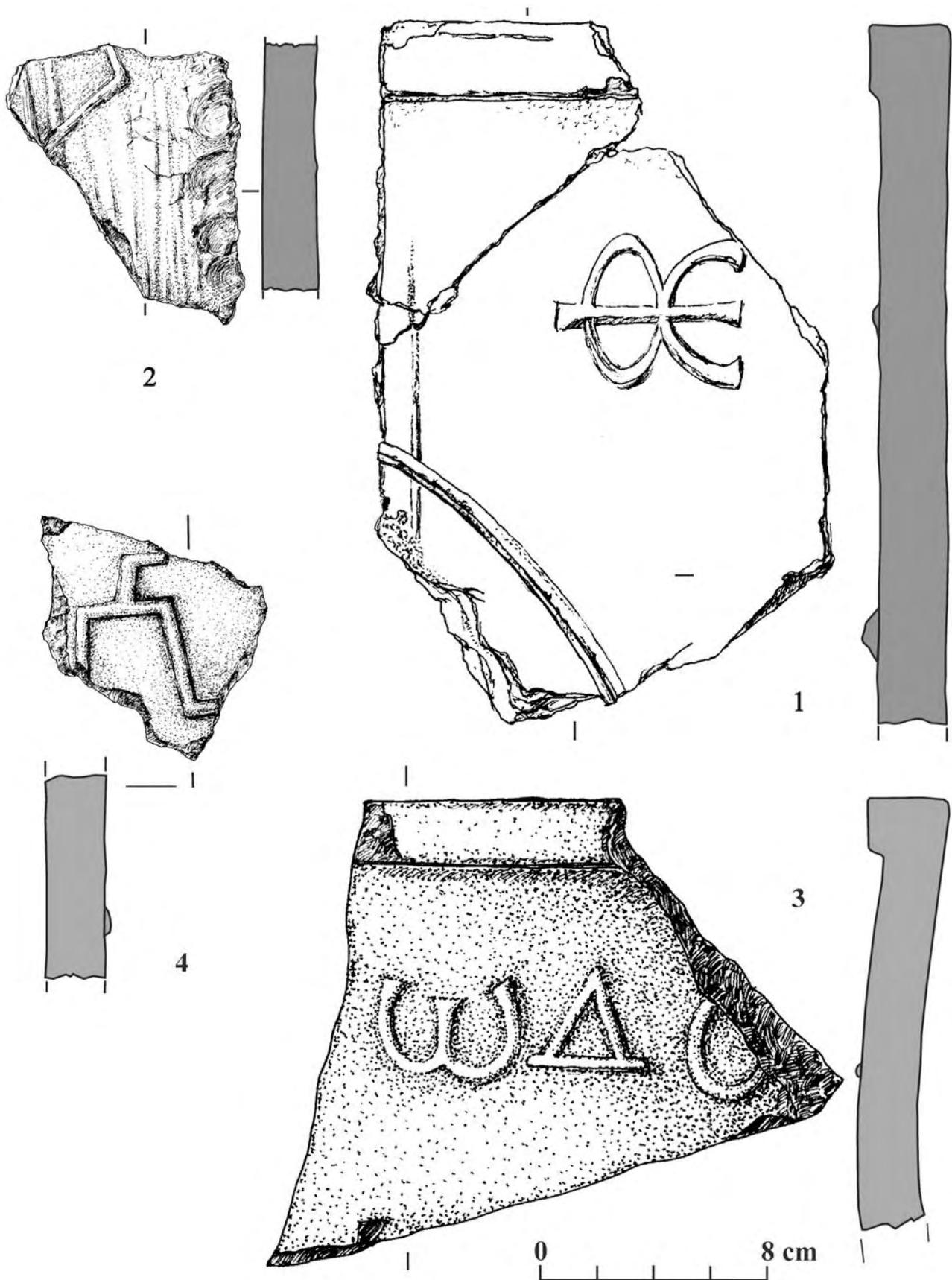

Рис. 24. Мыс Сотера. Раскоп I. Фрагменты черепицы: 1, 3, 4 – строение № 1, слой разрушения (№ 3); 2 – яма № 1, заполнение.

Рис. 25. Мыс Сотера. Раскоп I. Фрагменты черепицы: 1 – строение № 1, кладка перегородки-контрфорса; 2 – строение № 2, слой разрушения (№ 3); 3, 4 – строение № 1, слой разрушения (№ 3).

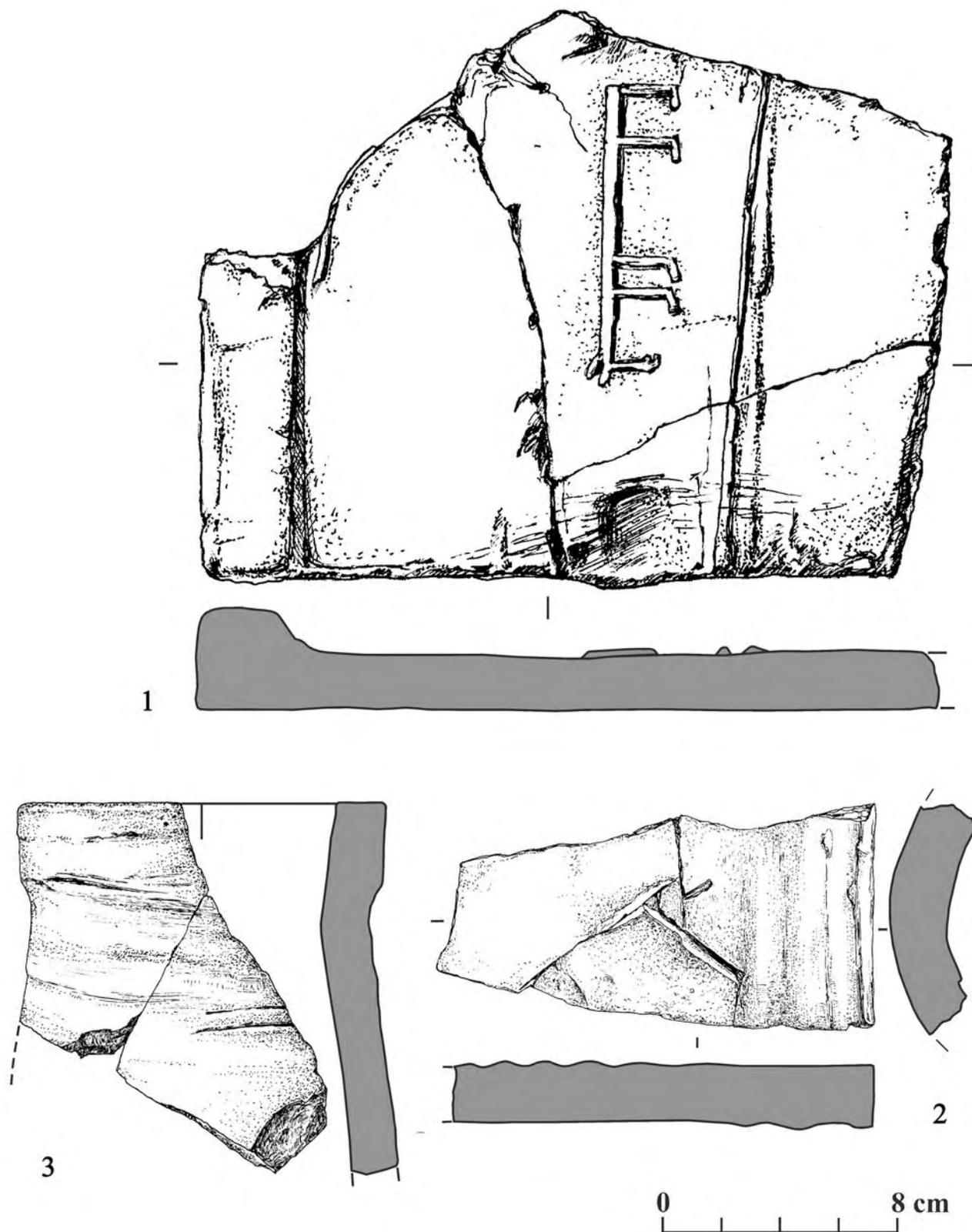

Рис. 26. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 2. Фрагменты черепицы (1) и керамических труб (2, 3): 1 – яма № 7, заполнение (слой № 5б); 2, 3 – слой разрушения (№ 3).

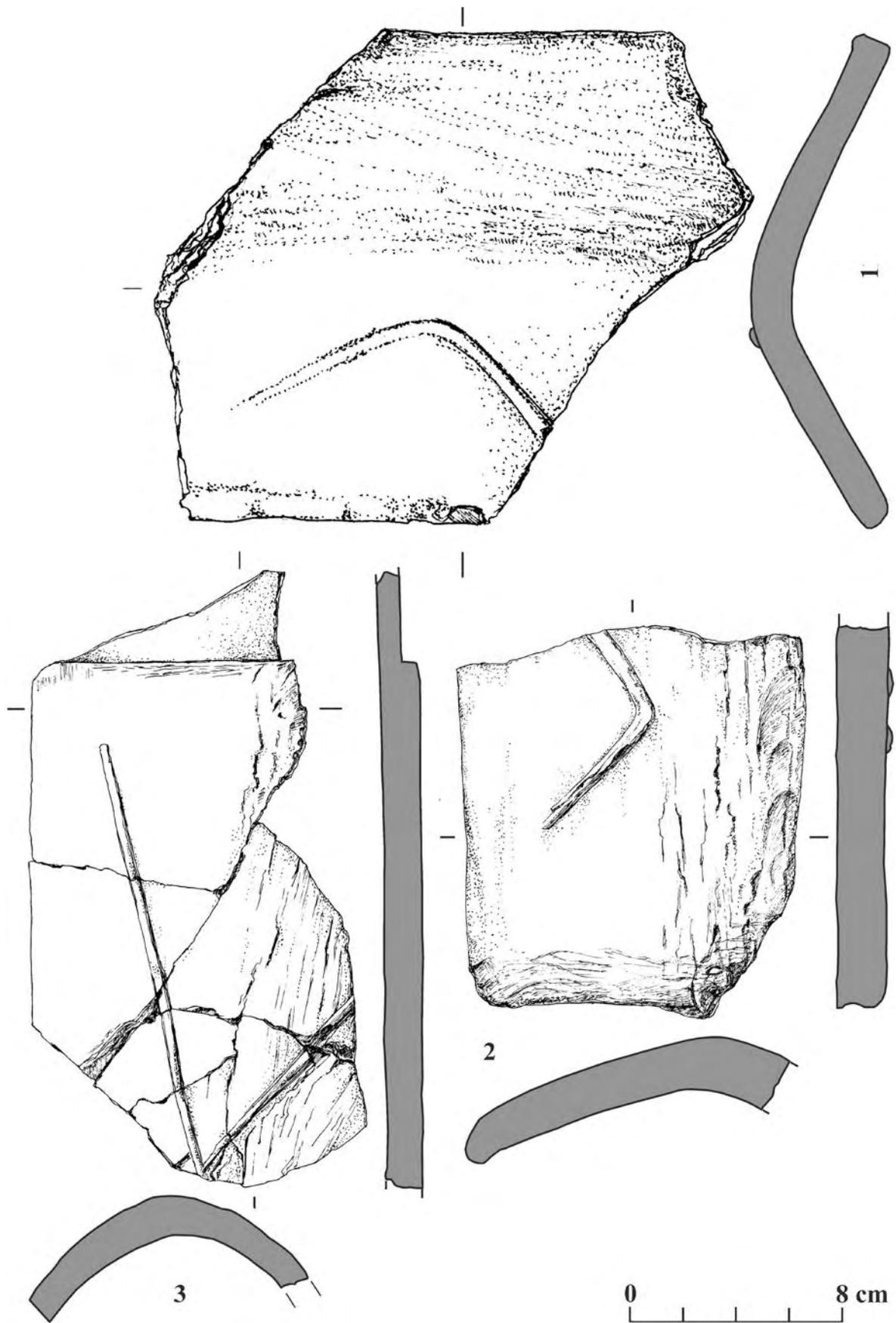
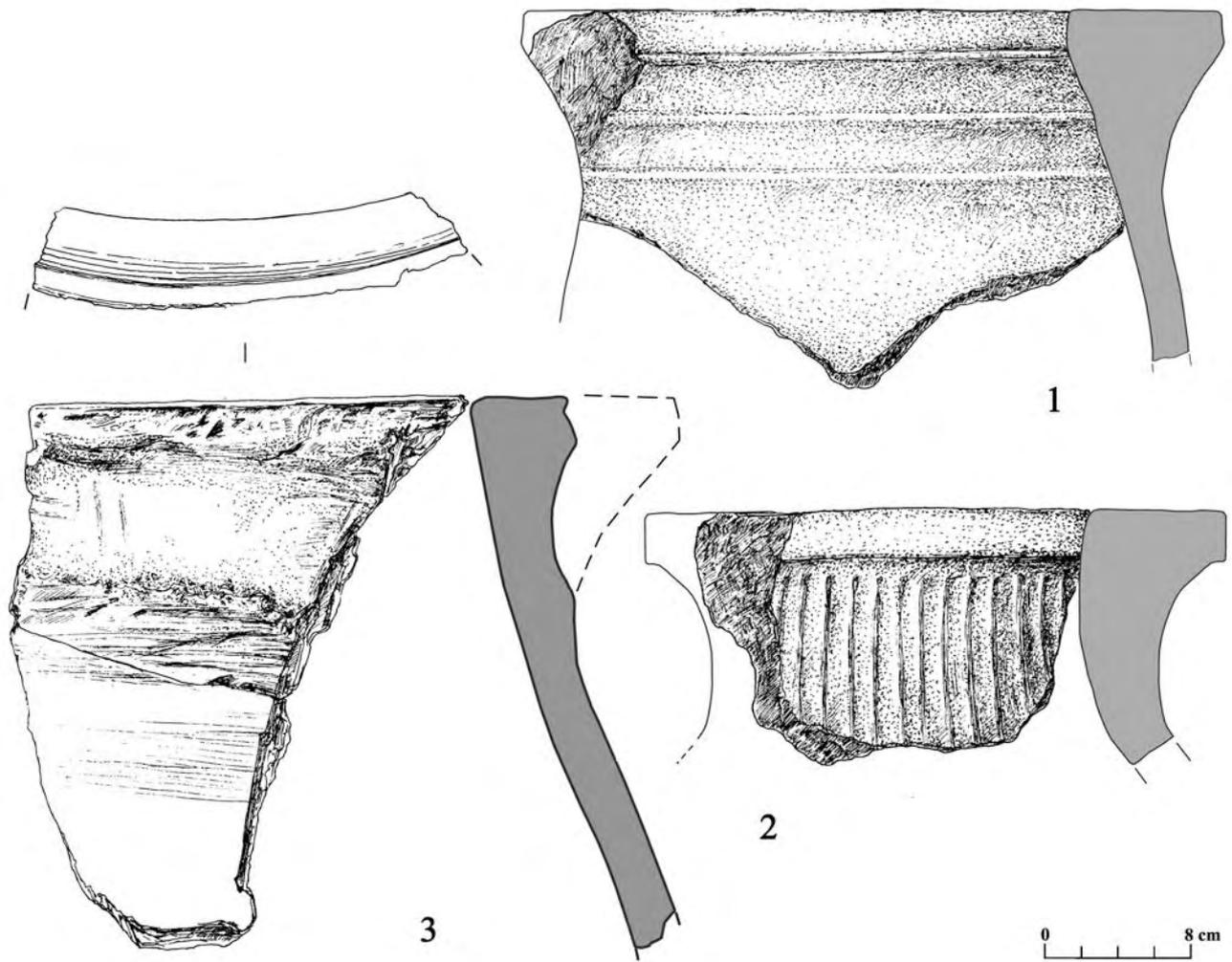

Рис. 27. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 2, слой разрушения (№ 3). Фрагменты черепицы.

Рис. 28. Мыс Сотера. Раскоп I. Фрагменты пифосов: 1, 2 – строение № 1, слой разрушения (№ 3); 3 – строение № 2, яма № 7, заполнение.

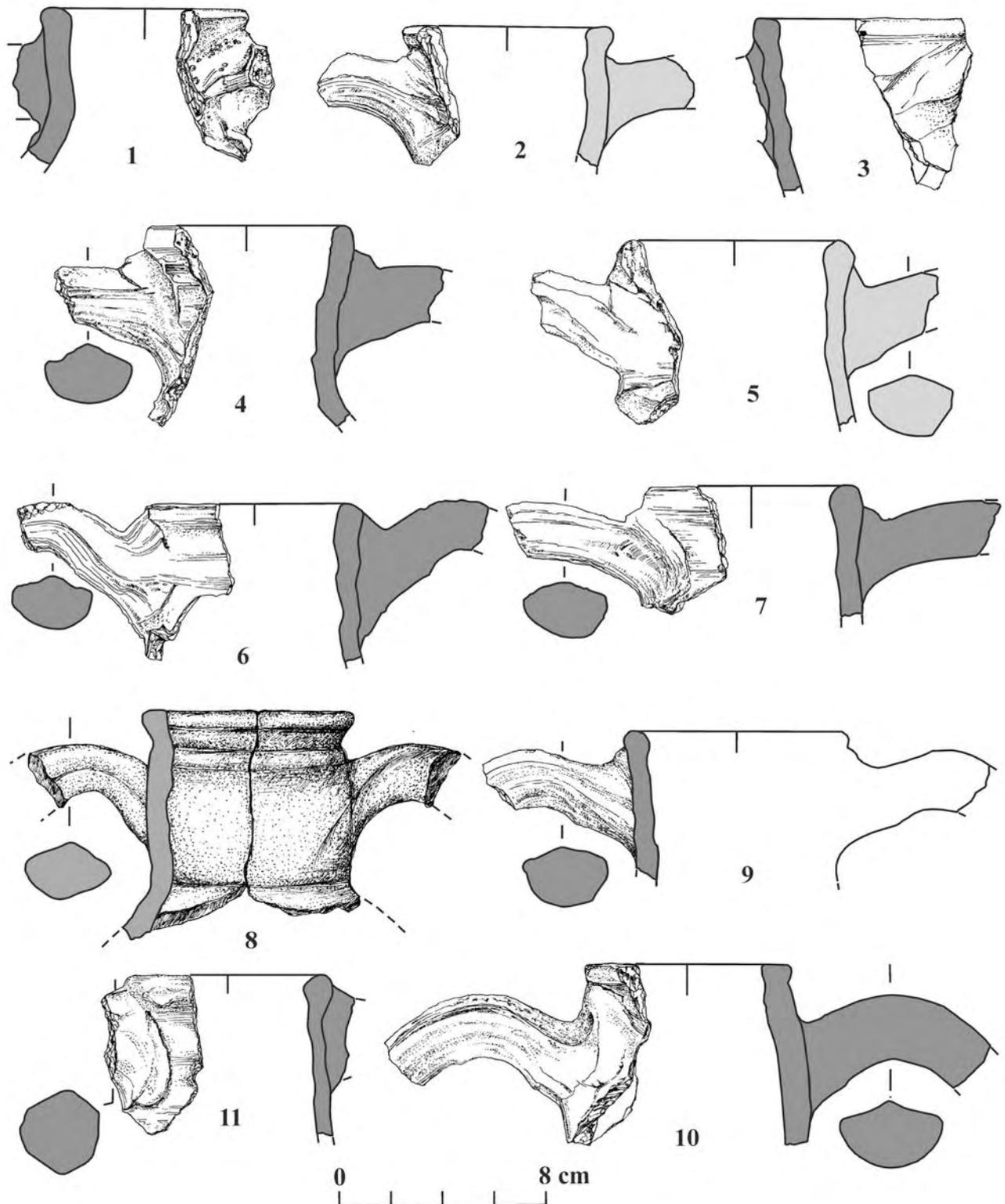

Рис. 29. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 1, слой разрушения (№ 3). Фрагменты амфор.

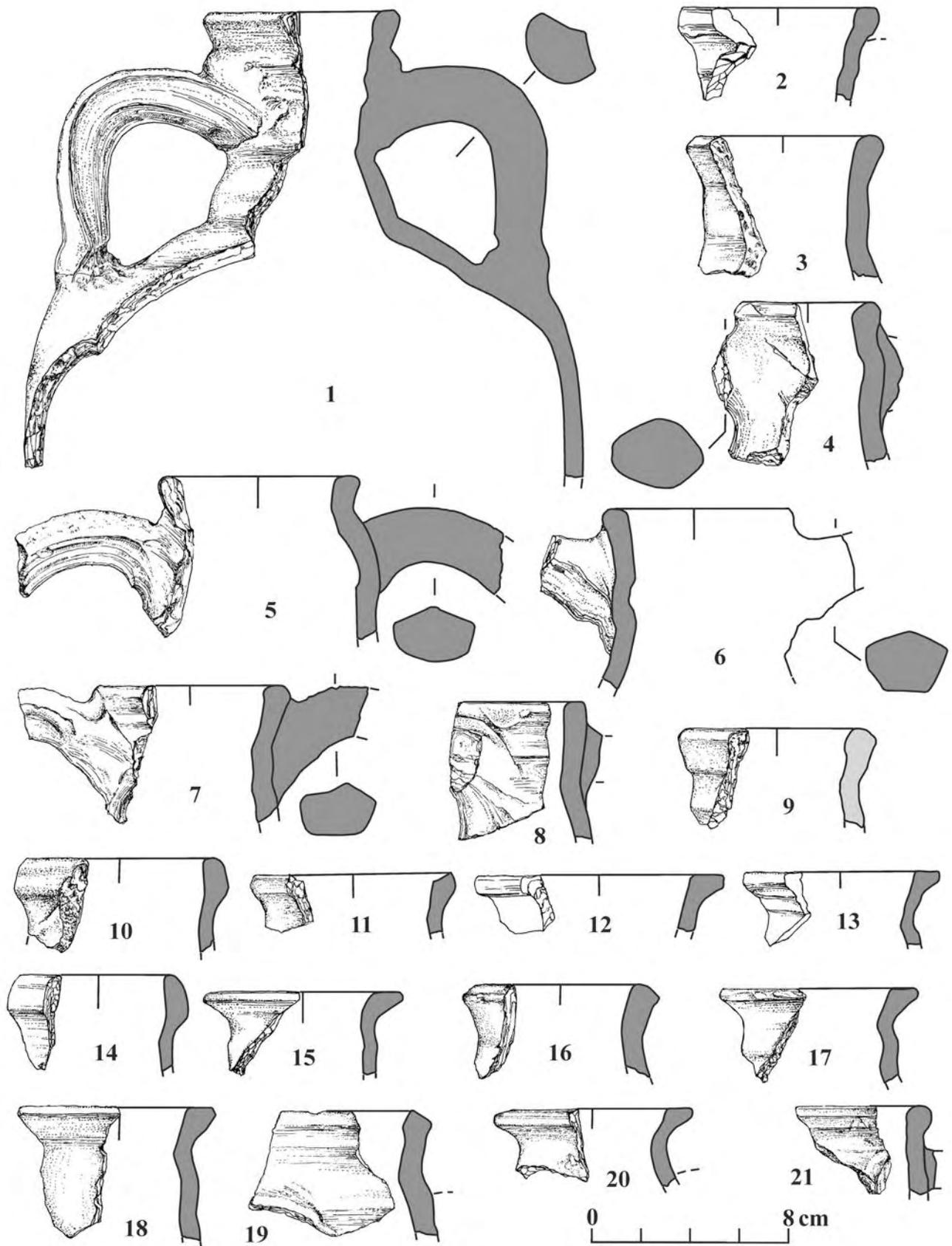

Рис. 30. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 1, слой разрушения (№ 3). Фрагменты амфор.

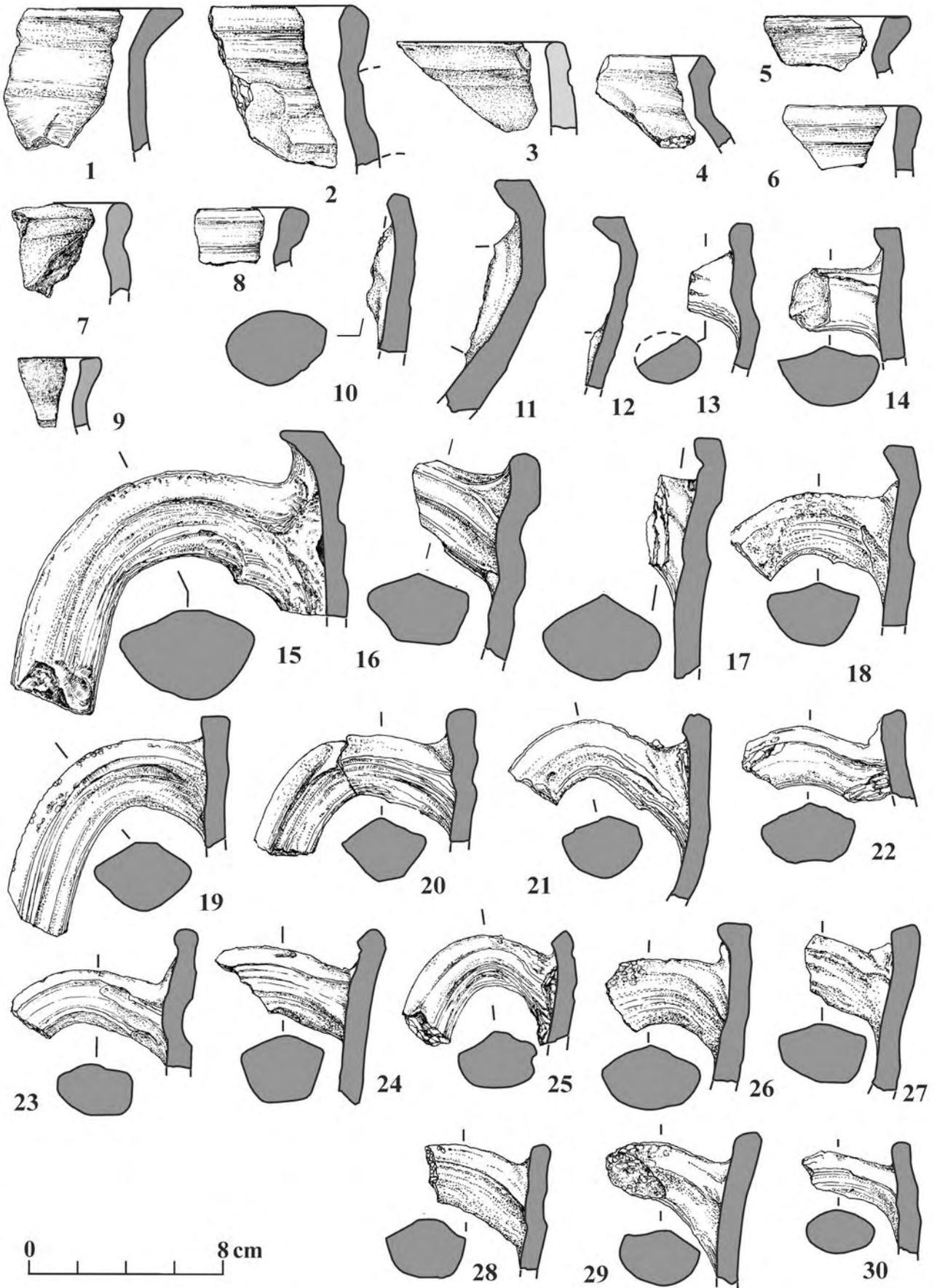

Рис. 31. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 1, слой разрушения (№ 3). Фрагменты амфор.

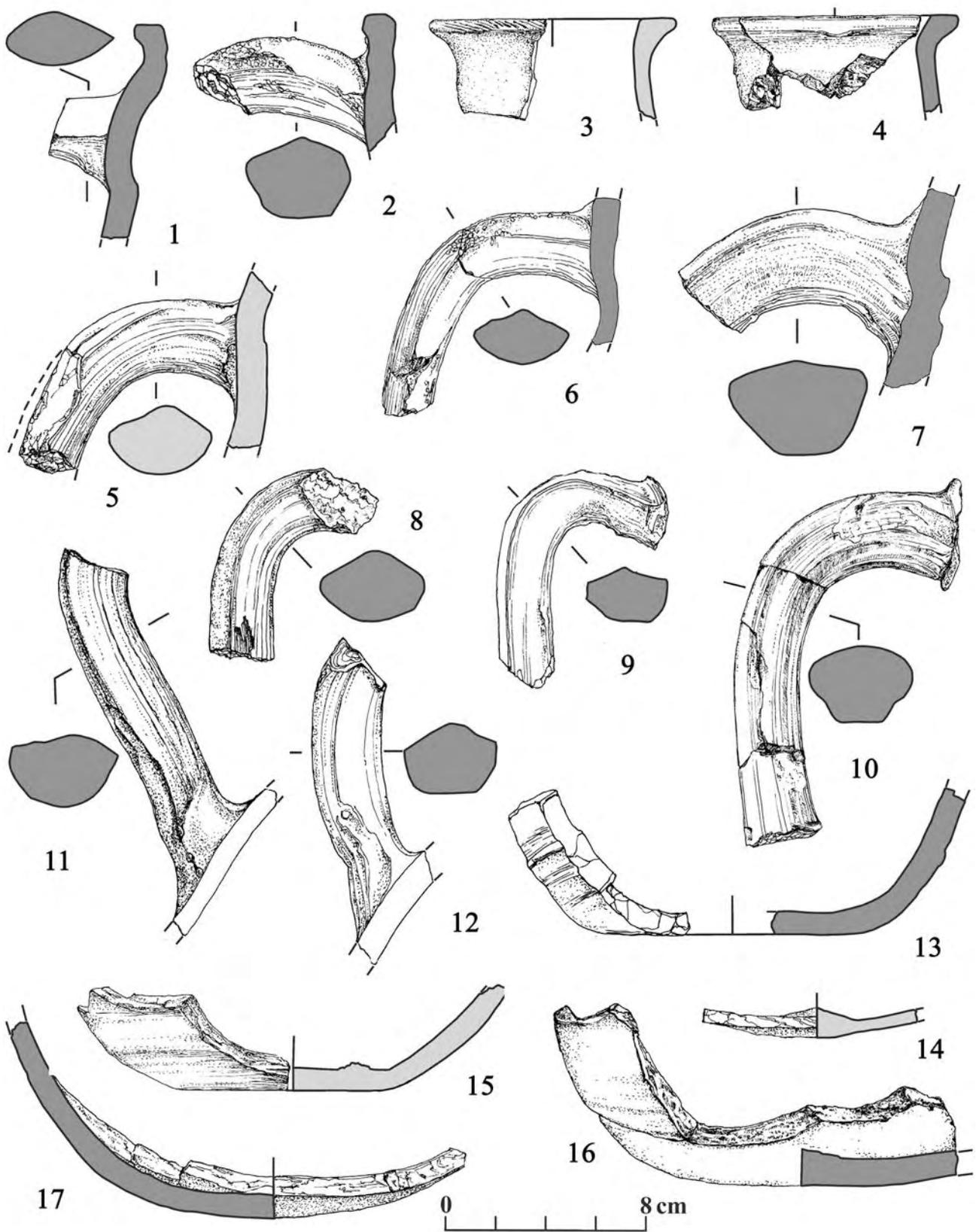

Рис. 32. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 1, слой разрушения (№ 3). Фрагменты амфор.

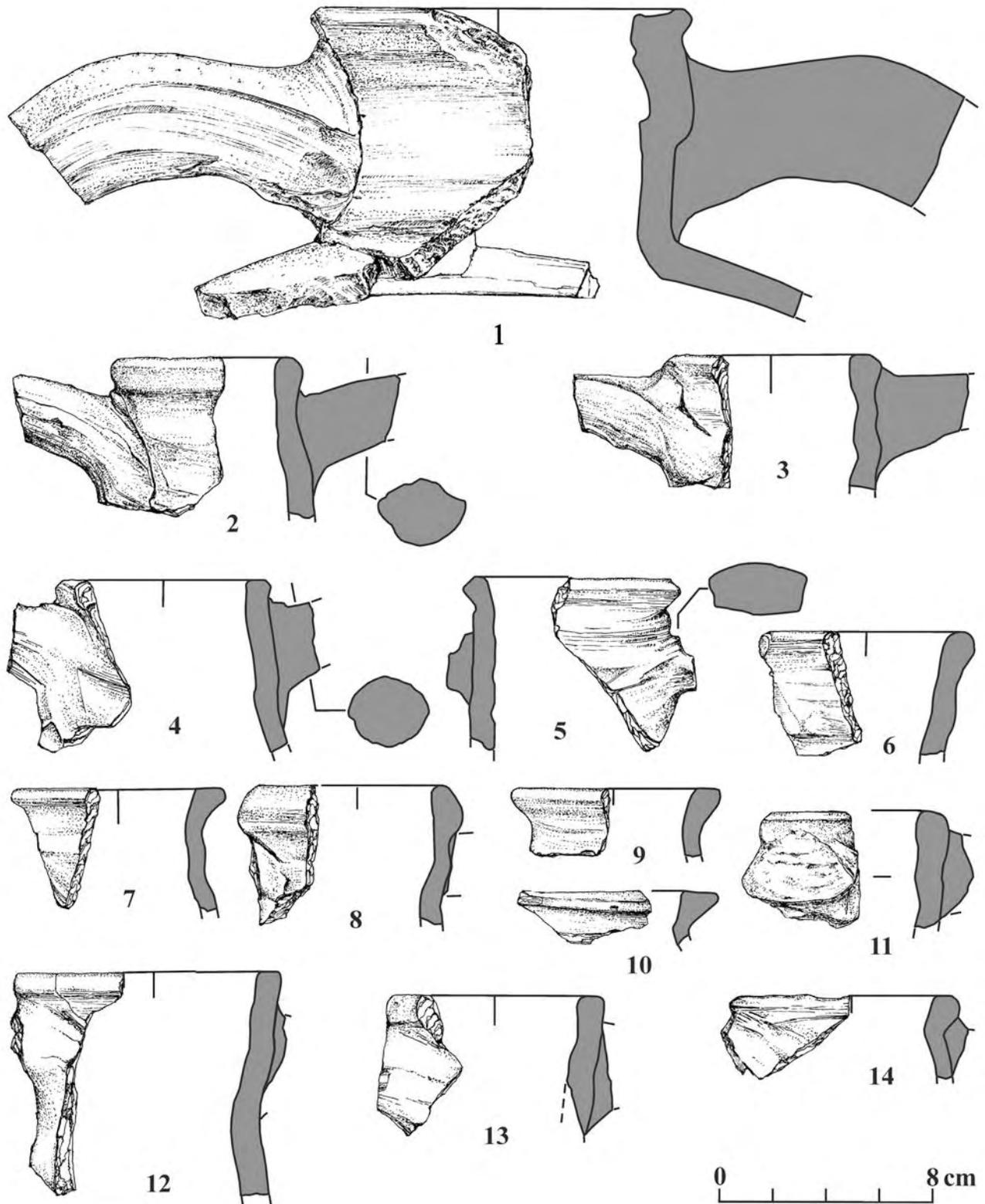

Рис. 33. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 1, слой разрушения (№ 3). Фрагменты амфор.

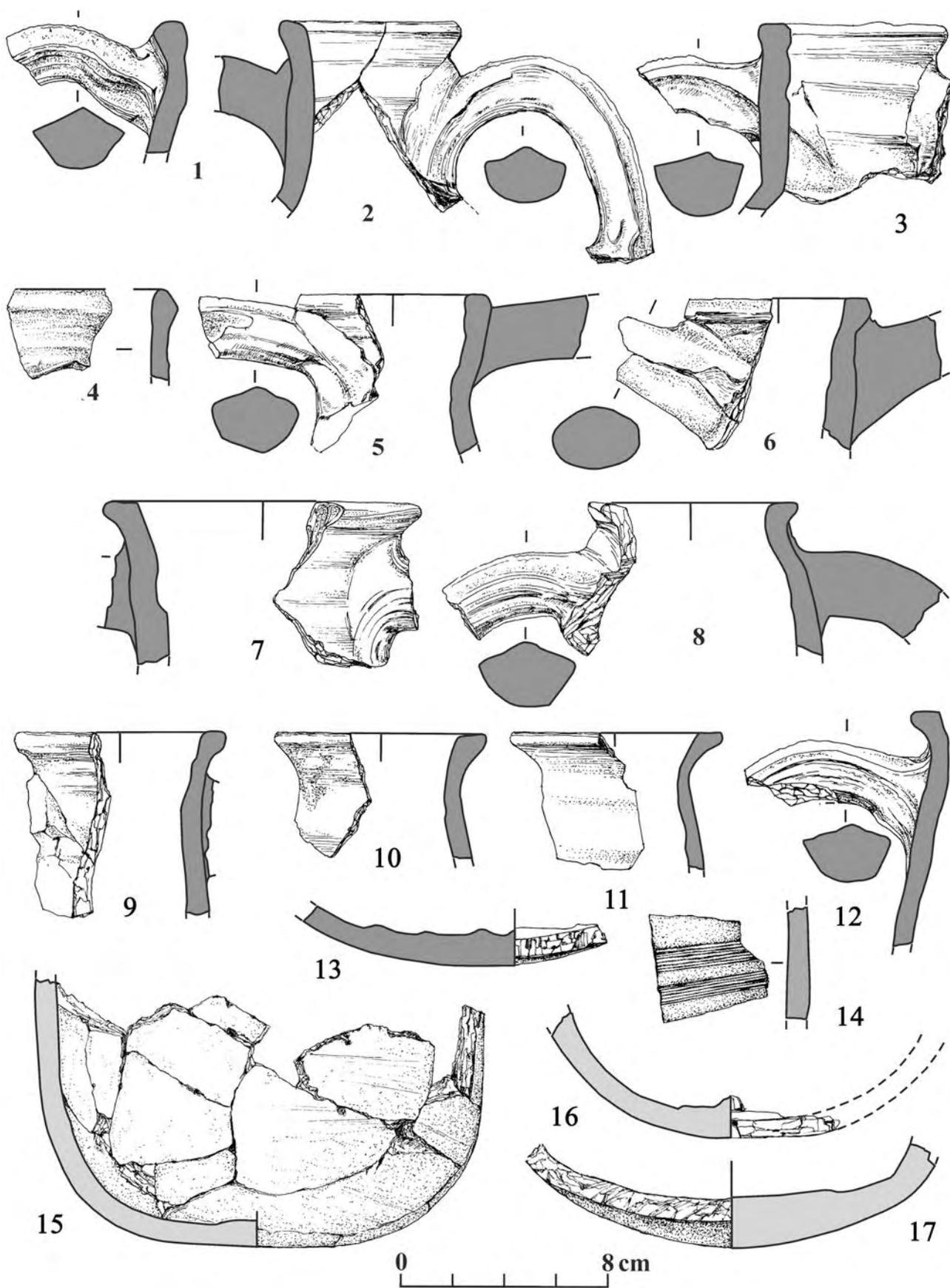
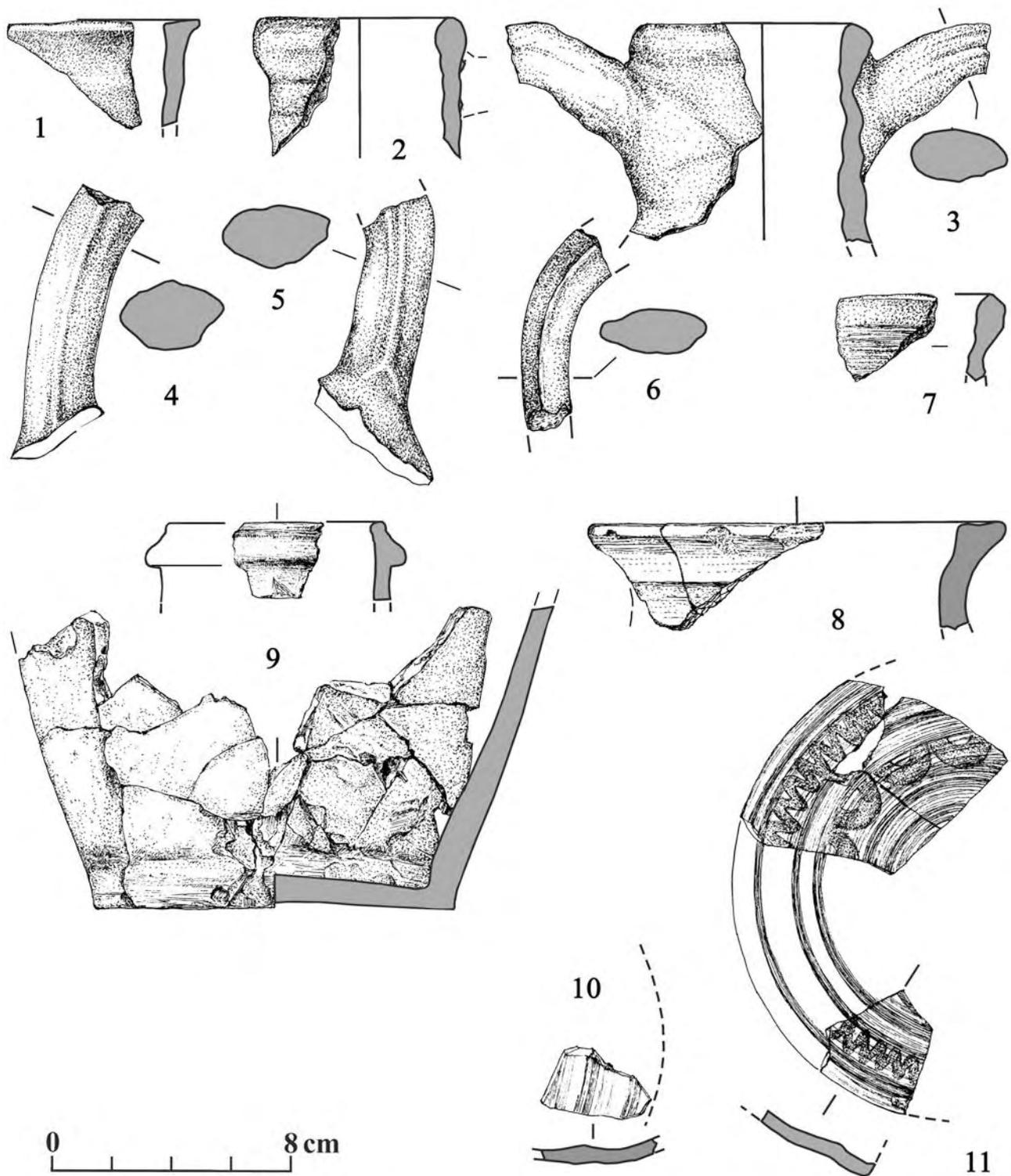
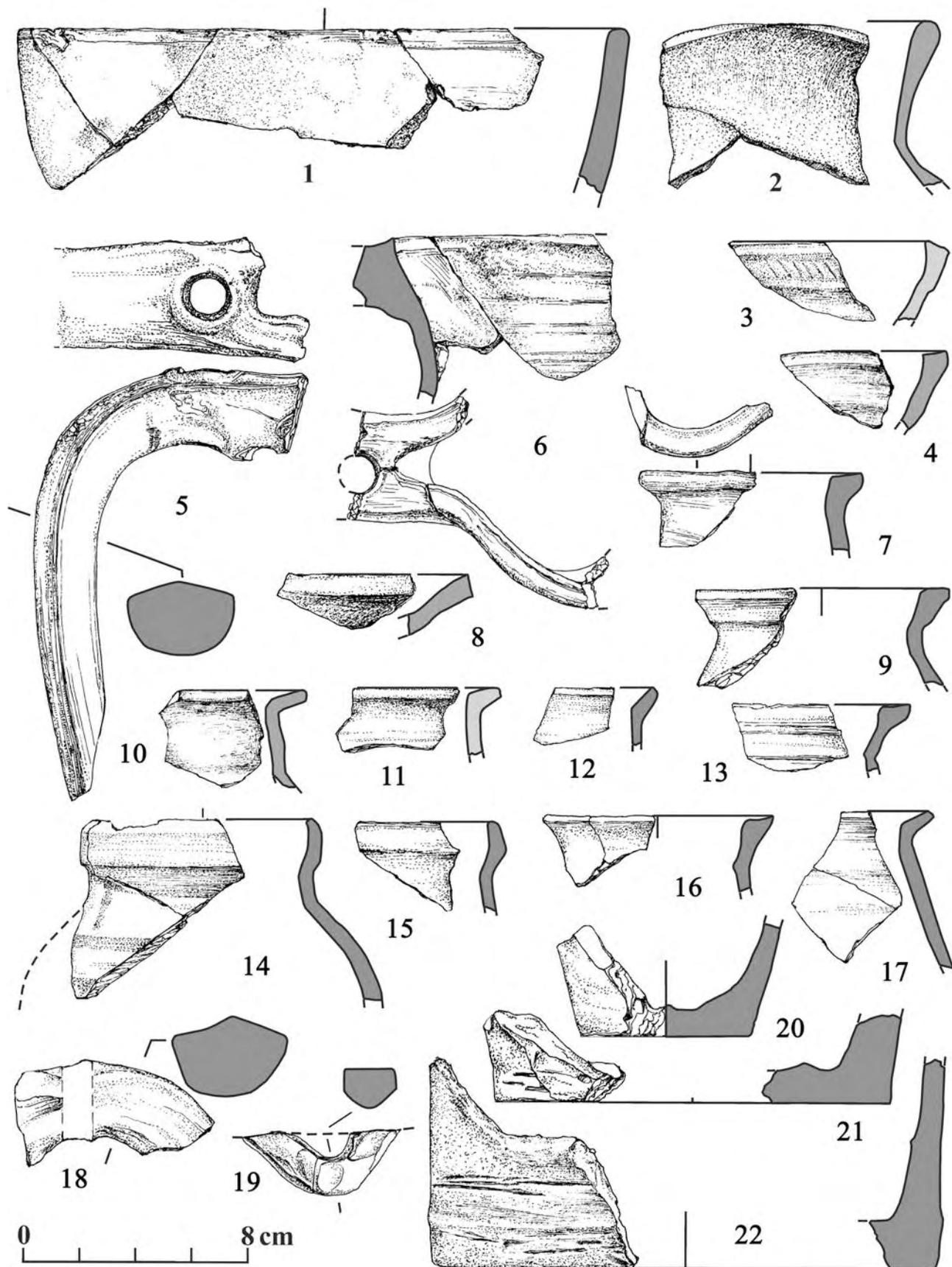

Рис. 34. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 1, слой разрушения (№ 3). Фрагменты амфор.

Рис. 35. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 1. Фрагменты амфор (1-8), высокогорлого кувшина с широкой плоской ручкой (9) и фляг (10, 11): 1-7 – уровень пола внутри строения 1; 8, 9, 10 – слой разрушения (№ 3); 11 – уровень пола между антами.

Рис. 36. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 1, слой разрушения (№ 3) внутри здания (1-7, 10-12) и между антами (8, 9, 13-22). Фрагменты красноглиняных гончарных кухонно-столовых сосудов открытой (1, 3, 4, 8) и закрытой (2, 5-7, 9-22) формы.

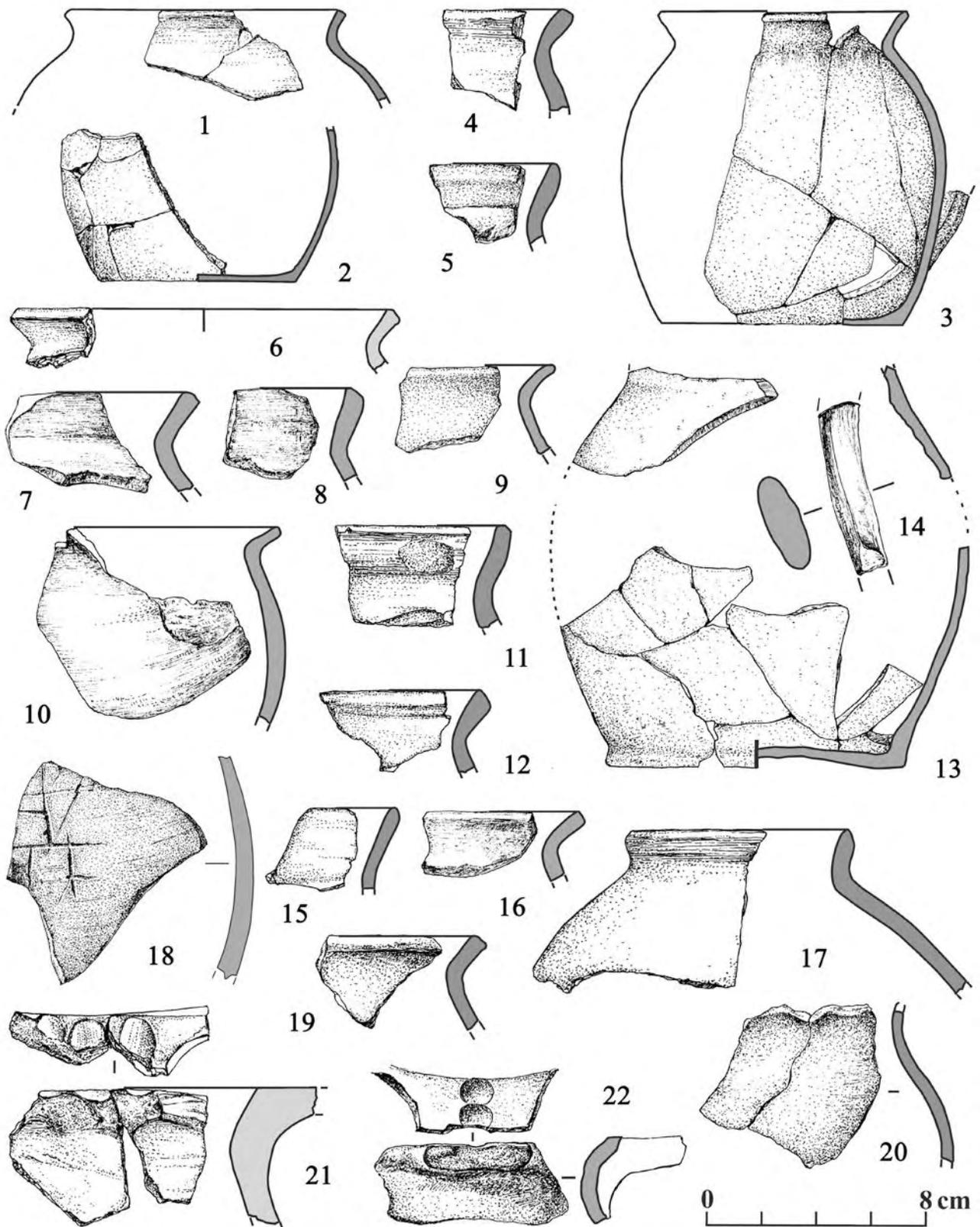

Рис. 37. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 1. Коричневоглиняные кухонные горшки: 1-3, 13 – уровень пола; 4-12, 14-22 – слой разрушения (№ 3).

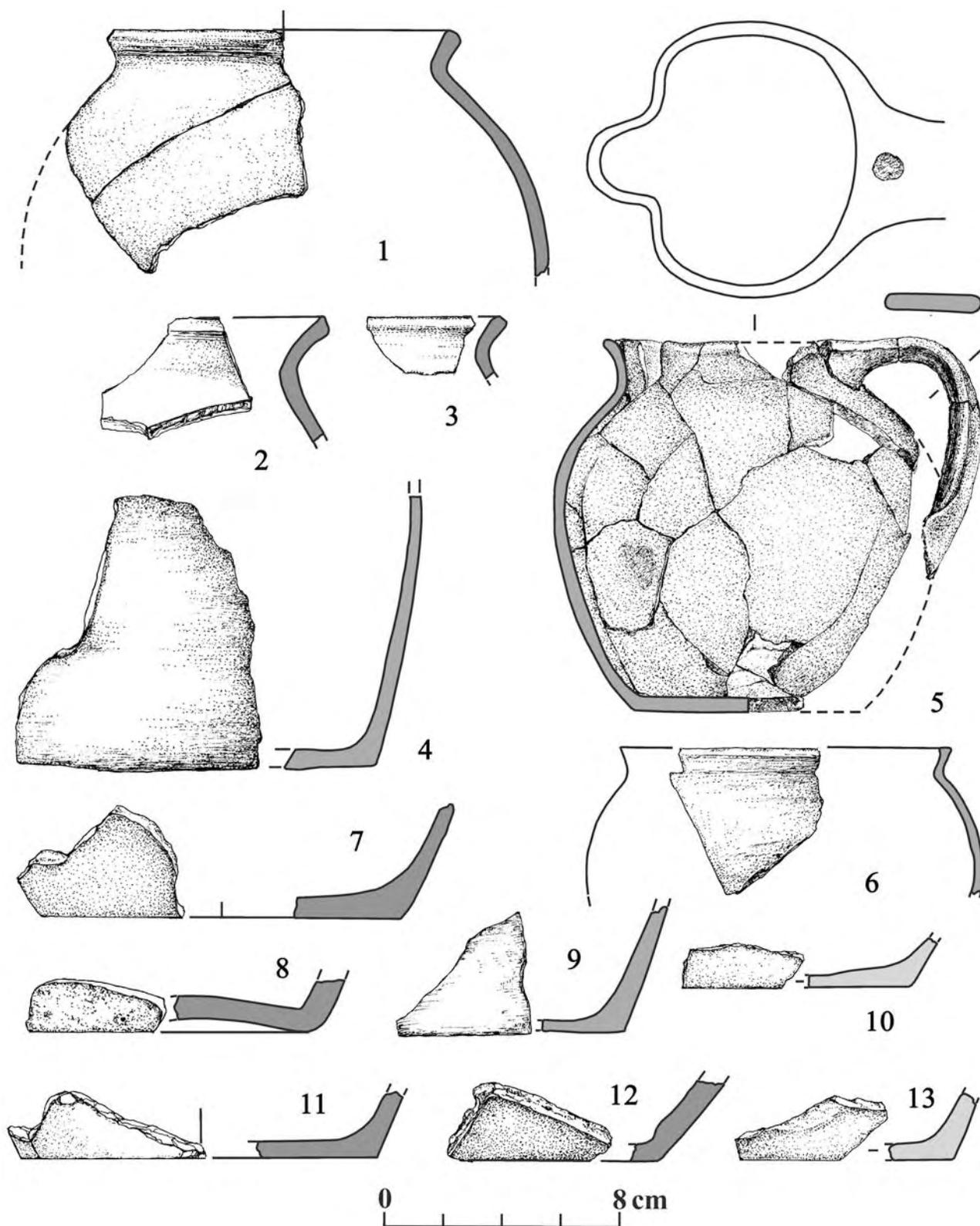
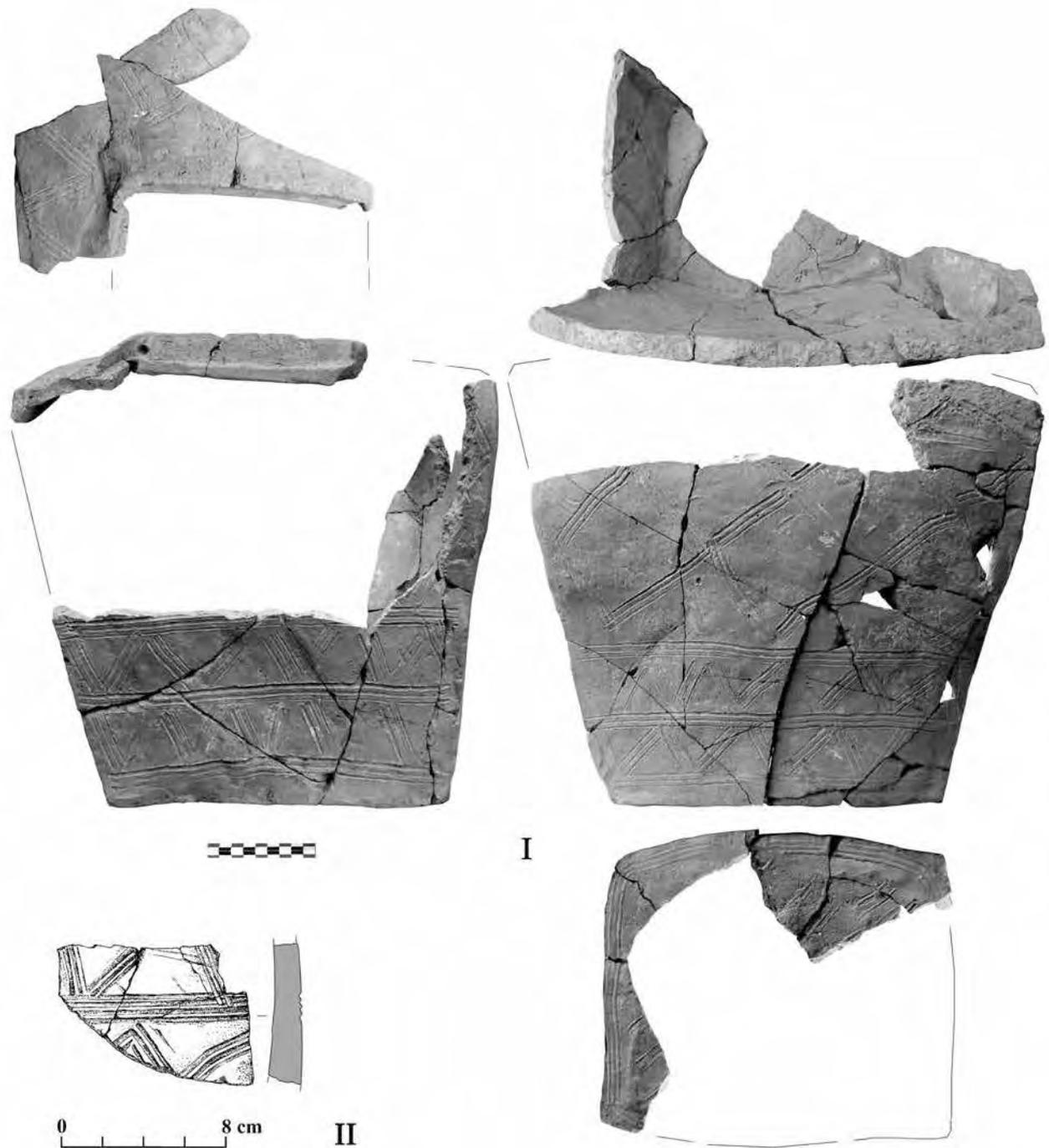

Рис. 38. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 1. Коричневоглиняные кухонные горшки: 1-4 – слой разрушения между антами (№ 3); 7-13 – слой разрушения (№ 3); 5, 6 – уровень пола в районе очага № 5.

Рис. 39. Мыс Сотера. I: Раскоп I. Строение № 1, слой разрушения между антами (№ 3). Керамическая ёмкость.
II: Раскоп III. Строение № 1, слой разрушения. Фрагмент стенки аналогичной ёмкости.

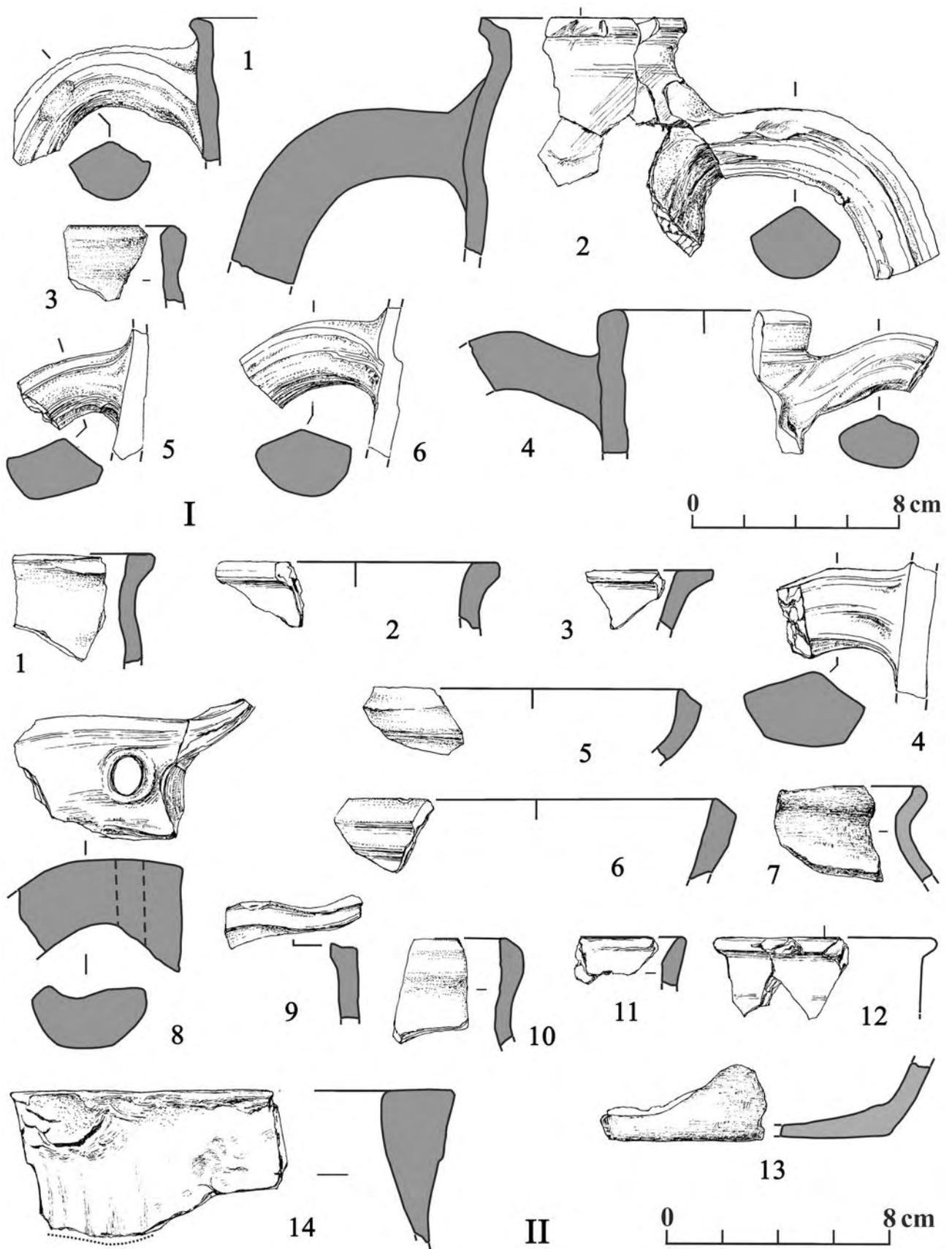

Рис. 40. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 1: I – канава у лицевого фасада, заполнение; II – яма № 1, заполнение. Керамический комплекс.

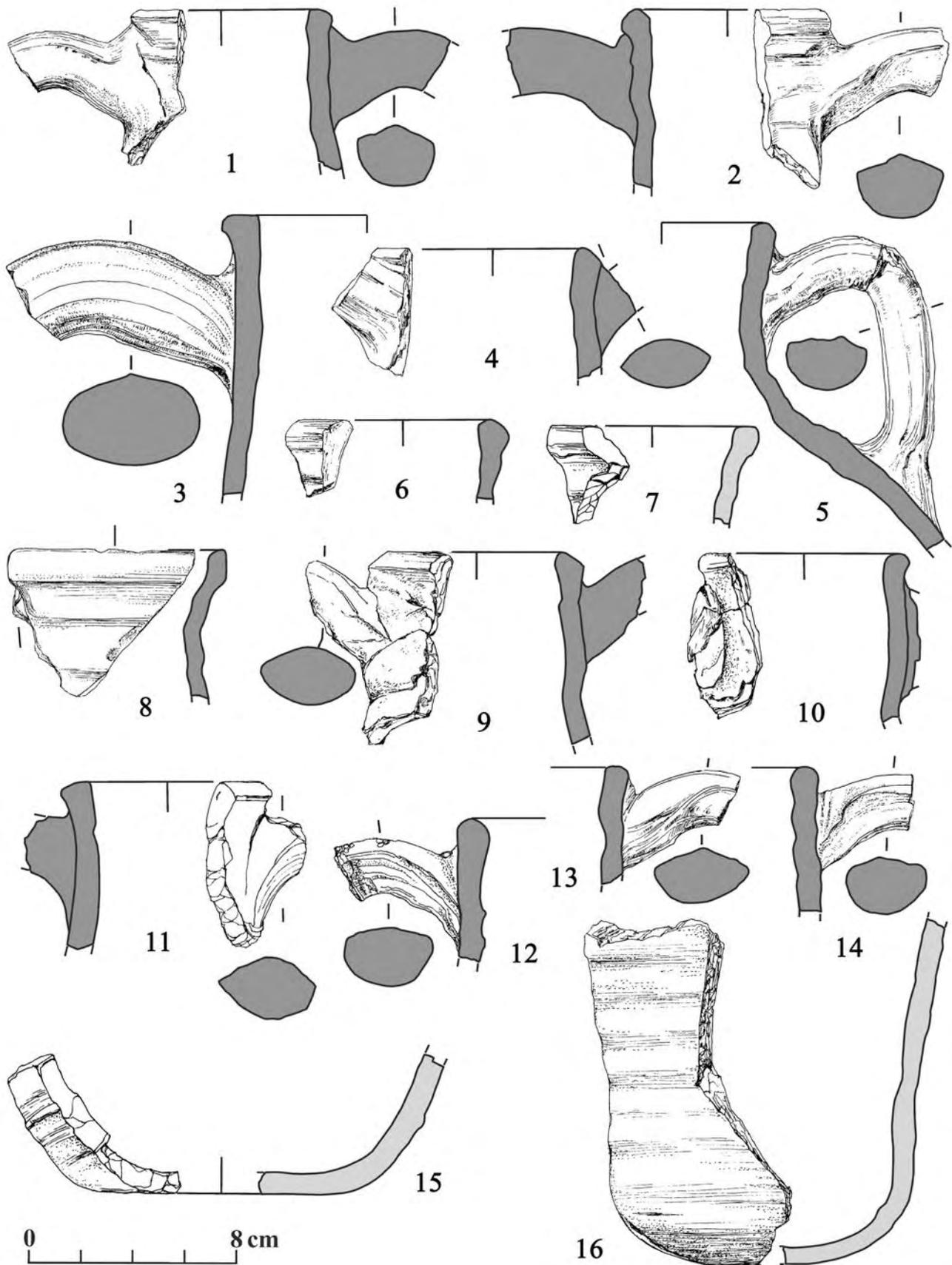

Рис. 41. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 2, слой разрушения (№ 3). Фрагменты амфор.

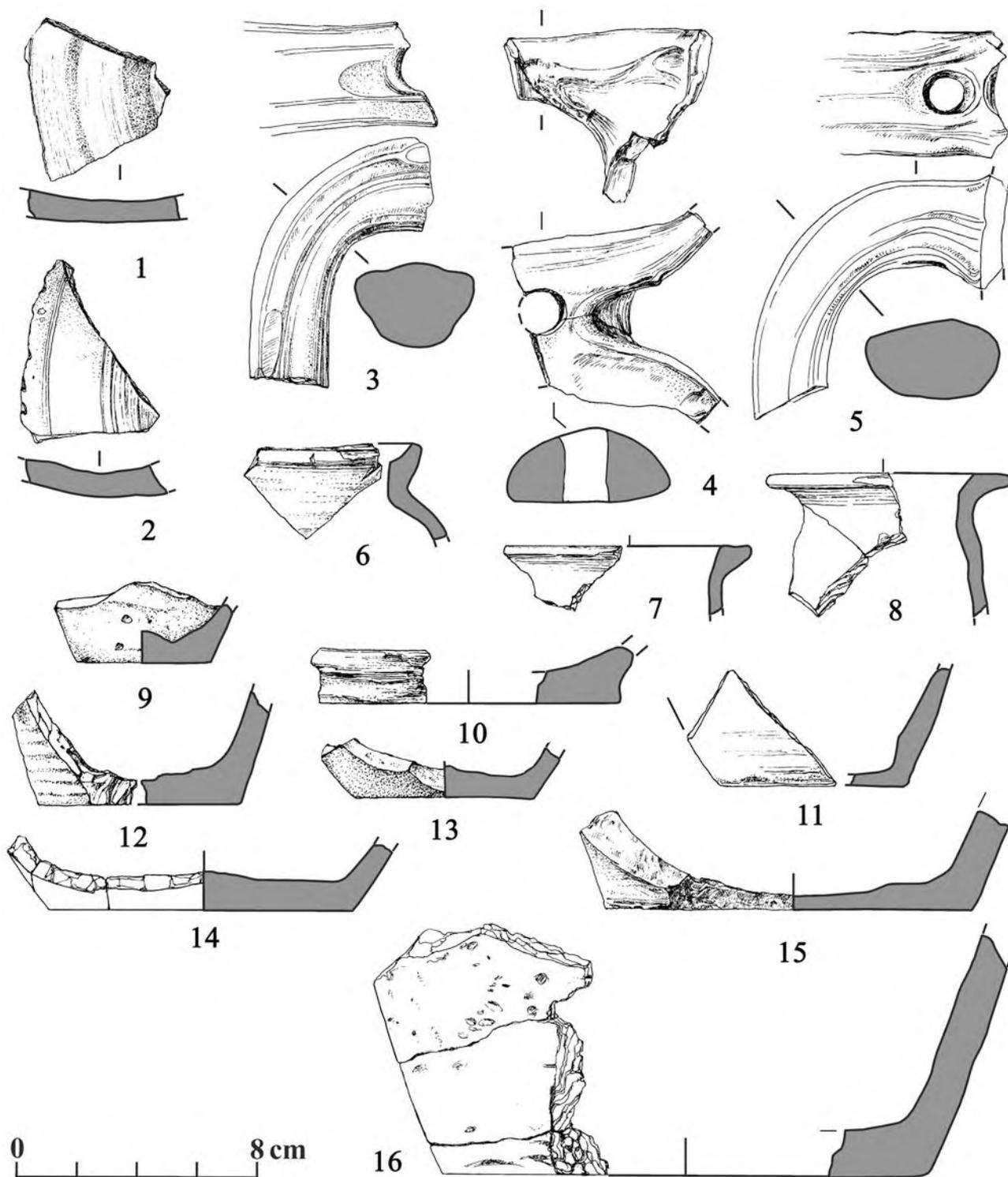
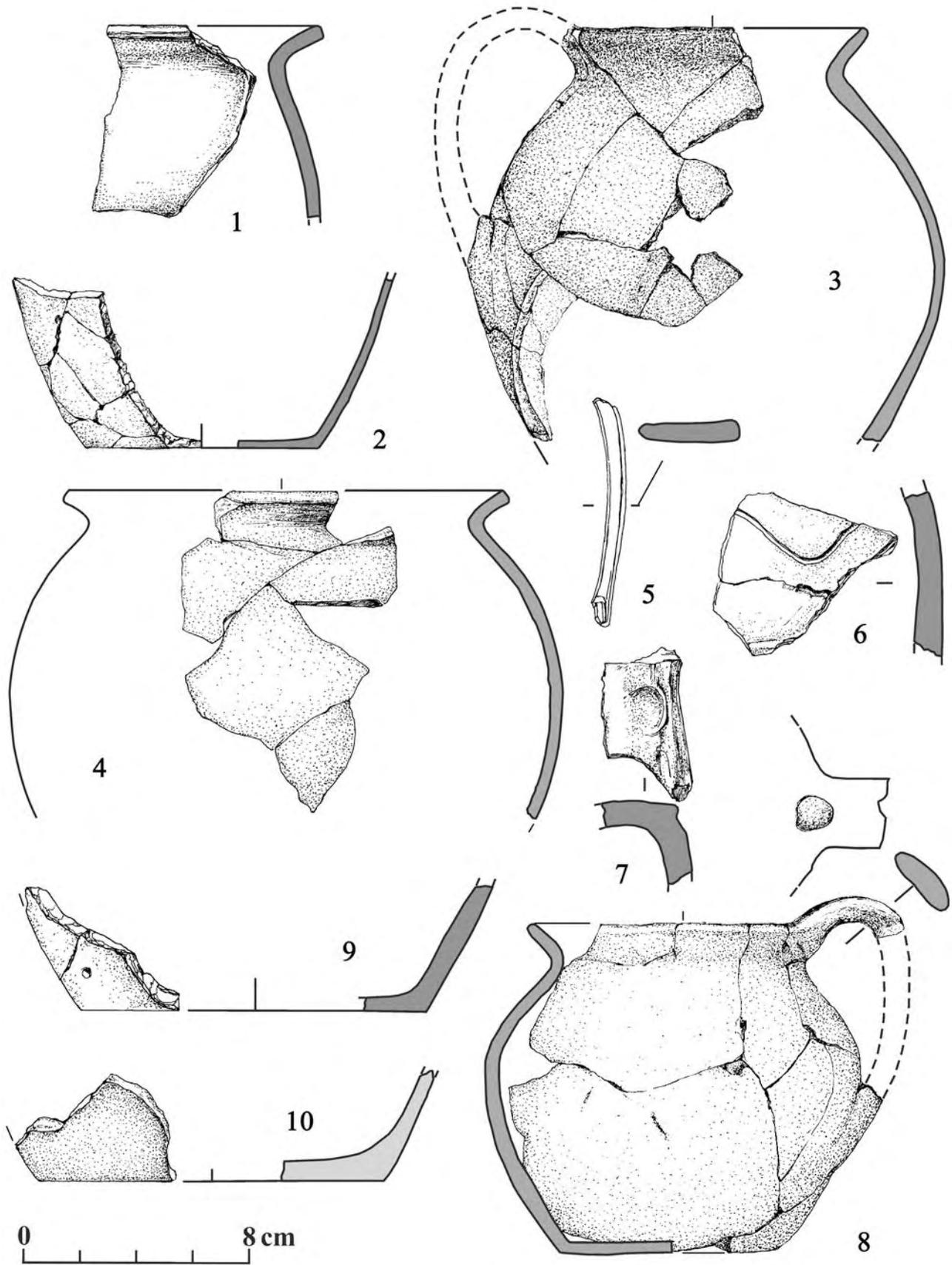
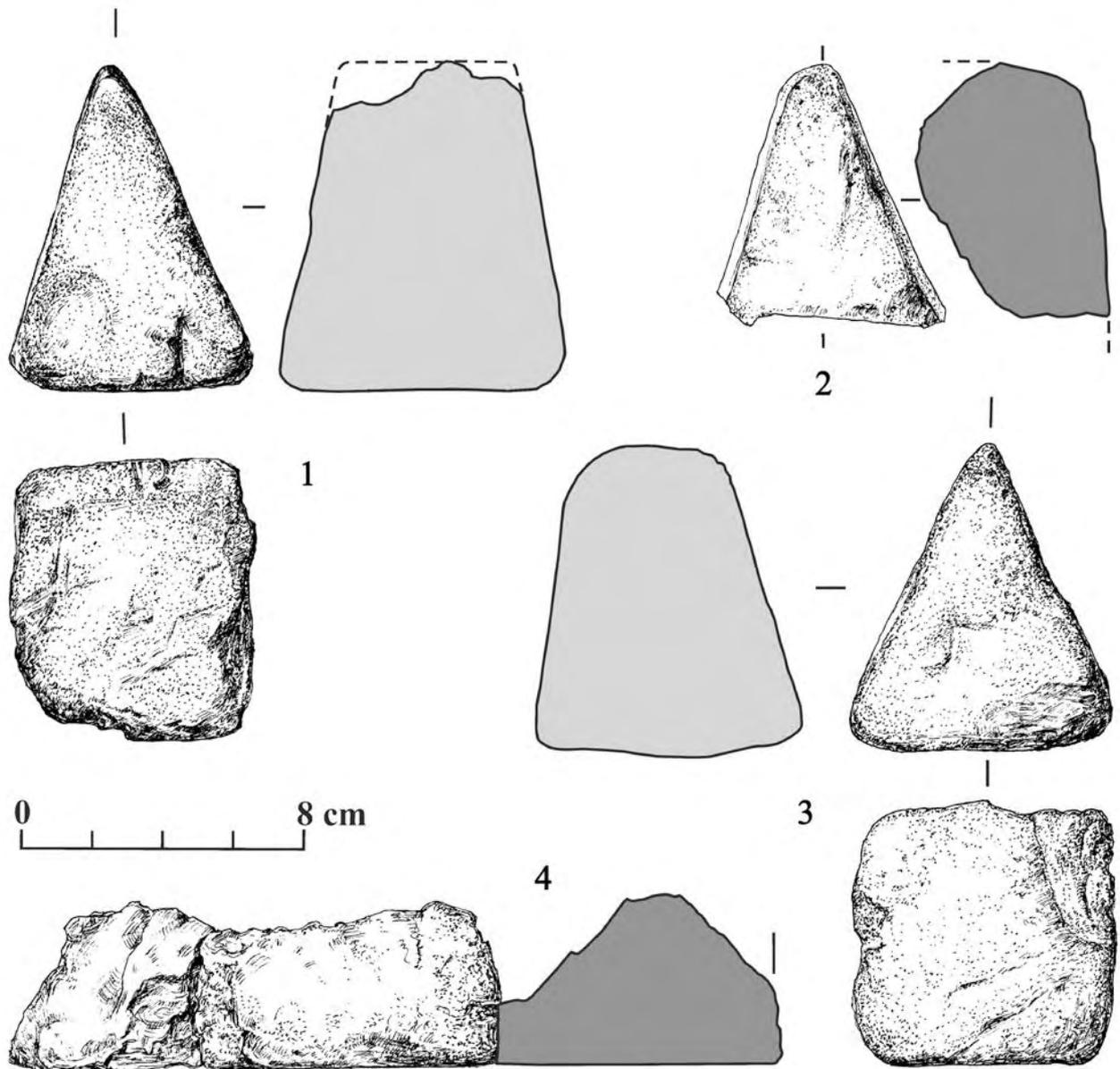

Рис. 42. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 2, слой разрушения (№ 3) (1-13, 15, 16) и яма № 7, заполнение (слой № 5б) (14). Фрагменты фляг (1, 2) и красноглиняных гончарных кухонно-столовых сосудов (3-16).

Рис. 43. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 2. Коричневоглиняные кухонные горшки: 1, 5, 6 – яма № 7, заполнение (слой № 56); 2, 4, 7, 9, 10 – слой разрушения (№ 3), нижняя часть; 3, 8 – уровень пола в районе очага № 4.

Рис. 44. Мыс Сотера. Раскоп I. Керамические подставки под амфоры: 1, 3 – строение № 1, слой разрушения (№ 3); 2 – строение № 1, траншея у южного фасада, заполнение; 4 – строение № 2, слой разрушения (№ 3) с внешней стороны здания.

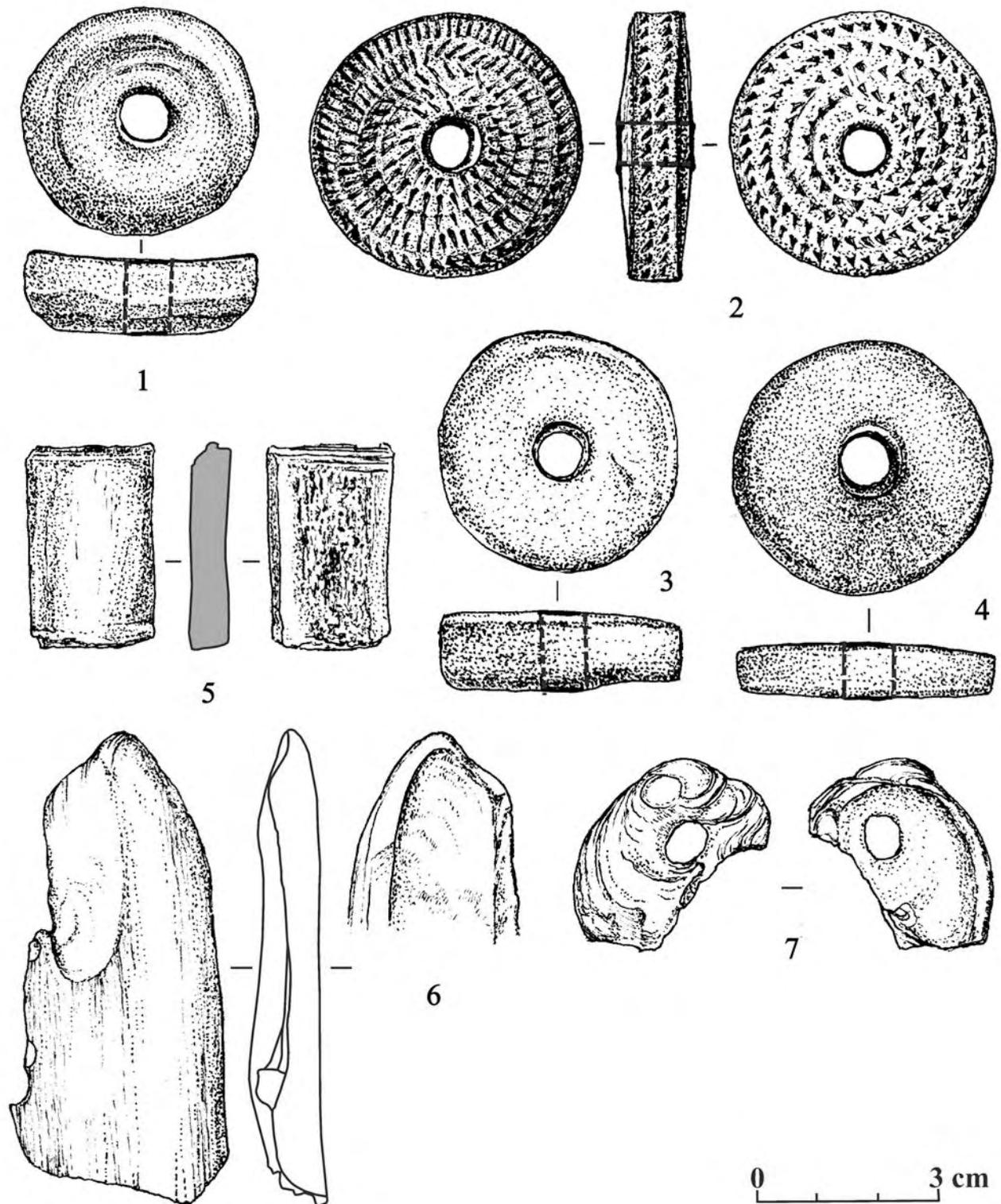

Рис. 45. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 1. Пряслица (1-4), изделия из кости (5, 6), подвеска из створки устрицы (7).

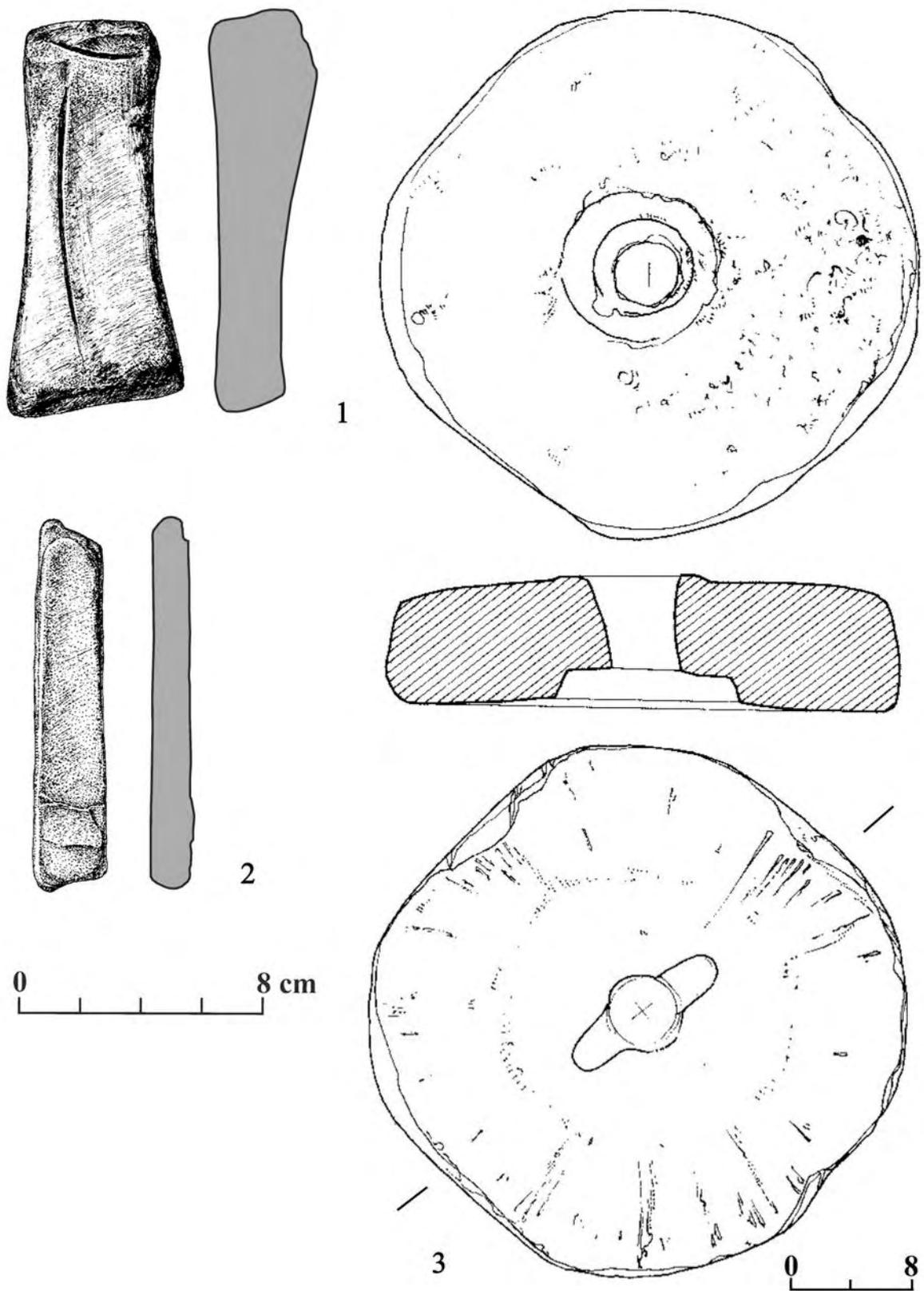

Рис. 46. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 1. Изделия из камня: 1, 2 – оселки; 3 – жернов.

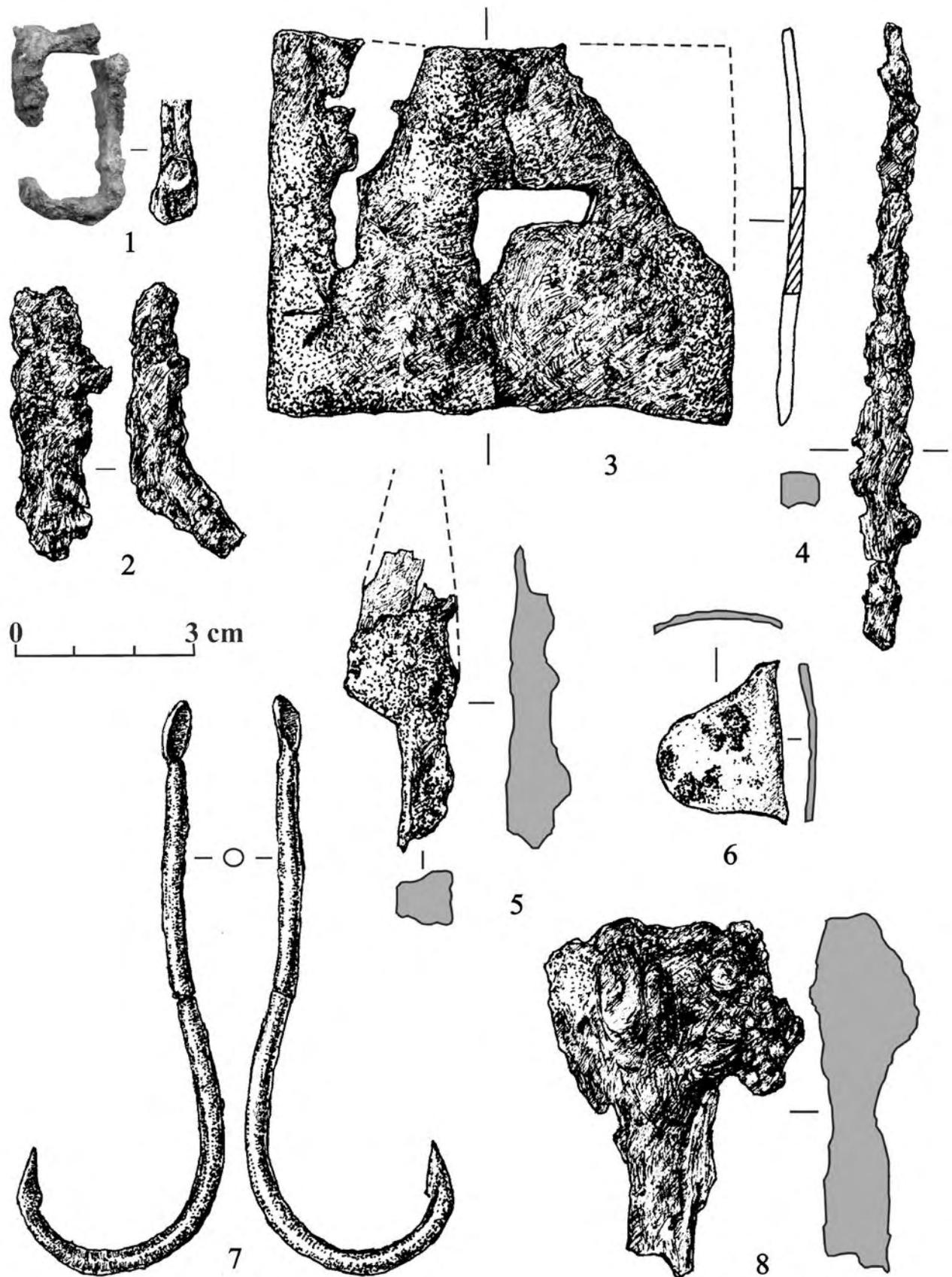

Рис. 47. Мыс Сотера. Раскоп I. Строение № 1. Изделия из железа (1-5, 8) и бронзы (6, 7).

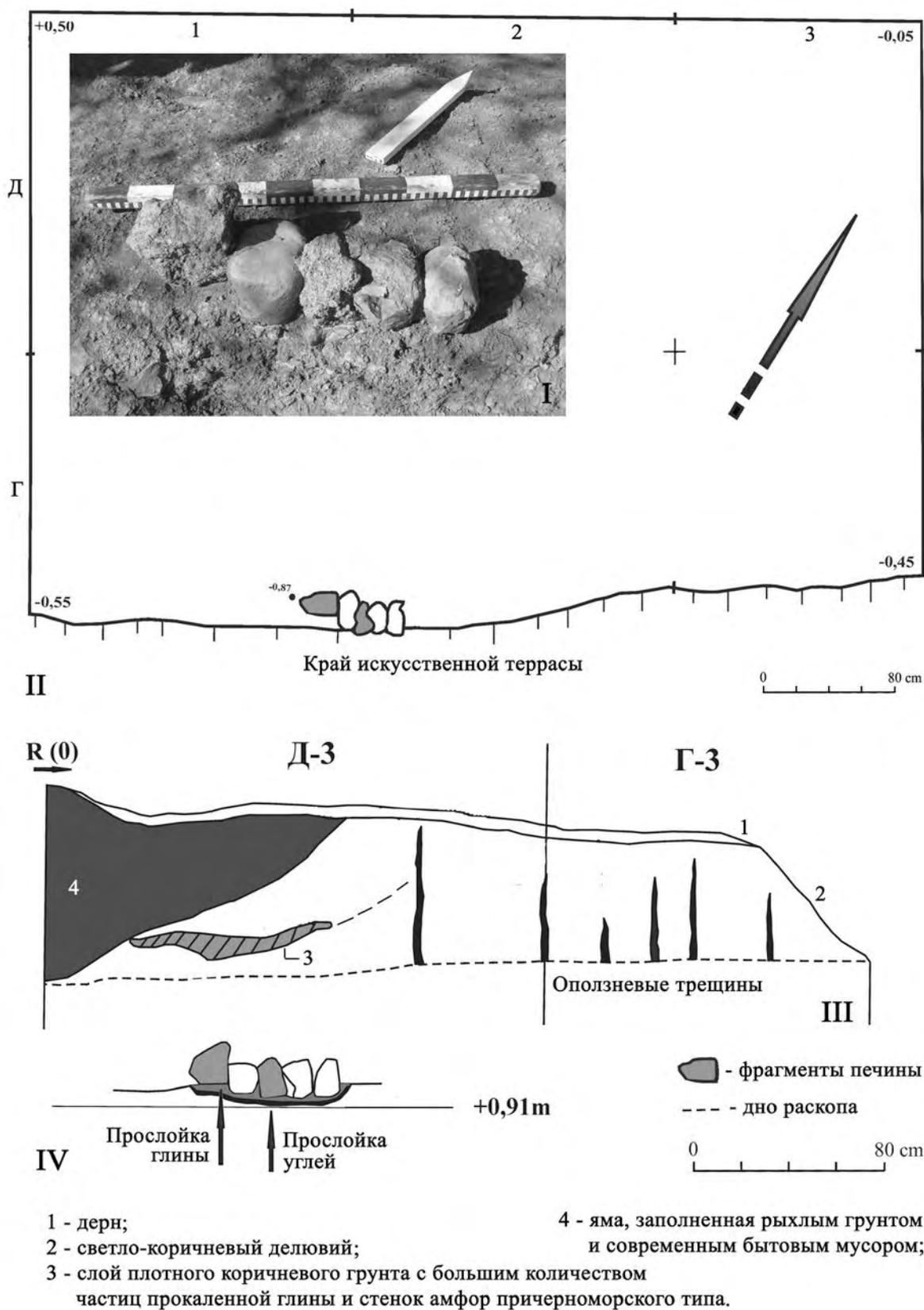

Рис. 48. Мыс Сотера. Раскоп II. План, разрезы (II, III). Остатки кладки, вид с юго-востока (I) и южный фас (IV).

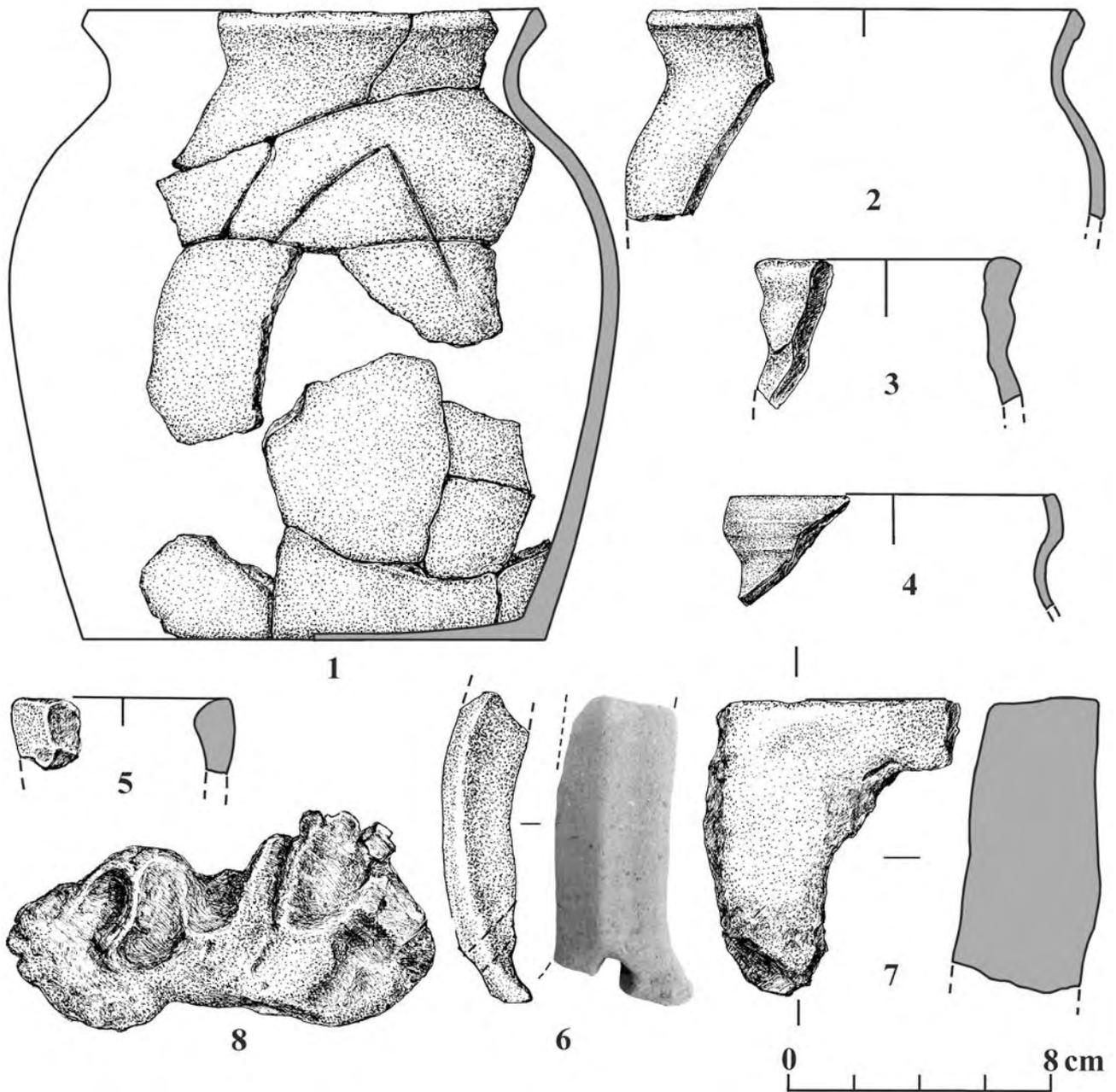

Рис. 49. Мыс Сотера. Раскоп II. Керамический комплекс.

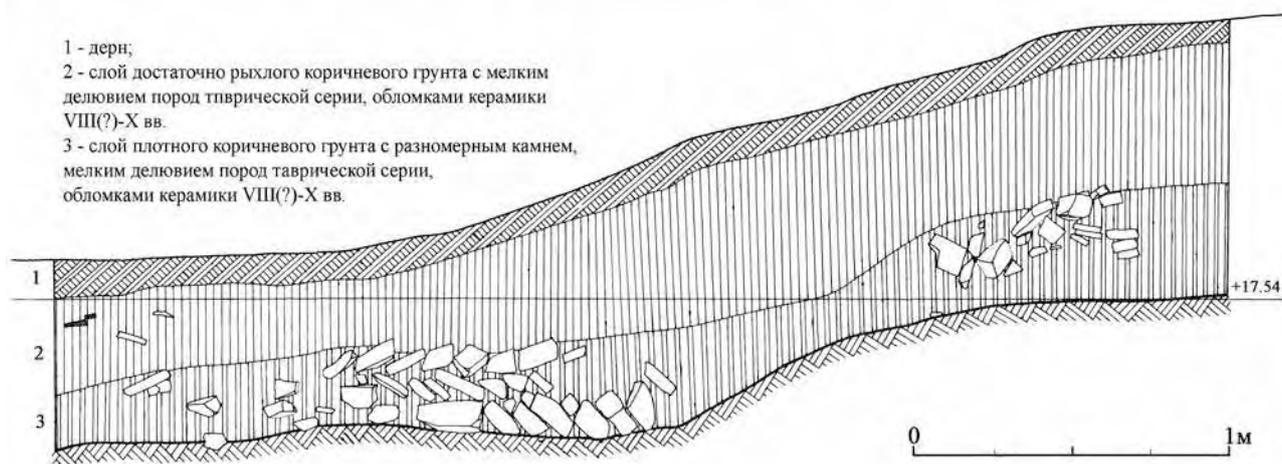

Рис. 50. Мыс Сотера. Восточная окраина гончарного района поселения. Остатки кладок средневековых строений в бровке дороги (Б-1), вид с юго-востока.

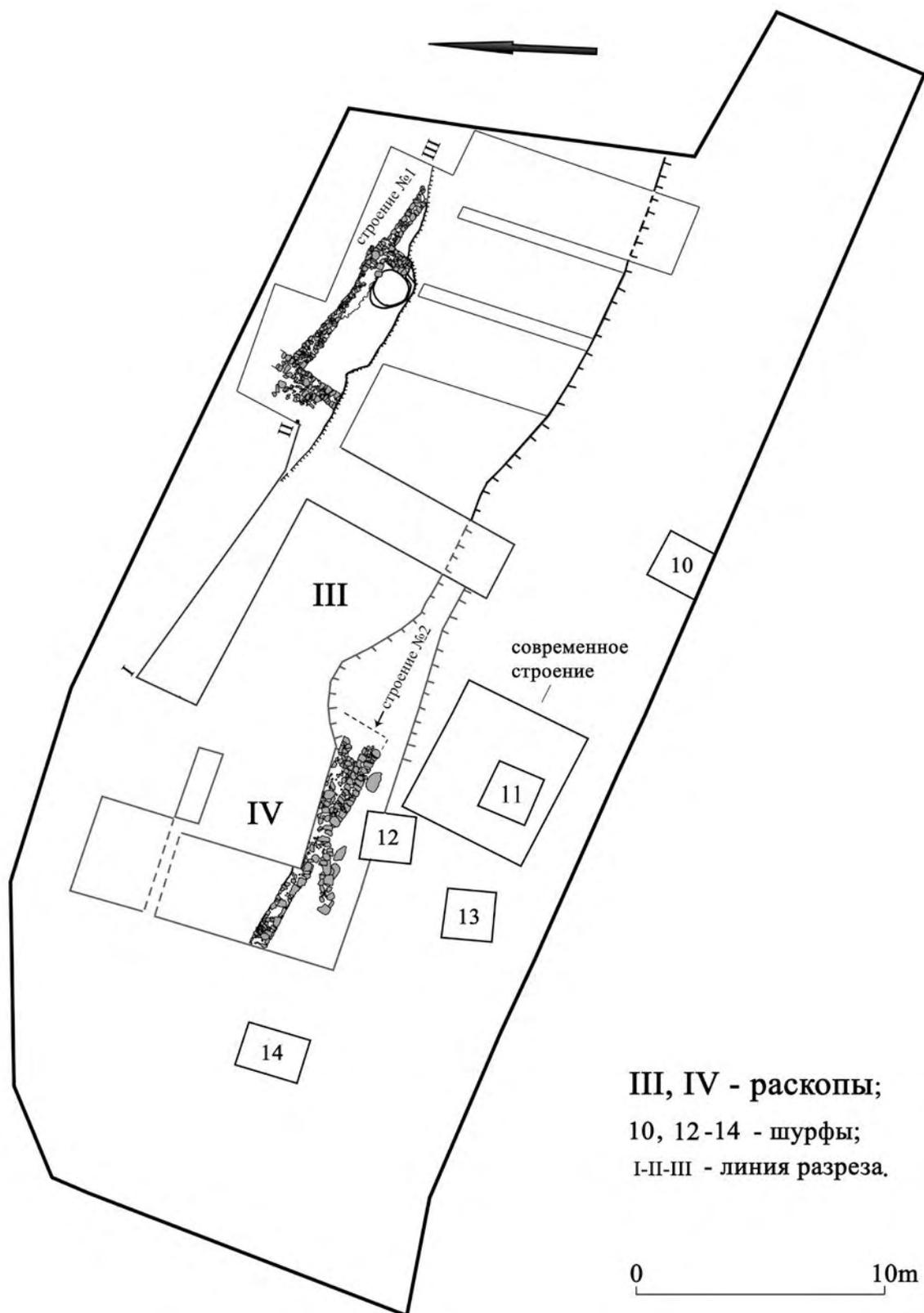
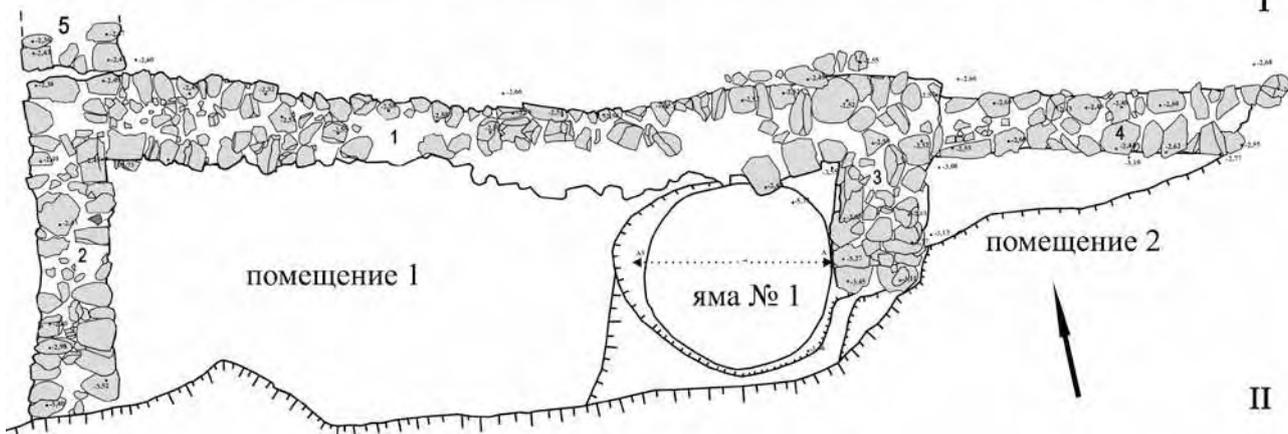

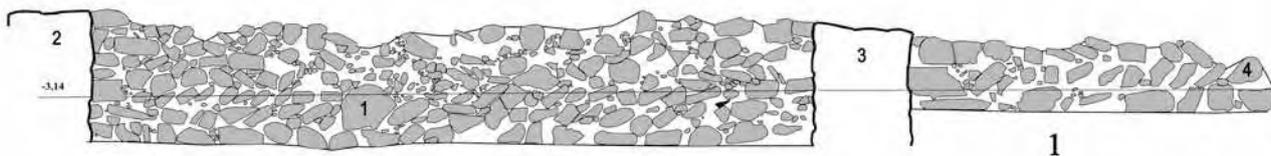
Рис. 51. Мыс Сотера. Раскопы III и IV, шурфы №№ 10-14. Общий план.

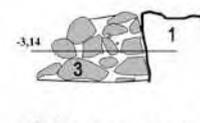
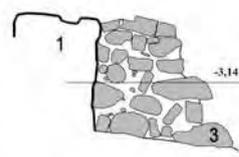
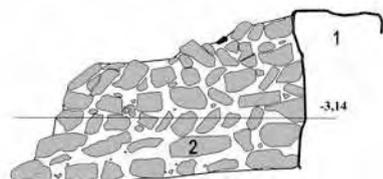
I

II

1

III

1-5 - номера кладок

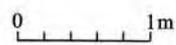

Рис. 52. Мыс Сотера. Раскоп III. Строения № 1, план (II), виды и разрезы (I, III).

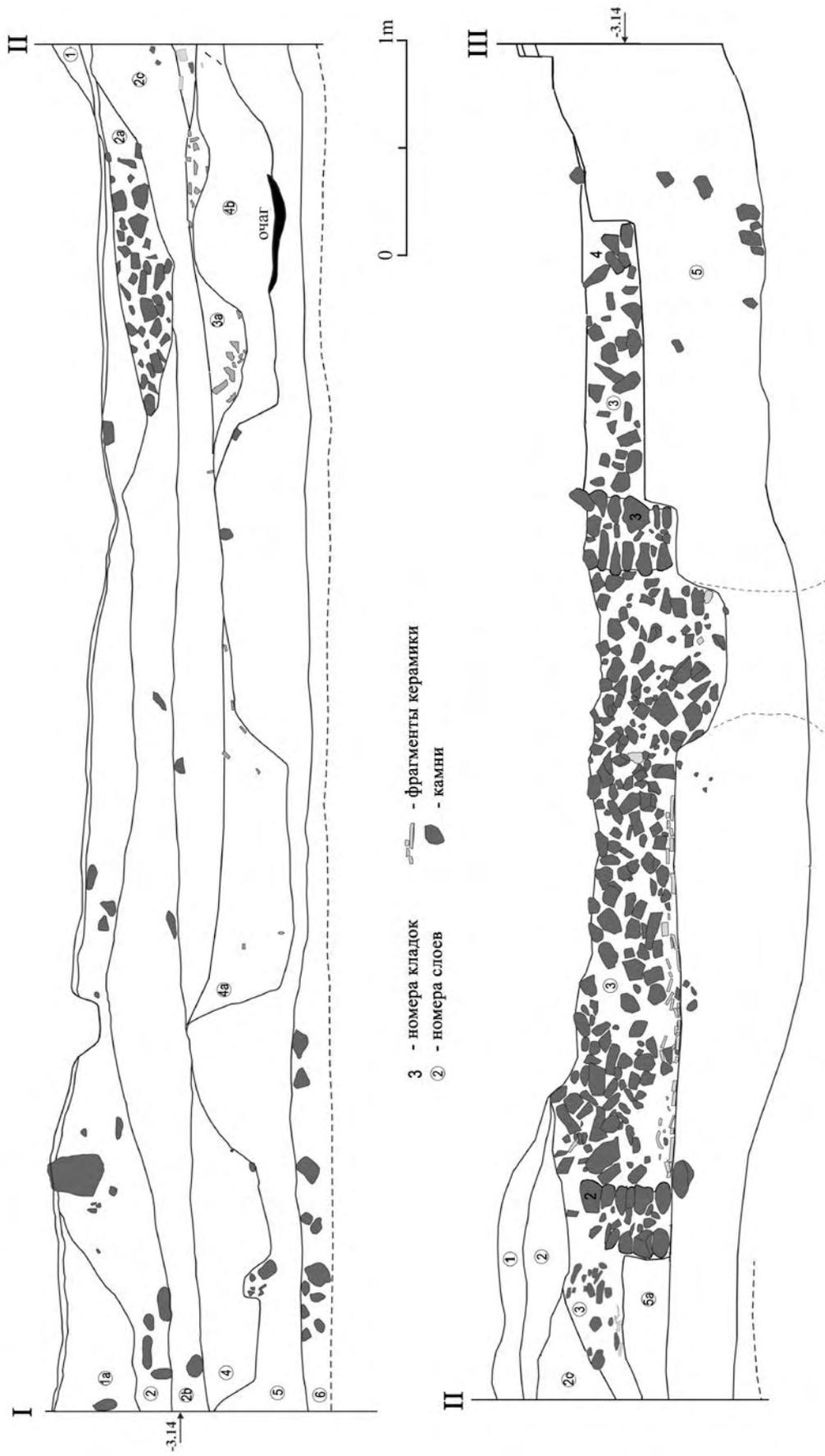

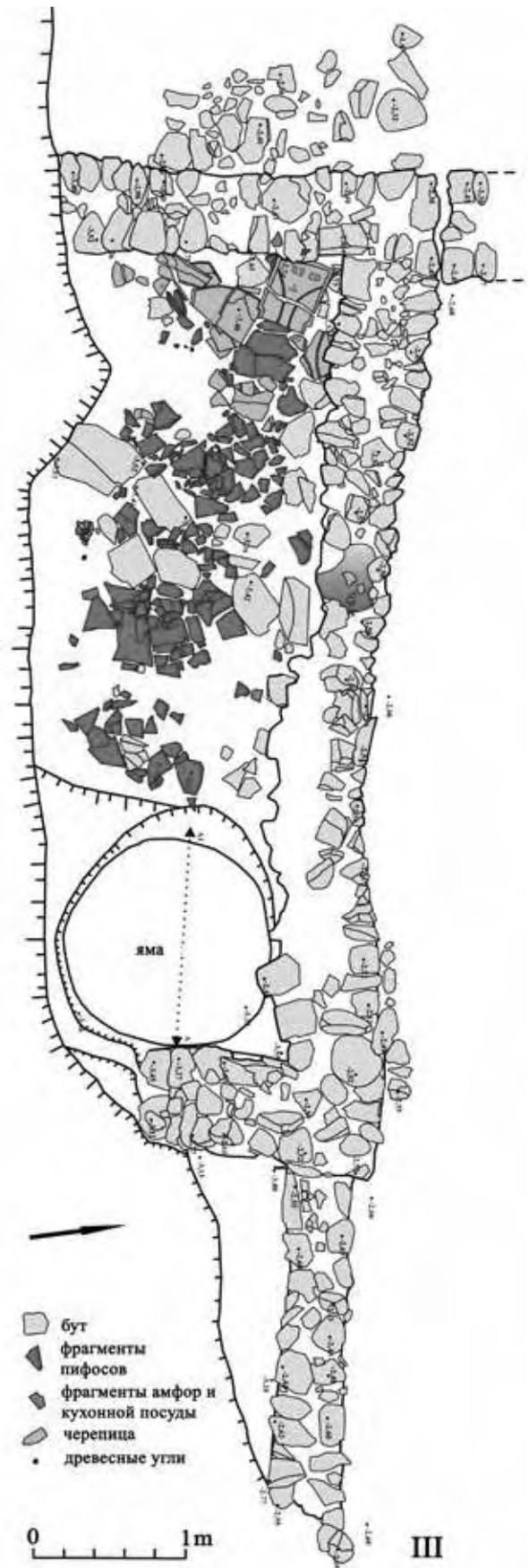
Рис. 53. Мыс Сотера. Раскоп III. Стратиграфические разрезы.

I

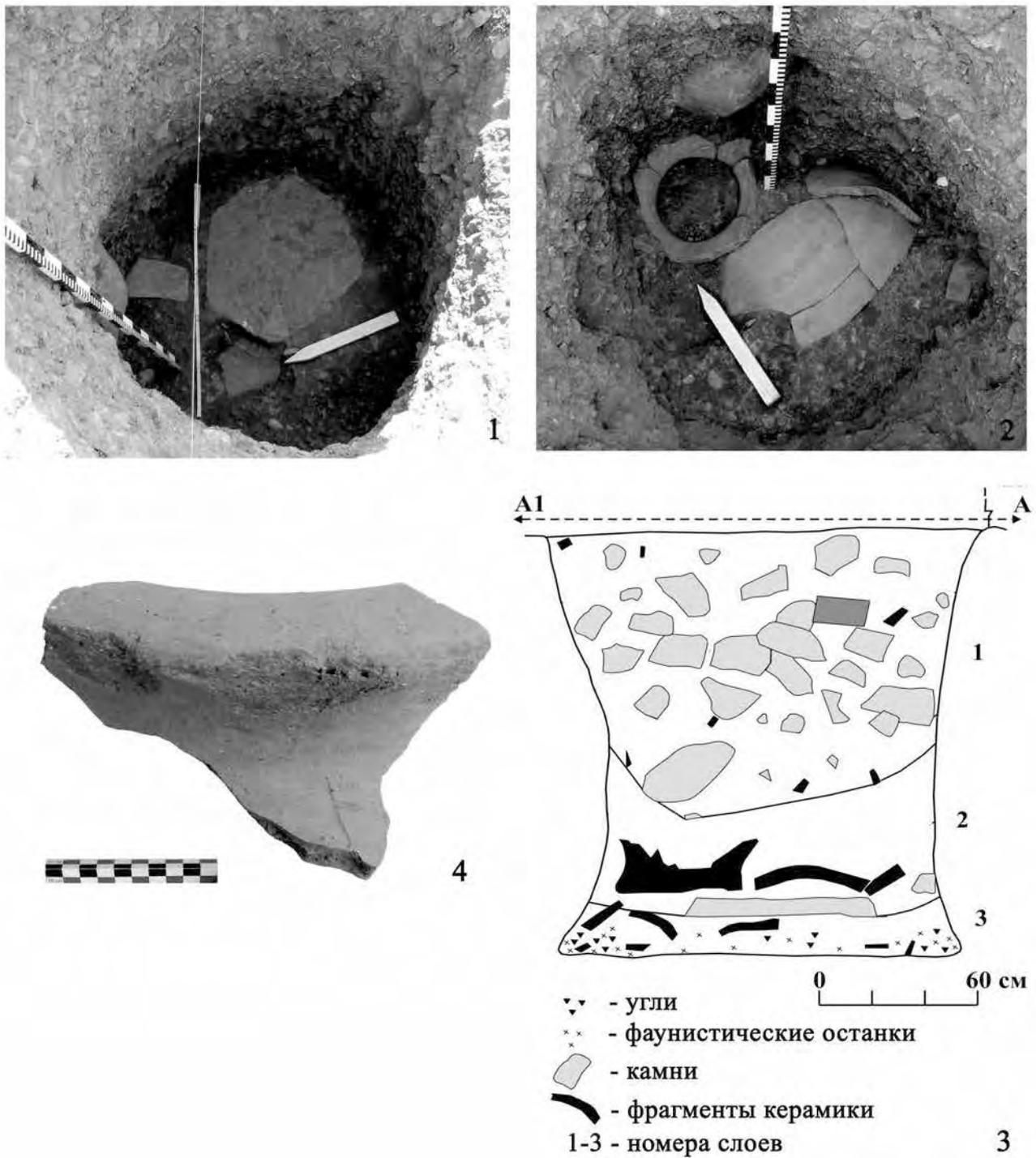

II

III

Рис. 54. Мыс Сотера. Раскоп III. Строение № 1, слой керамического боя на полу помещения № 1: I – вид с востока; II – вид с северо-запада сверху; III – план.

Рис. 55. Мыс Сотера. Раскоп III. Строение № 1, помещение № 1, хозяйственная яма: 1, 2 – различные уровни заполнения ямы, вид с северо-запада и юго-запада; 3 – стратиграфия; 4 – фрагмент венчика пифоса с прочерченными по сырой и обожженной глине знаками.

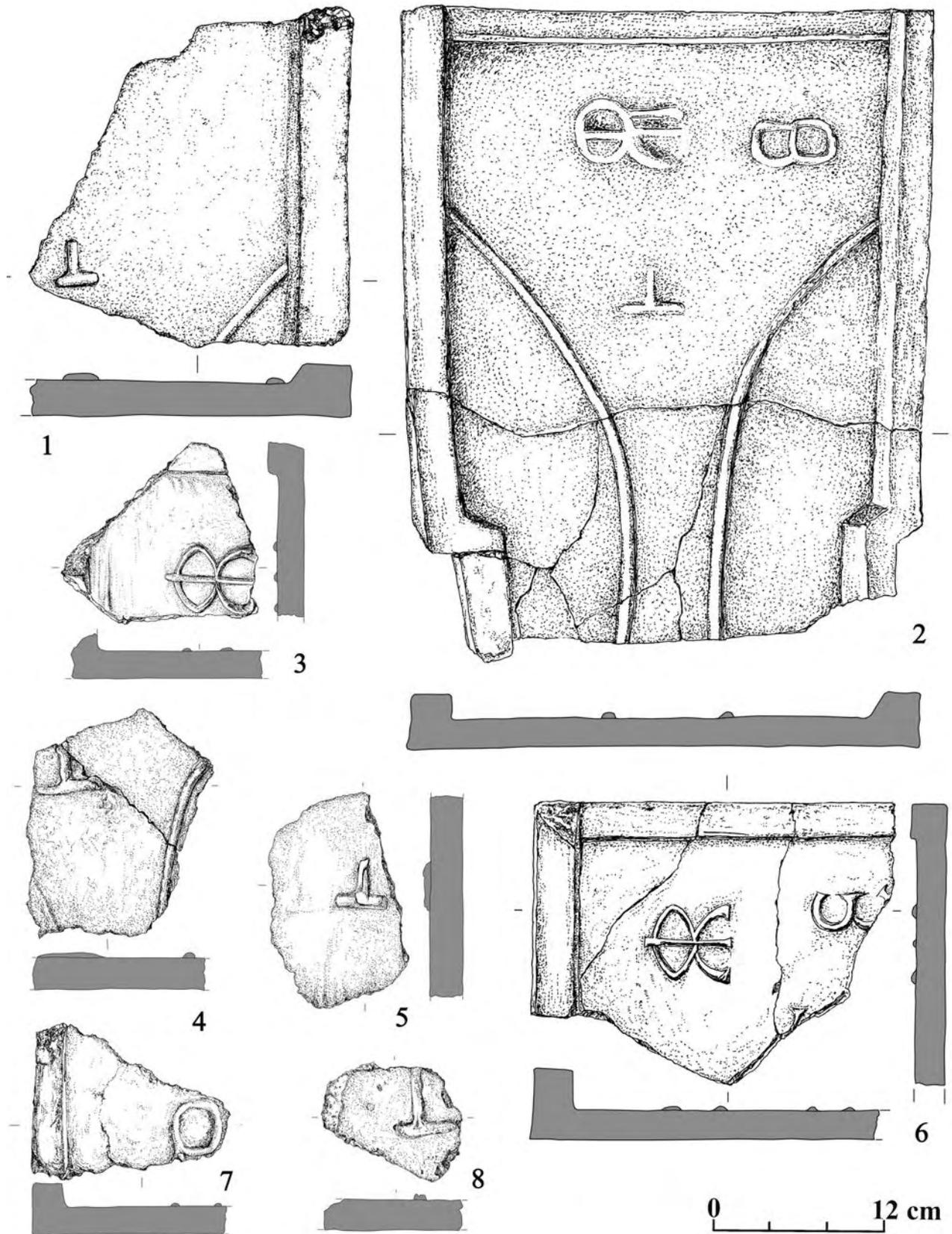

Рис. 56. Мыс Сотера. Раскоп III. Строение № 1, слой разрушения (№ 3). Фрагменты черепицы.

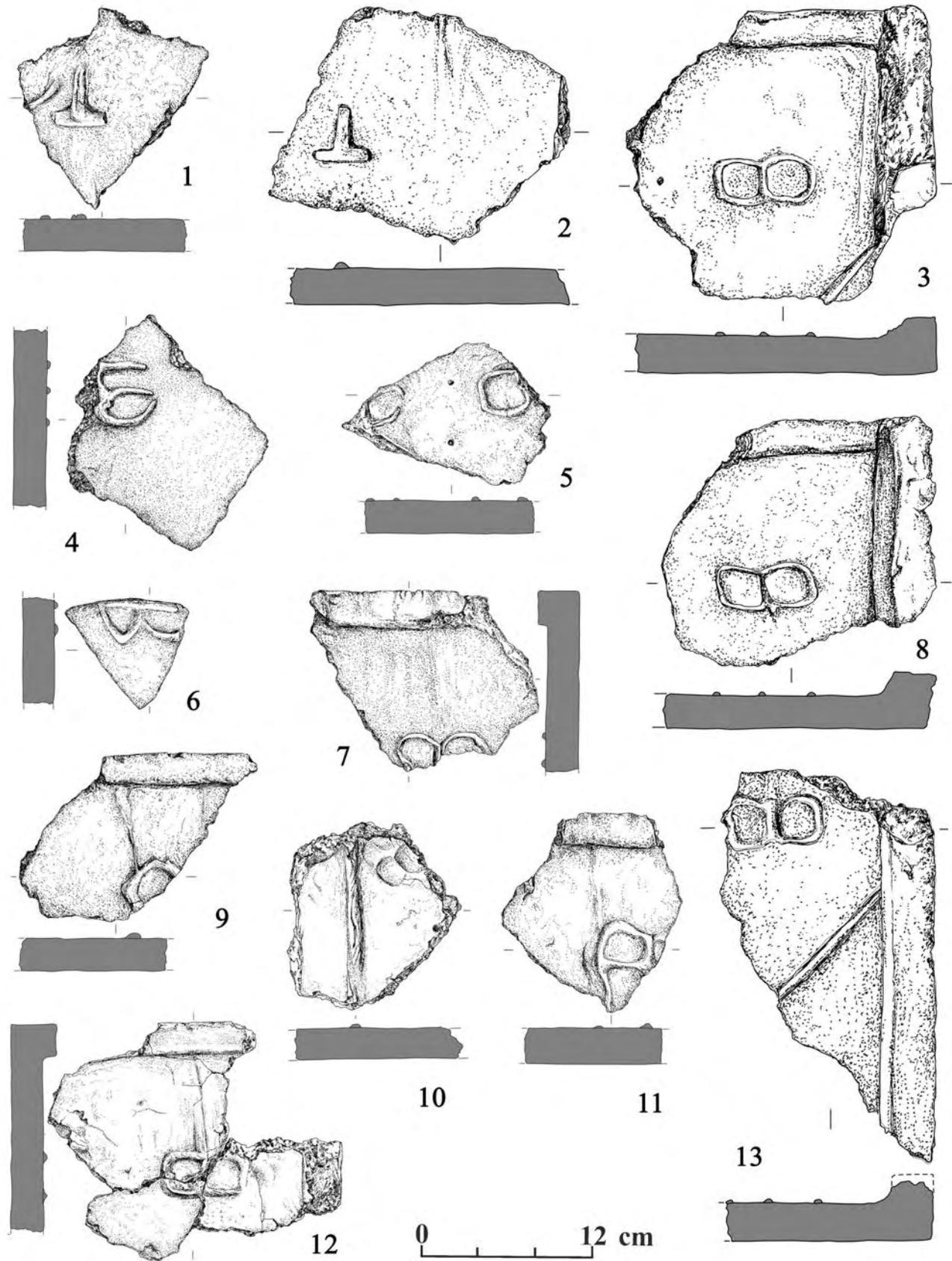

Рис. 57. Мыс Сотера. Раскоп III. Строение № 1, слой разрушения (№ 3). Фрагменты черепицы.

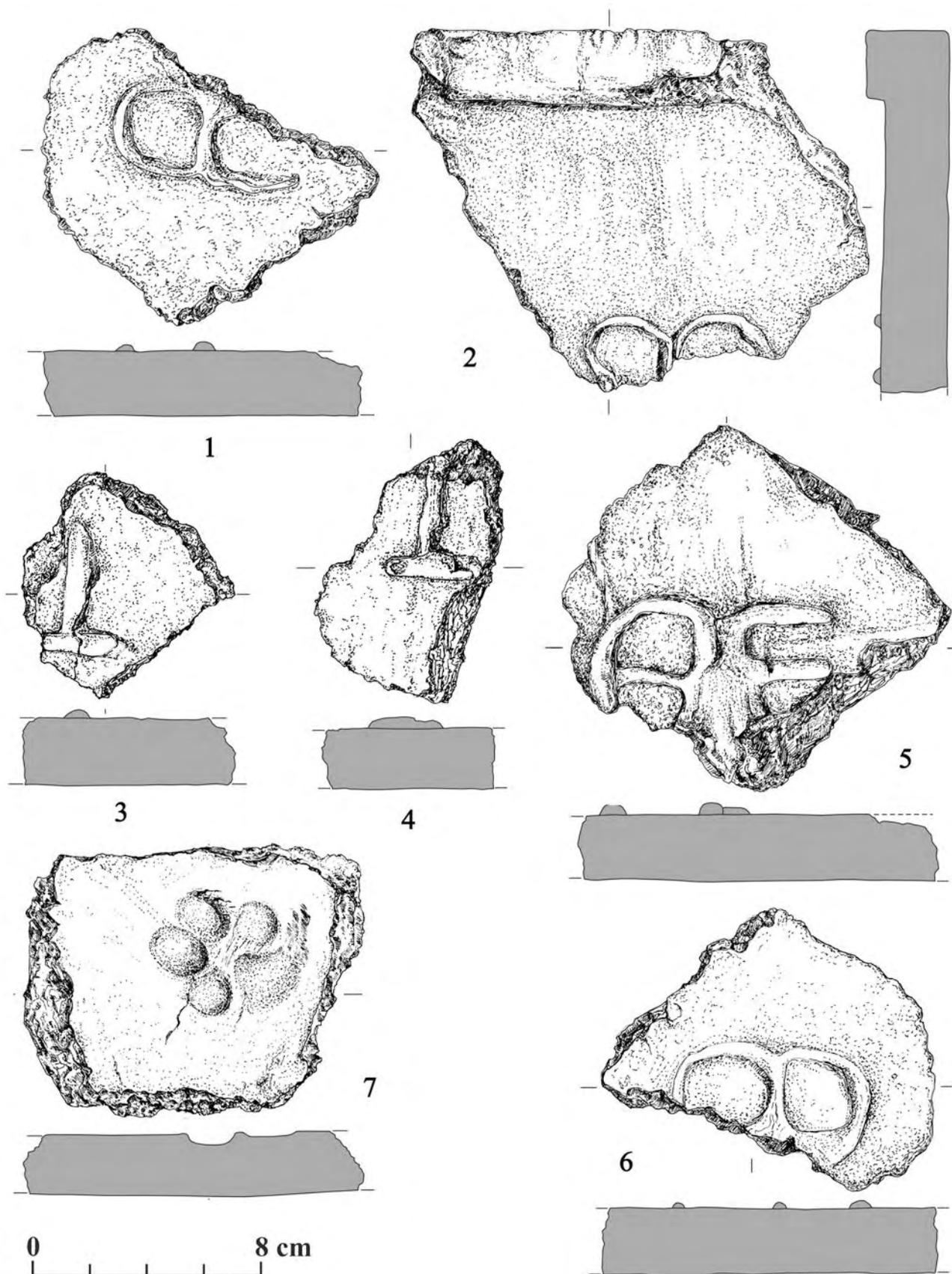
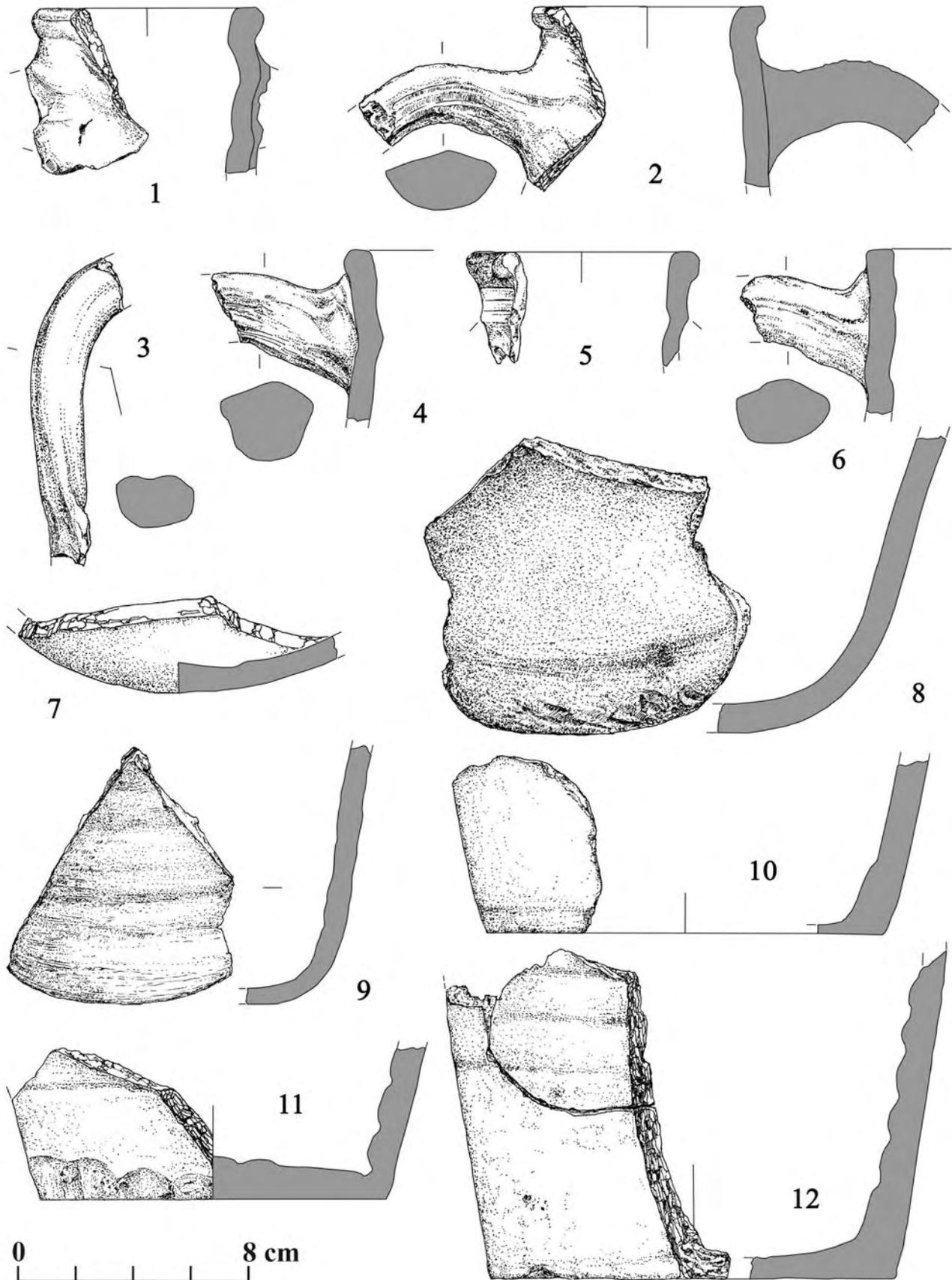

Рис. 58. Мыс Сотера. Раскоп III. Строение № 1, слой разрушения (№ 3). Фрагменты керамики.

Рис. 59. Мыс Сотера. Раскоп III. Строение № 1, хозяйственная яма, заполнение. Фрагменты амфор причерноморского типа (1-9) и красноглиняных гончарных кухонно-столовых сосудов (10-12).

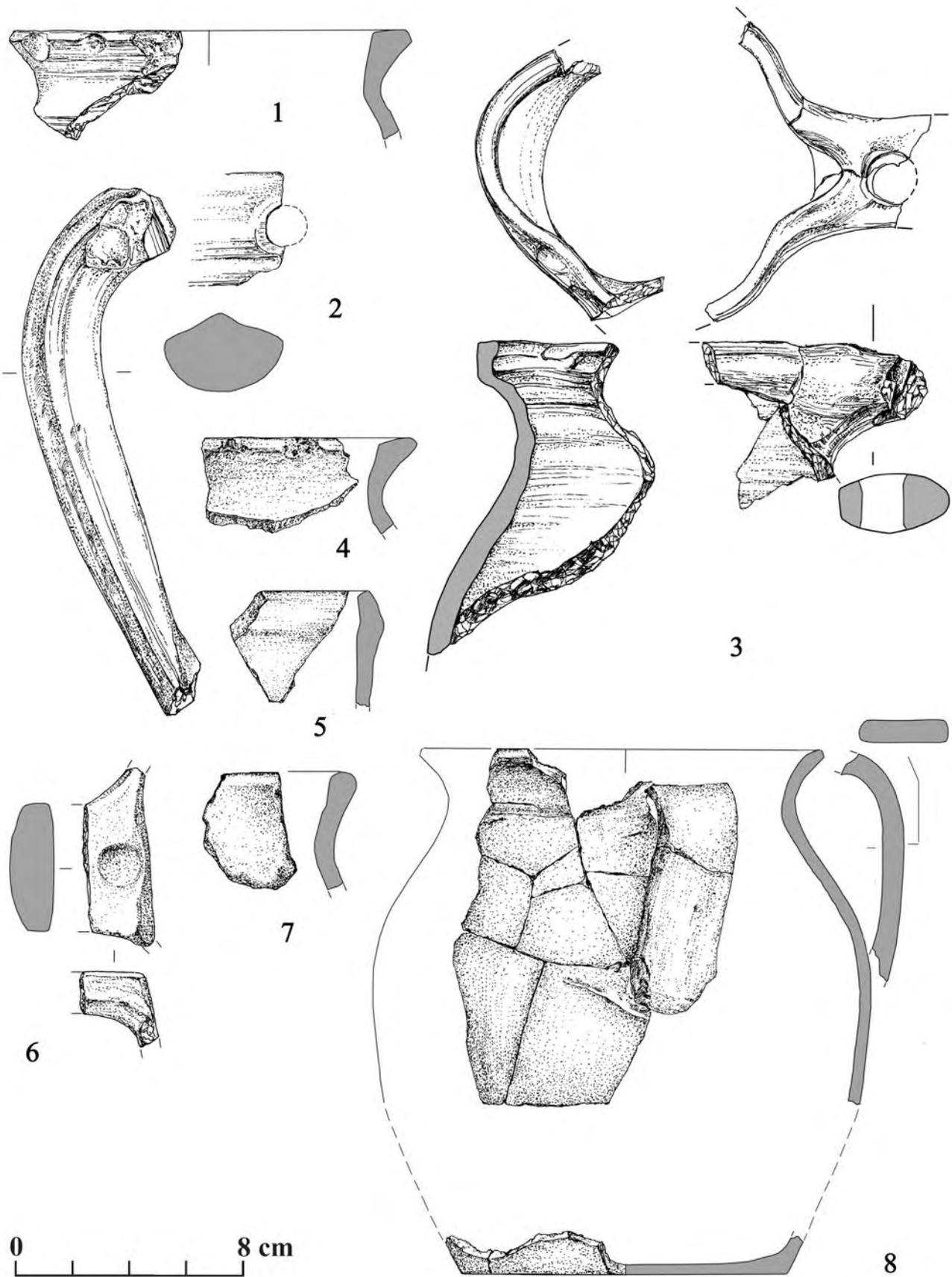
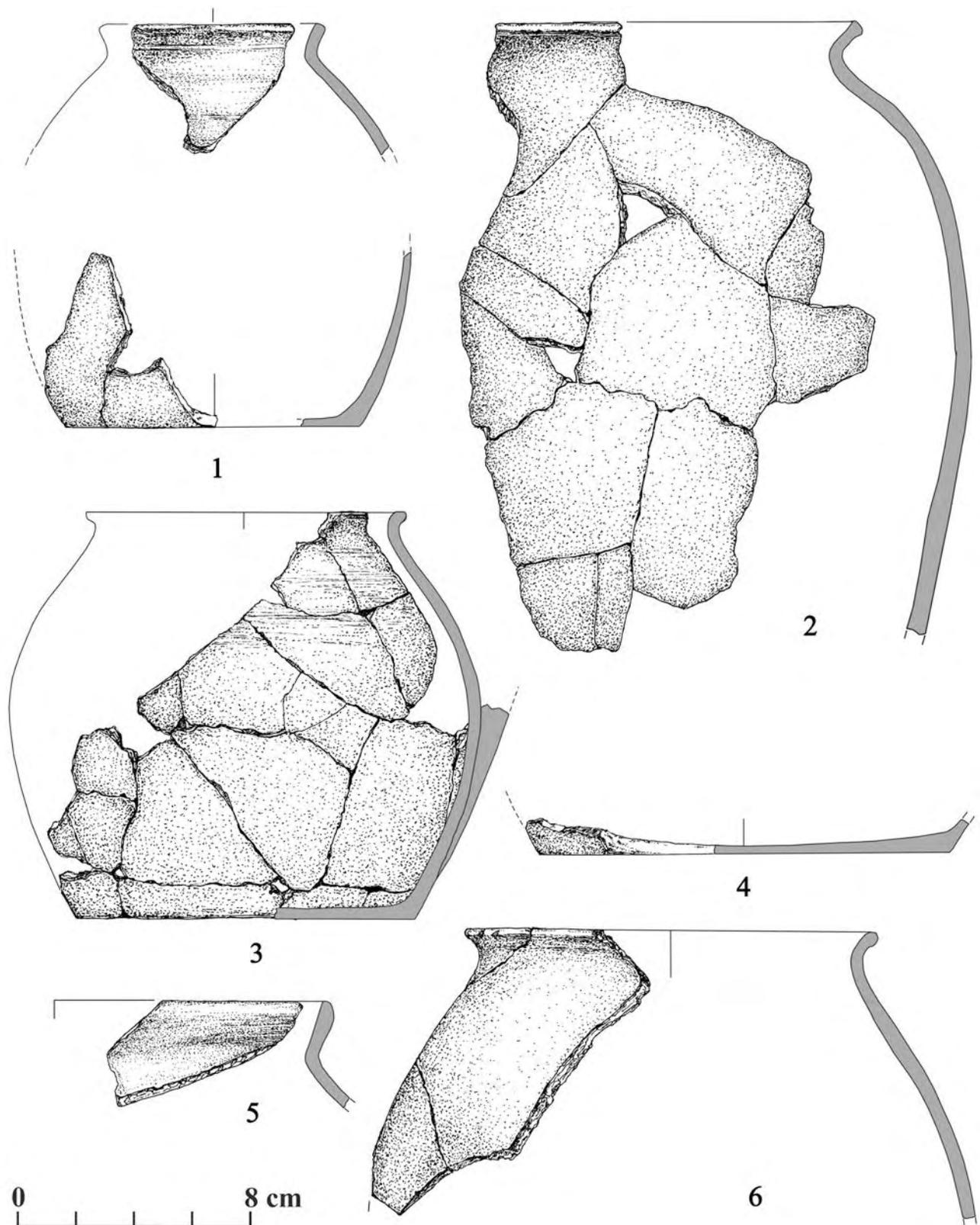
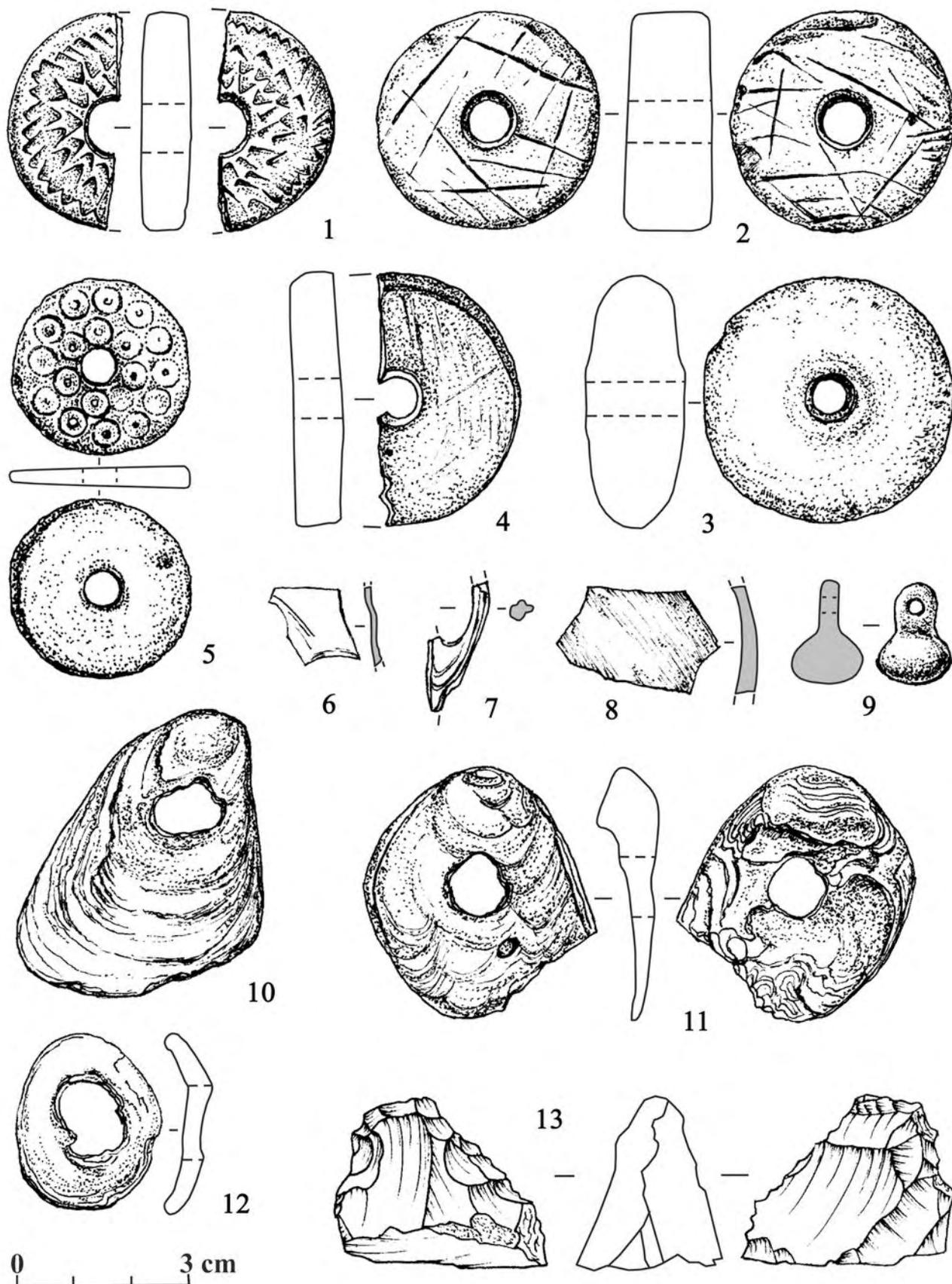

Рис. 60. Мыс Сотера. Раскоп III. Строение № 1, хозяйственная яма, заполнение. Фрагменты красноглиняных гончарных кухонно-столовых сосудов (1-5) и коричневоглиняных кухонных горшков (6-8).

Рис. 61. Мыс Сотера. Раскоп III. Строение № 1. Коричневоглиняные кухонные горшки: 1, 4 – помещение № 1, уровень пола; 2, 3, 5, 6 – хозяйственная яма, заполнение.

Рис. 62. Мыс Сотера. Раскоп III и IV. Керамические (1-4) и свинцовое (5) прясла, фрагменты стеклянных сосудов (6-8), бронзовая пуговица-подвеска (9), подвески из створок морских моллюсков (10-12), обломок кремня (13): 1, 4, 9-11, 13 – заполнение тальвега, слой № 4а; 2 – строение № 1, уровень пола; 3, 6 – строение № 1, хозяйственная яма, заполнение; 5, 12 – заполнение тальвега, слой № 4; 7 – строение № 2, слой разрушения (№ 4b); 8 – пифосная яма на раскопе IV, заполнение.

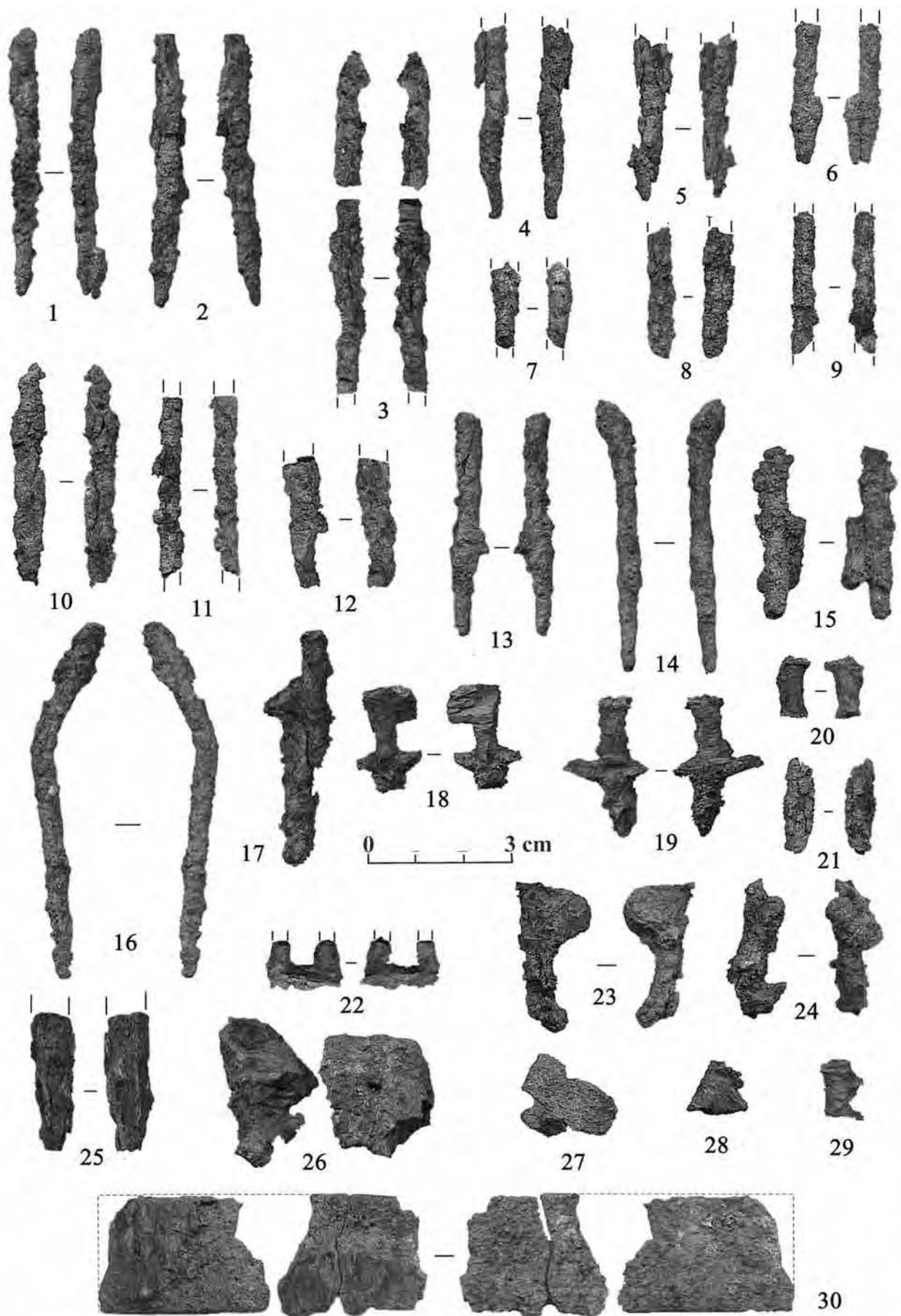

Рис. 63. Мыс Сотера. Раскоп III. Строение № 1, хозяйственная яма, заполнение. Фрагменты изделий из железа.

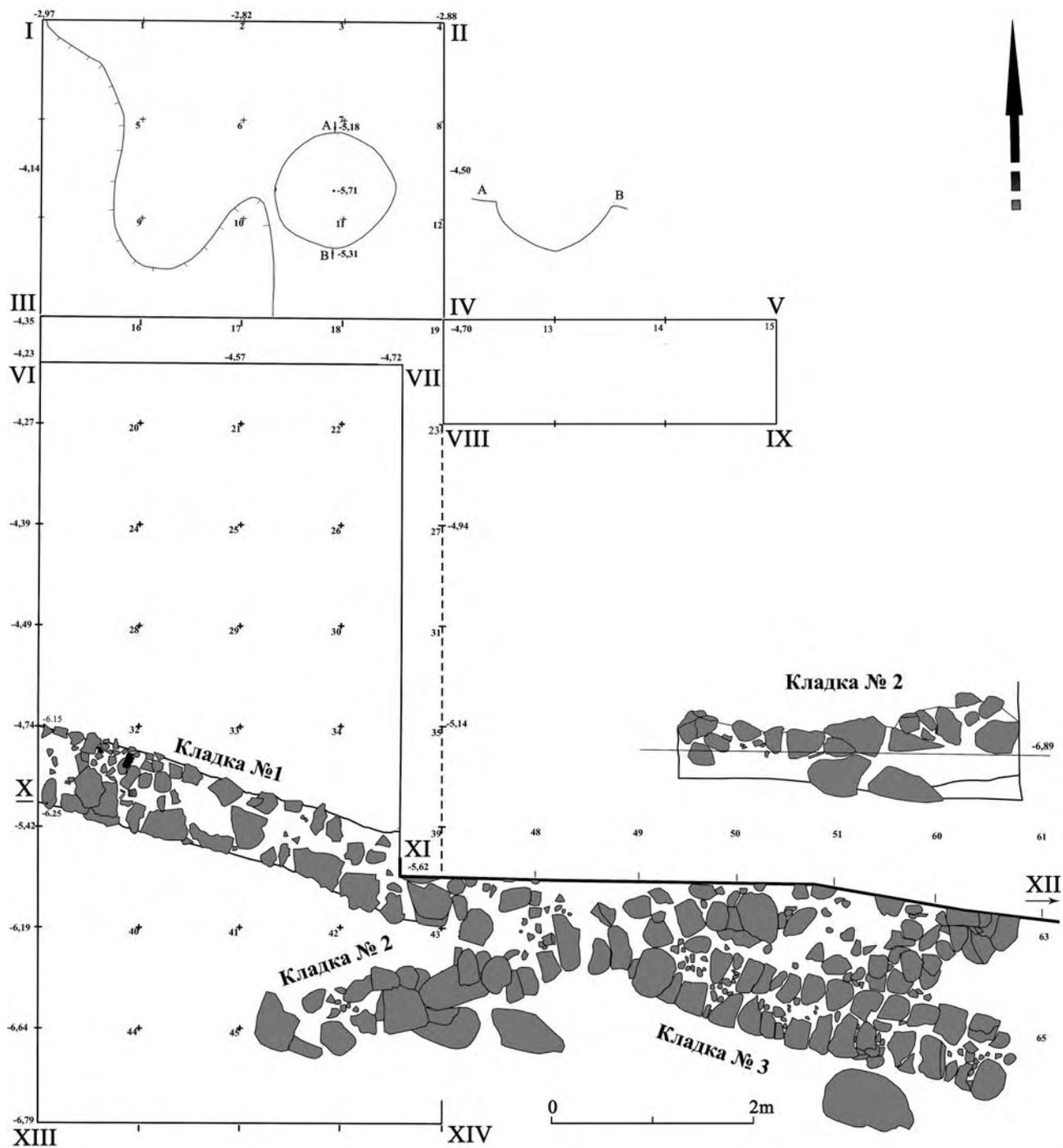
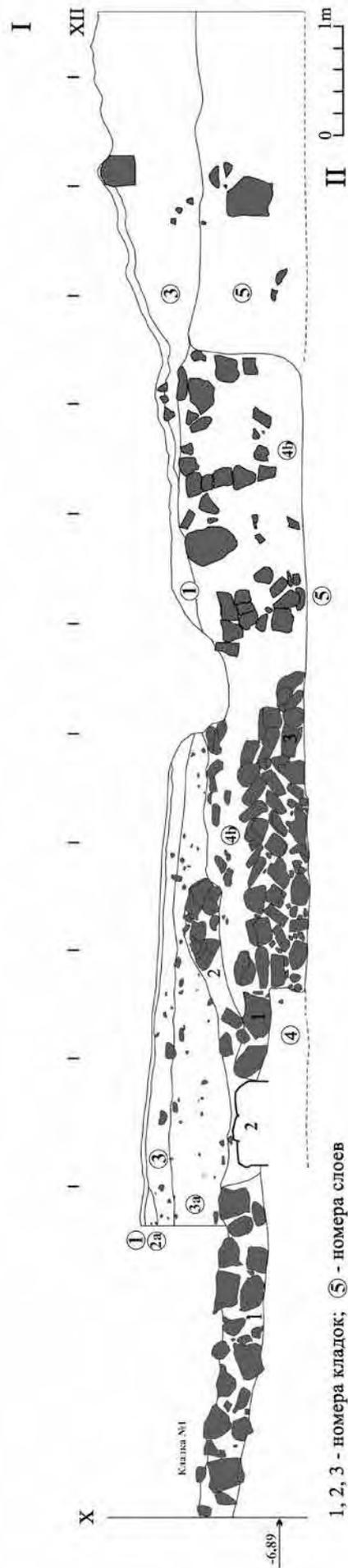

Рис. 64. Мыс Сотера. Раскоп IV. План.

Рис. 65. Мыс Сотера. Раскоп IV. Строение № 2, фрагменты юго-западного фасада и участка примыкающей к нему подпорной стены (кладка № 1); каменная кладка (№ 2), прорезавшая остатки средневековой постройки. Вид с юго-запада.

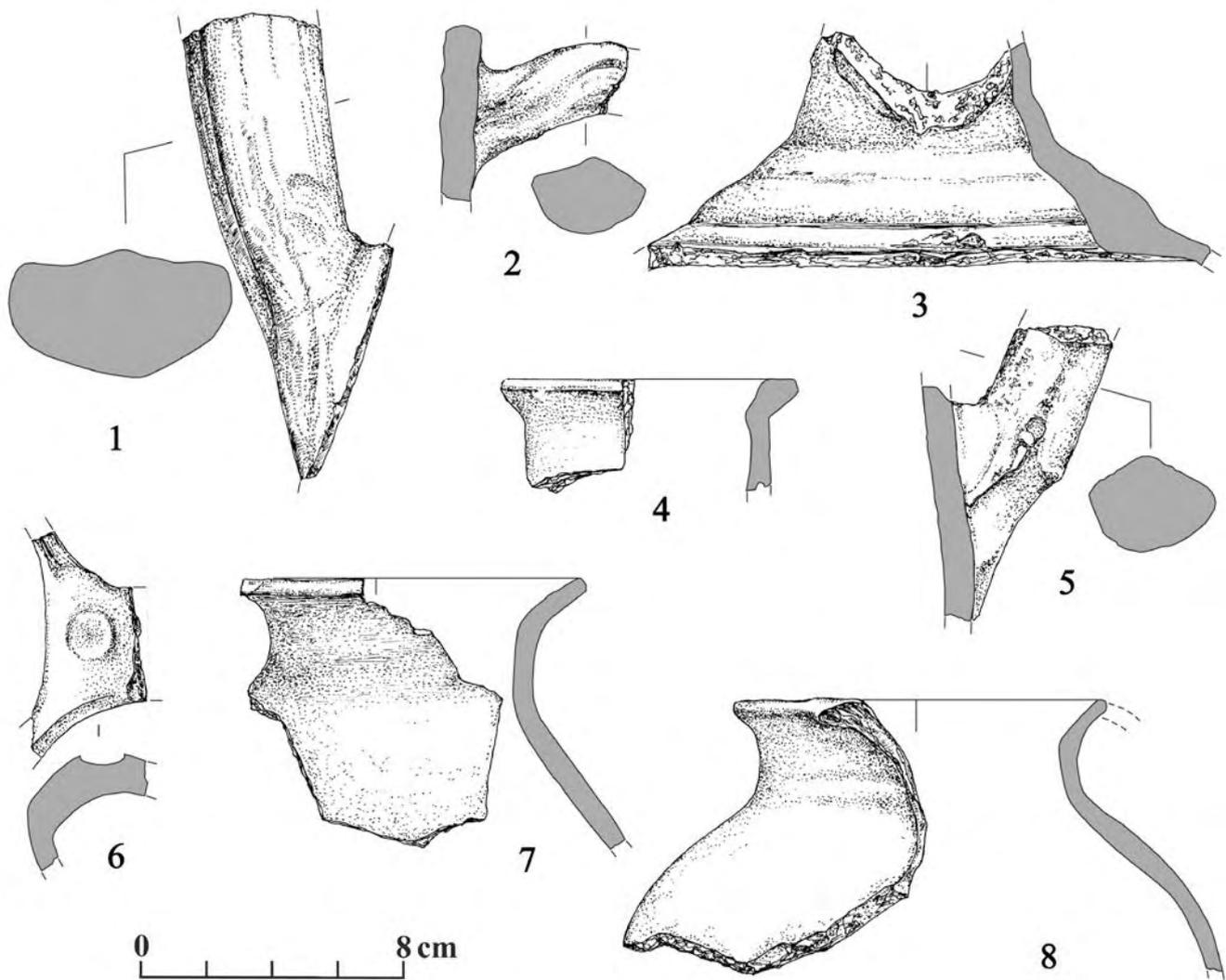

Рис. 66. Мыс Сотера. Раскоп IV. Строение № 2, слой разрушения (№ 4b). Фрагменты амфор причерноморского типа (1-5) и коричневоглиняных кухонных горшков (7, 8).

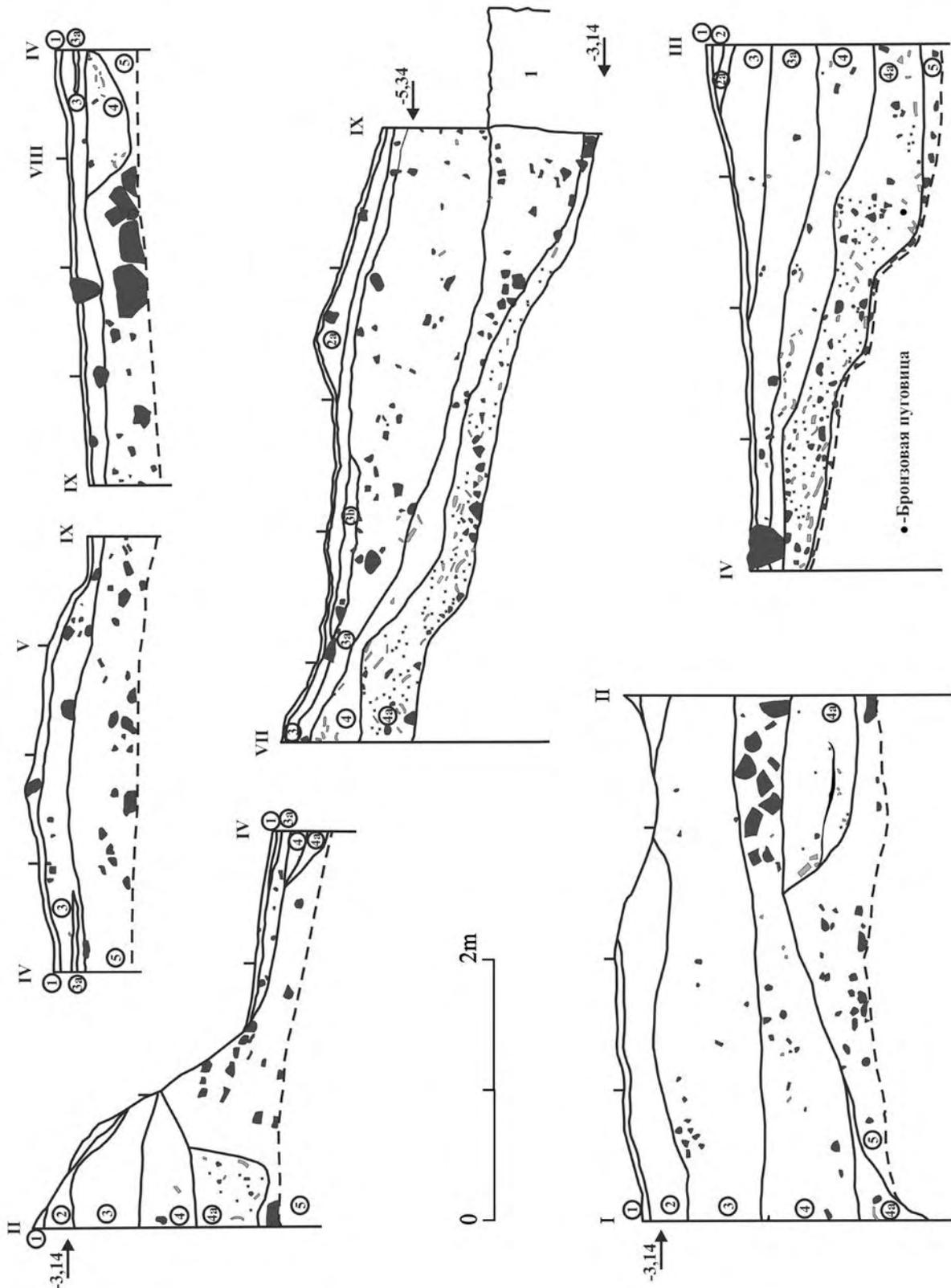

Рис. 67. Мыс Согора. Раскоп IV. Разрезы.

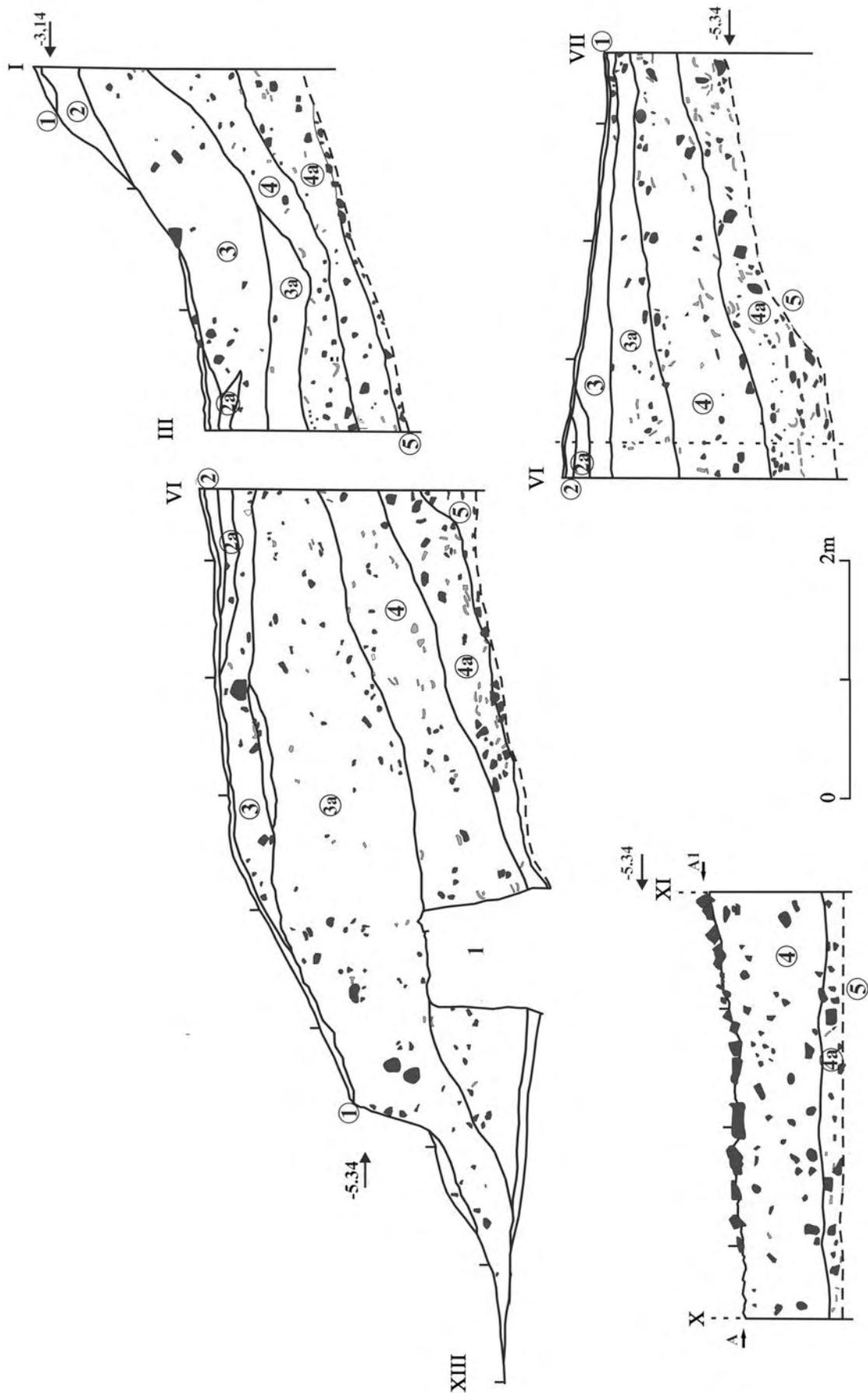
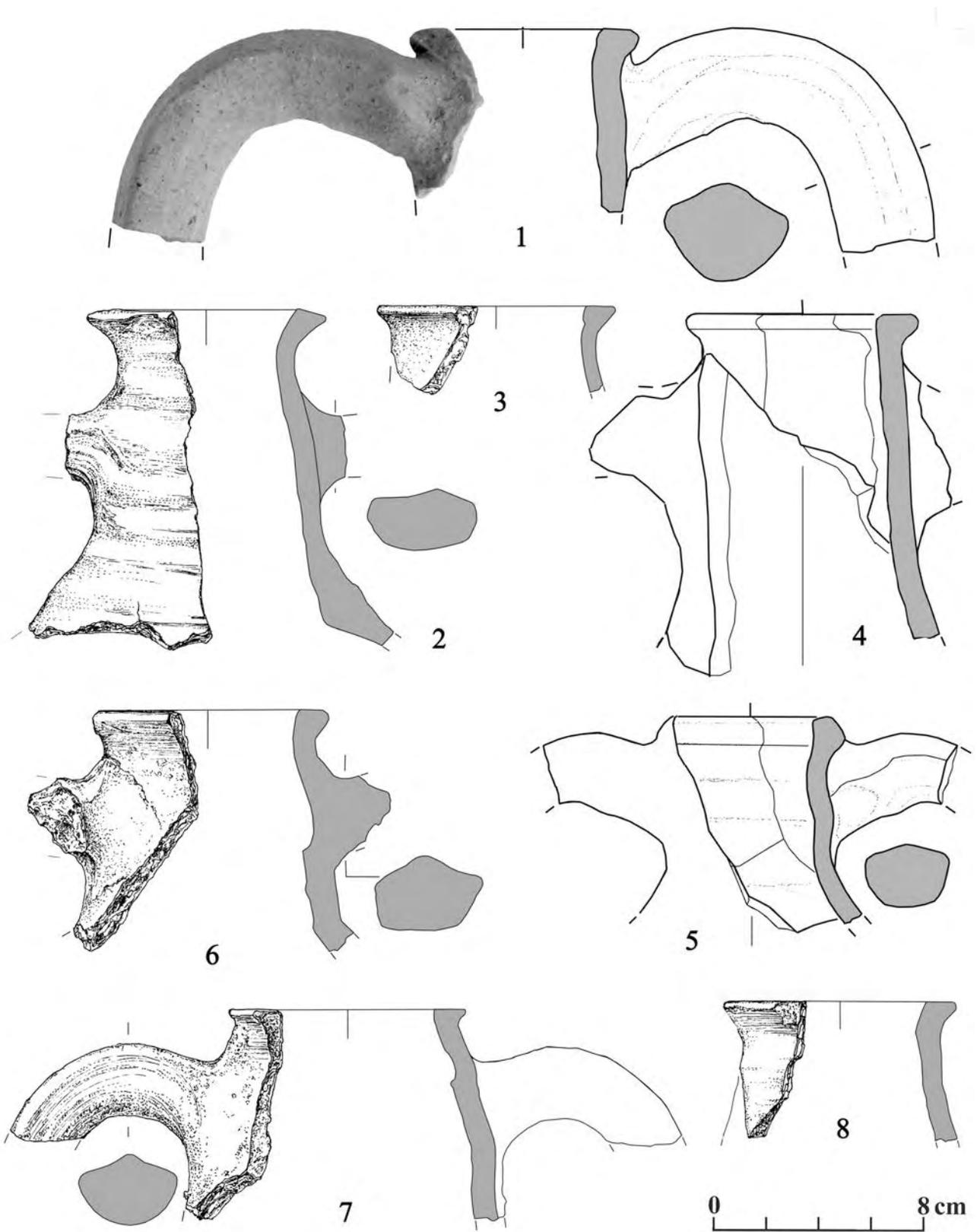

Рис. 68. Мыс Сотера. Раскоп IV. Разрезы.

Рис. 69. Мыс Сотера. Раскоп IV. Фрагменты амфор причерноморского типа: 1, 4, 5 – дневная поверхность к югу от опорной стены (кладка № 1); 2, 3, 6-8 – слой № 4.

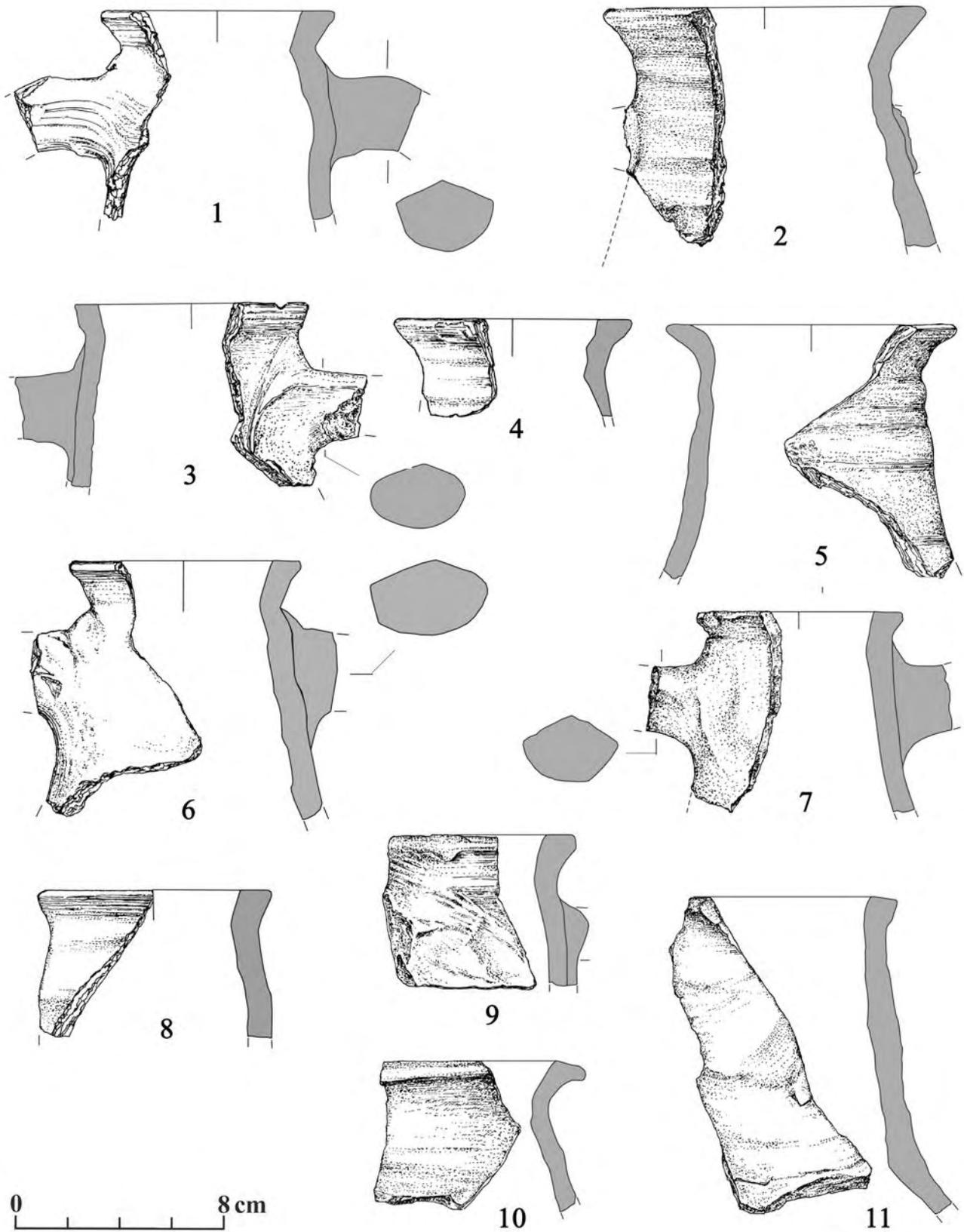
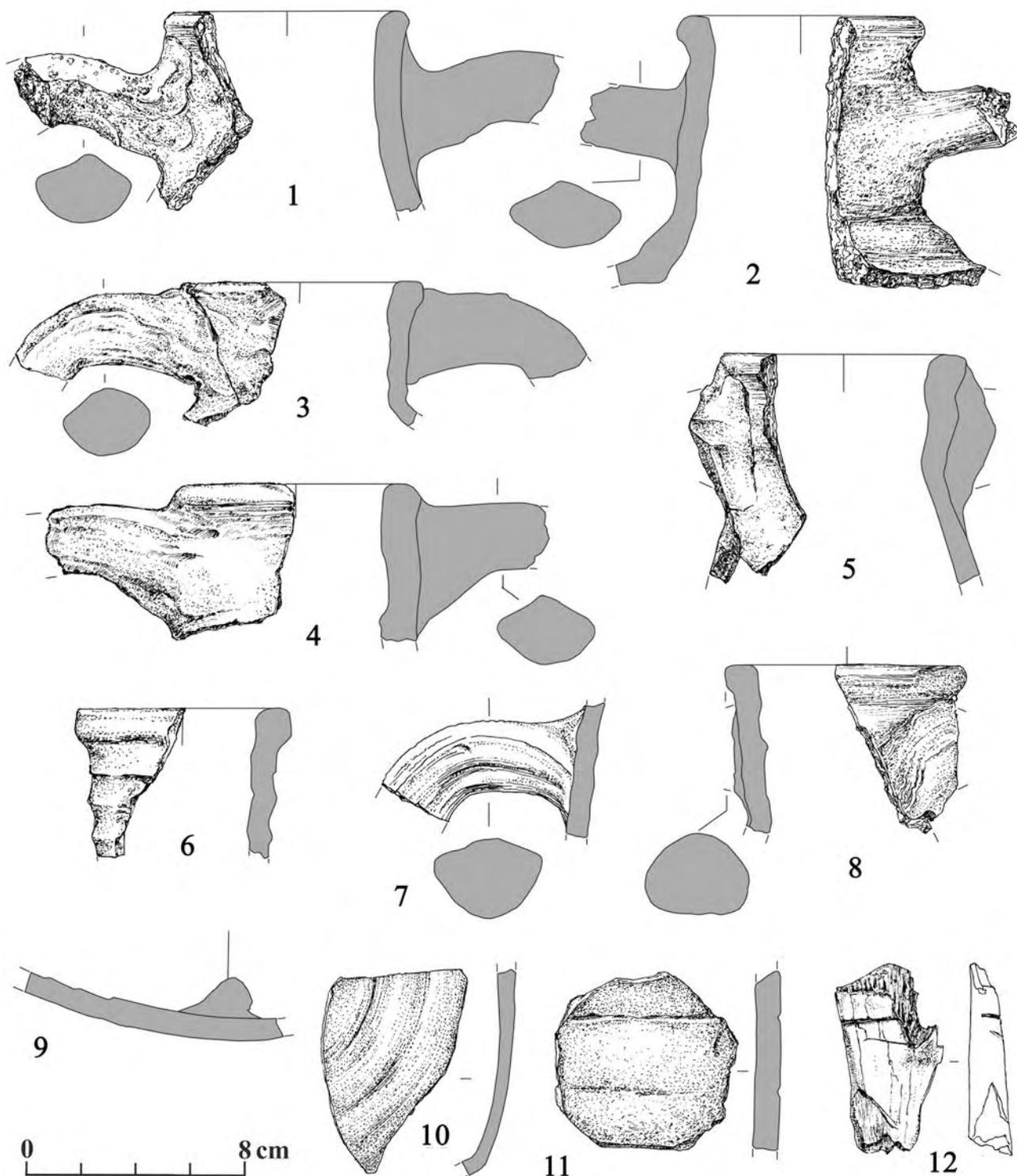

Рис. 70. Мыс Сотера. Раскоп IV. Слой № 4. Фрагменты амфор причерноморского типа.

Рис. 71. Мыс Сотера. Раскоп IV. Слой № 4. Фрагменты амфор причерноморского типа (1-9), обломок фляги (10), изделие из стенки амфоры (11), кость со следами обработки (12).

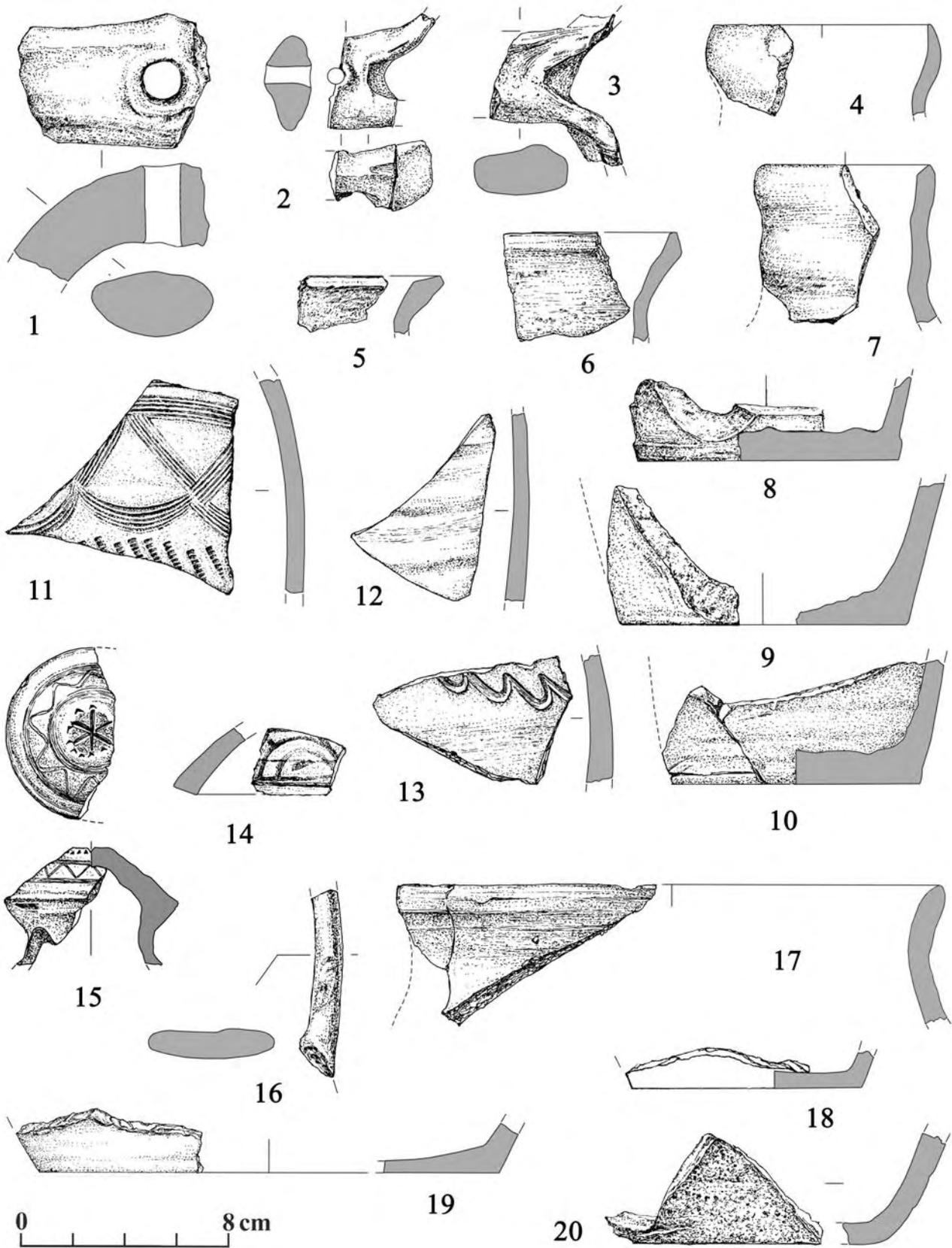

Рис. 72. Мыс Сотера. Раскоп IV. Слой № 4. Фрагменты красноглиняных гончарных кухонно-столовых сосудов (1-13), крышек (14, 15) и коричневоглиняных кухонных горшков (16-20).

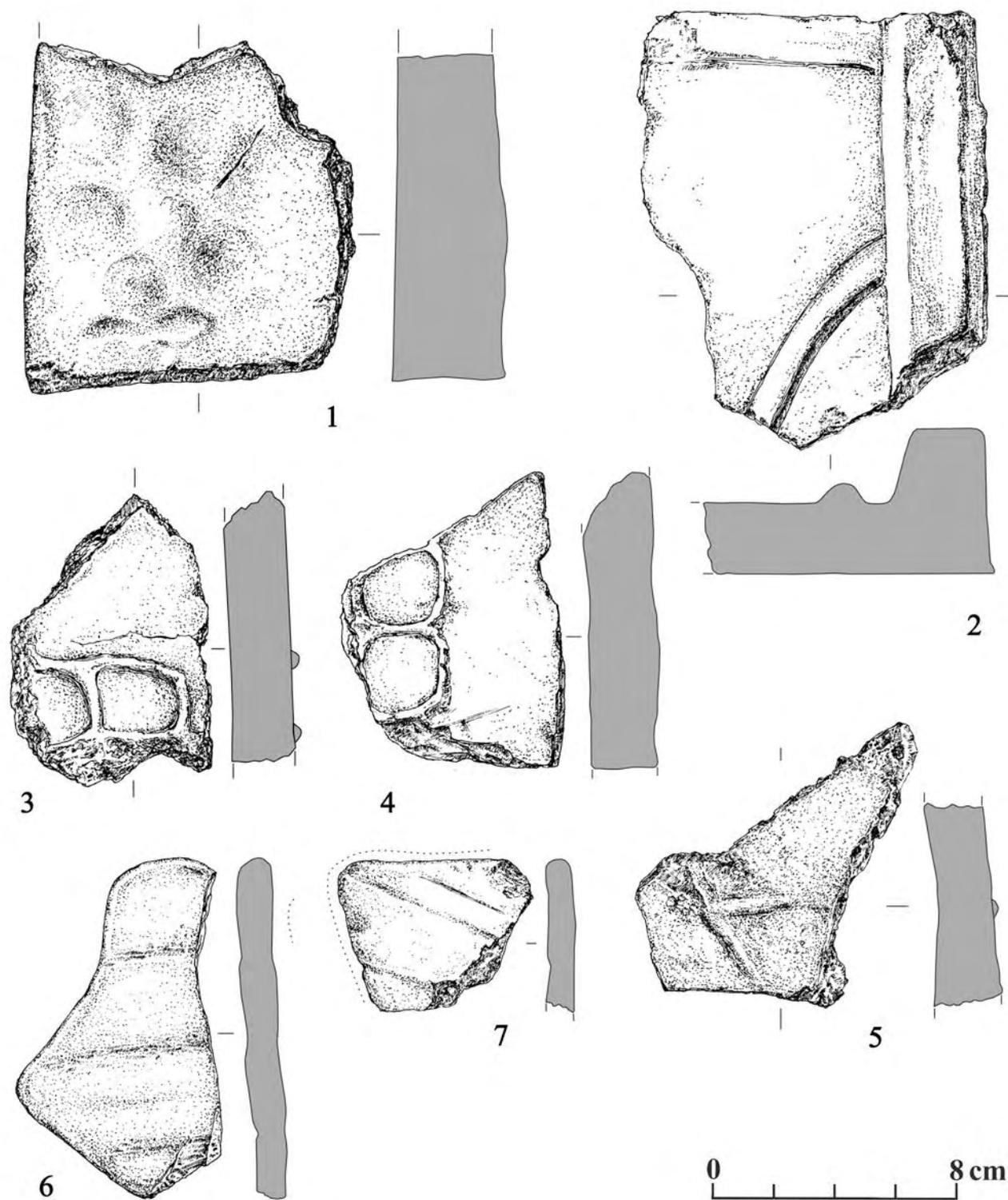

Рис. 73. Мыс Сотера. Раскоп IV. Слой № 4а. Фрагменты черепицы (1-5) и окатанных обломков стенок амфор со следами вторичного использования (6, 7).

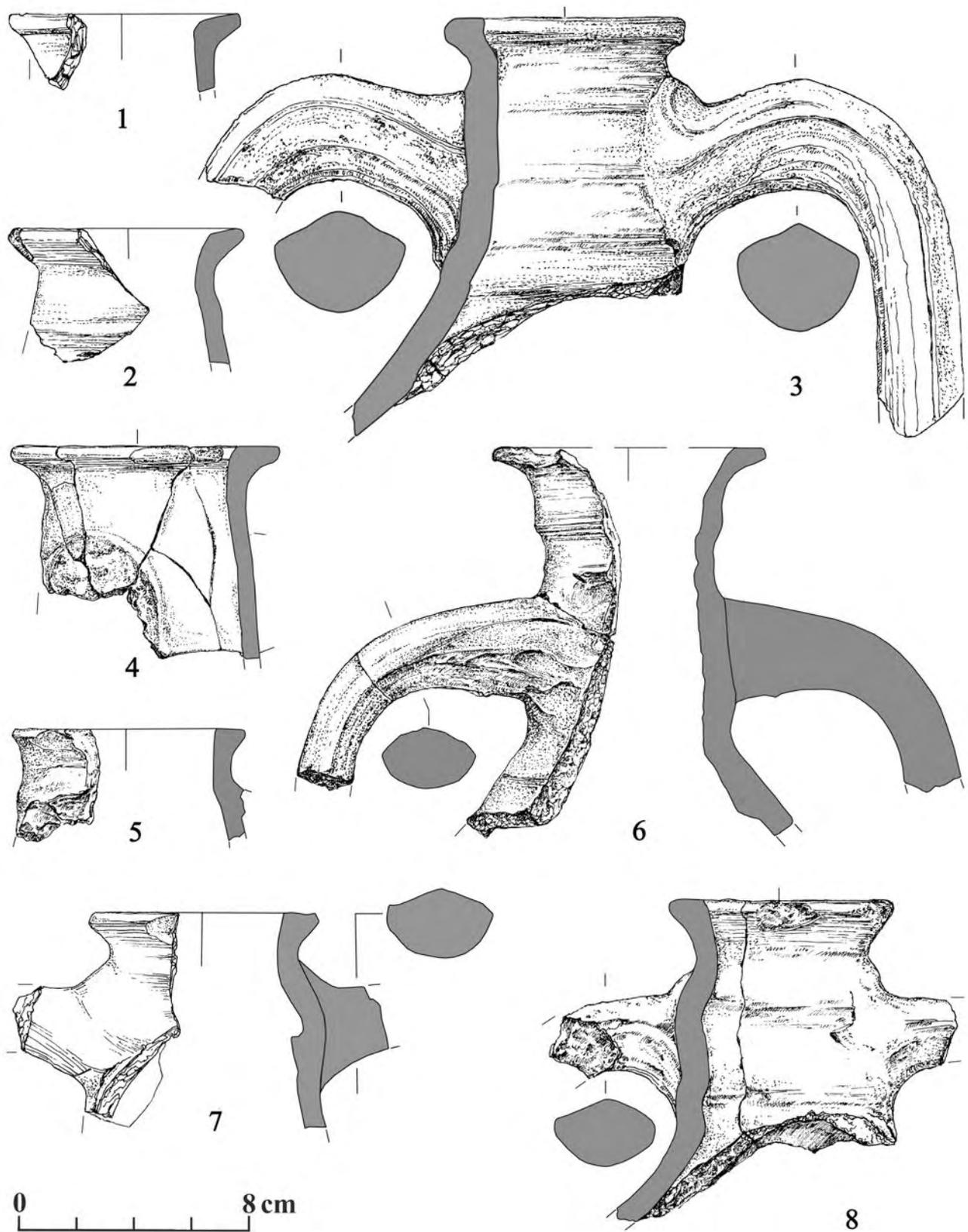

Рис. 74. Мыс Сотера. Раскоп IV. Слой № 4а. Фрагменты амфор причерноморского типа.

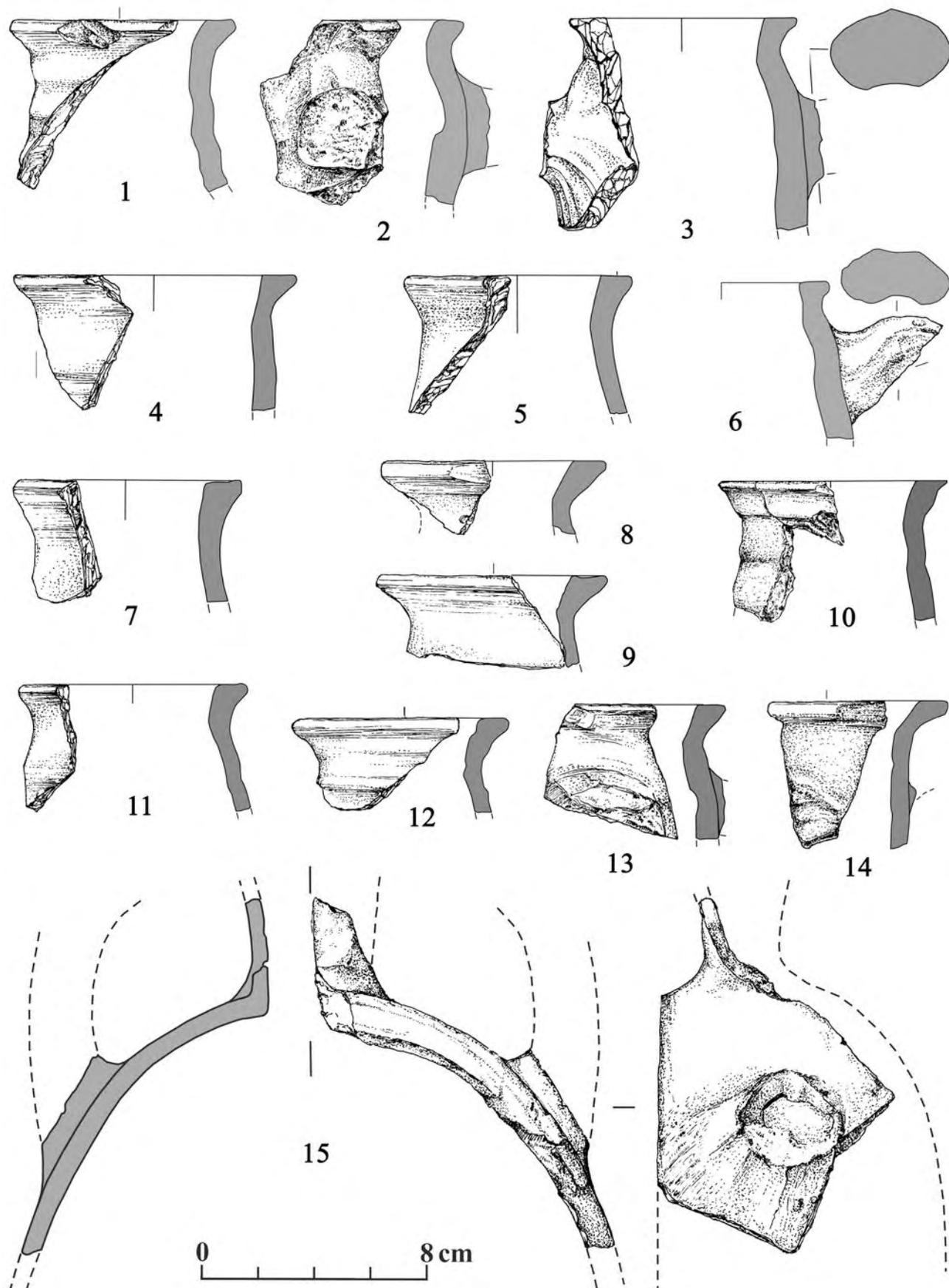

Рис. 75. Мыс Сотера. Раскоп IV. Слой № 4а. Фрагменты амфор причерноморского типа (1-14) и фляга (15).

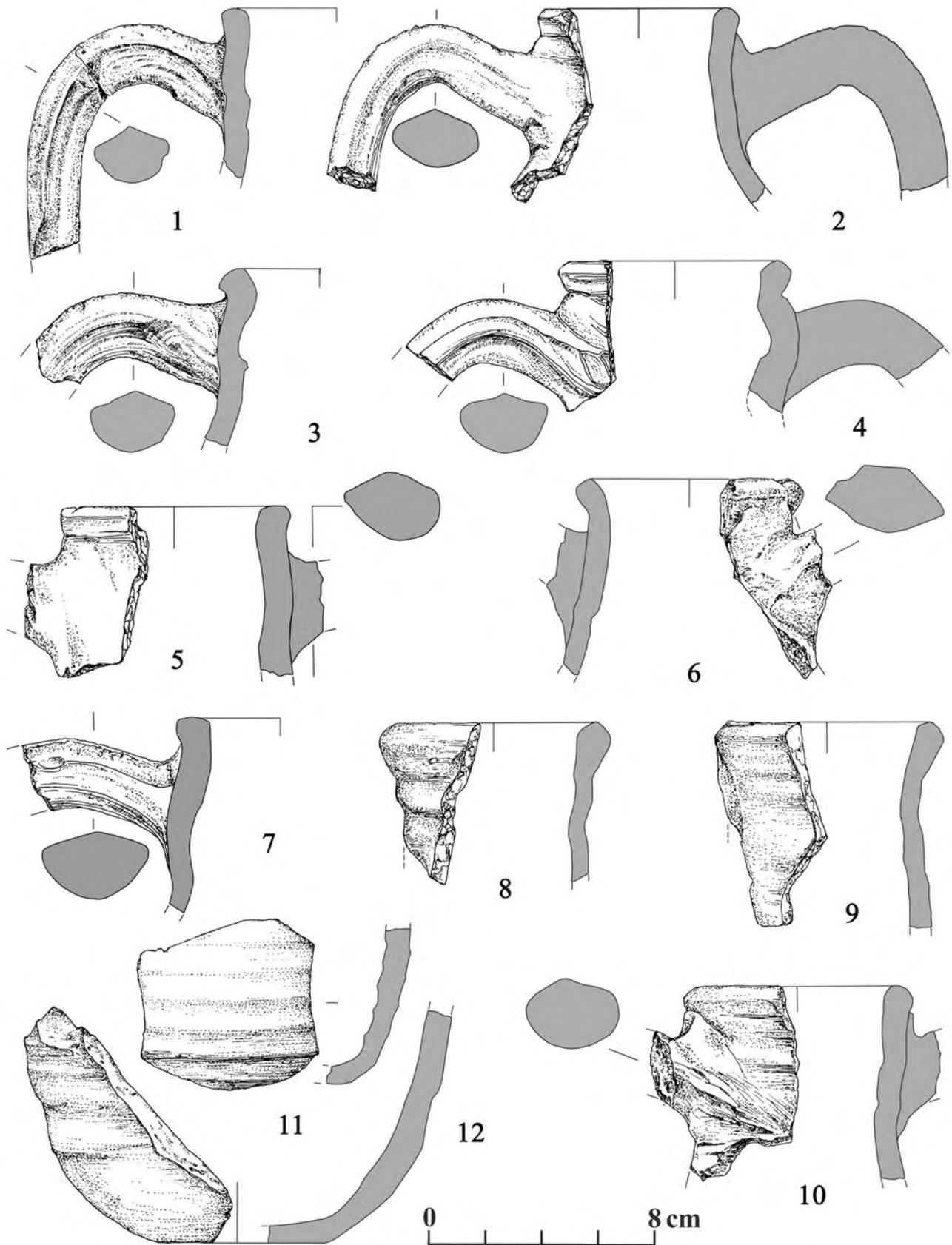

Рис. 76. Мыс Сотера. Раскоп IV. Слой № 4а. Фрагменты амфор причерноморского типа.

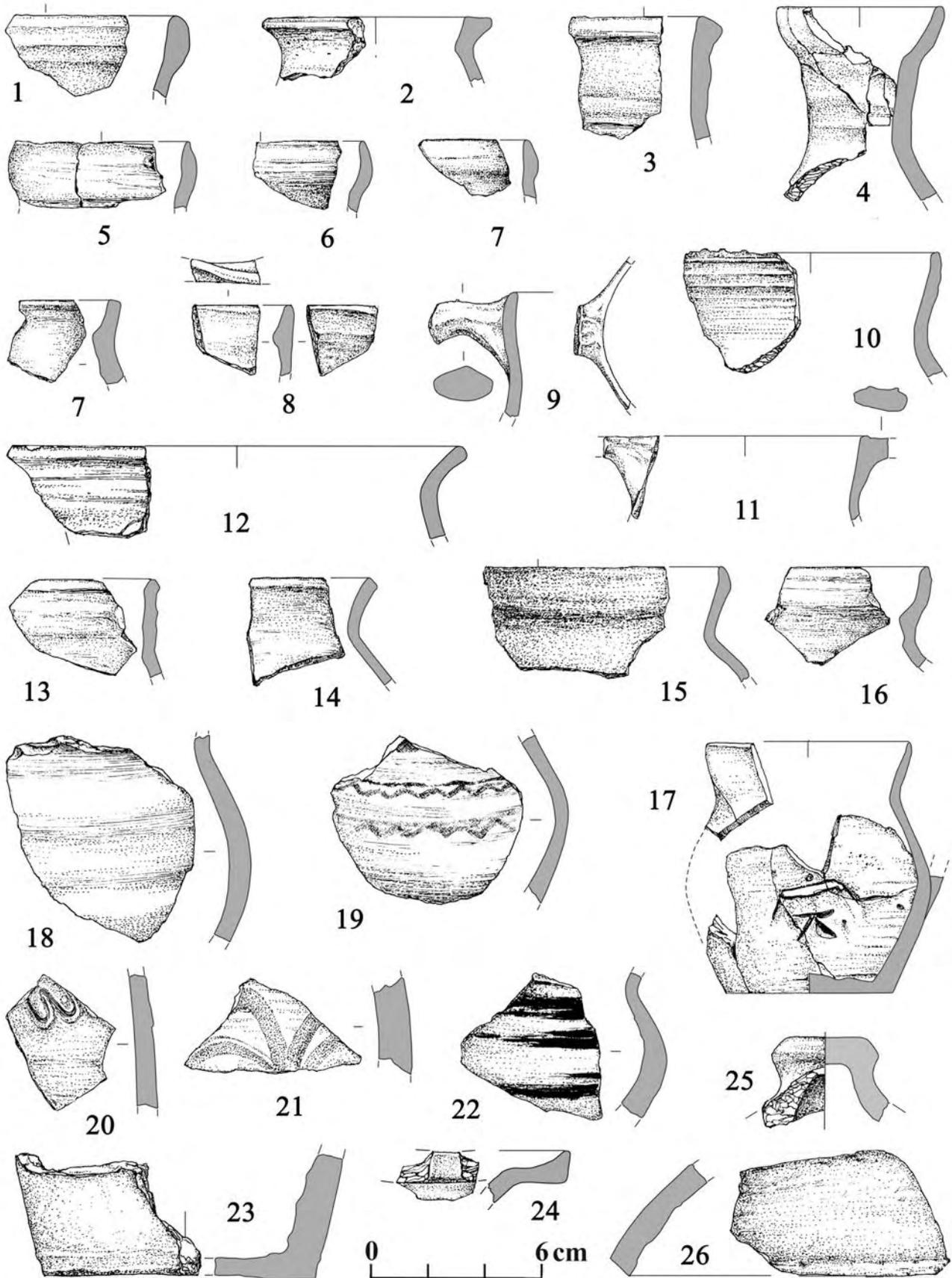

Рис. 77. Мыс Сотера. Раскоп IV. Слой № 4а. Фрагменты красноглиняных гончарных кухонно-столовых сосудов закрытой (1-23) и открытой (24) формы, обломки крышки (25, 26).

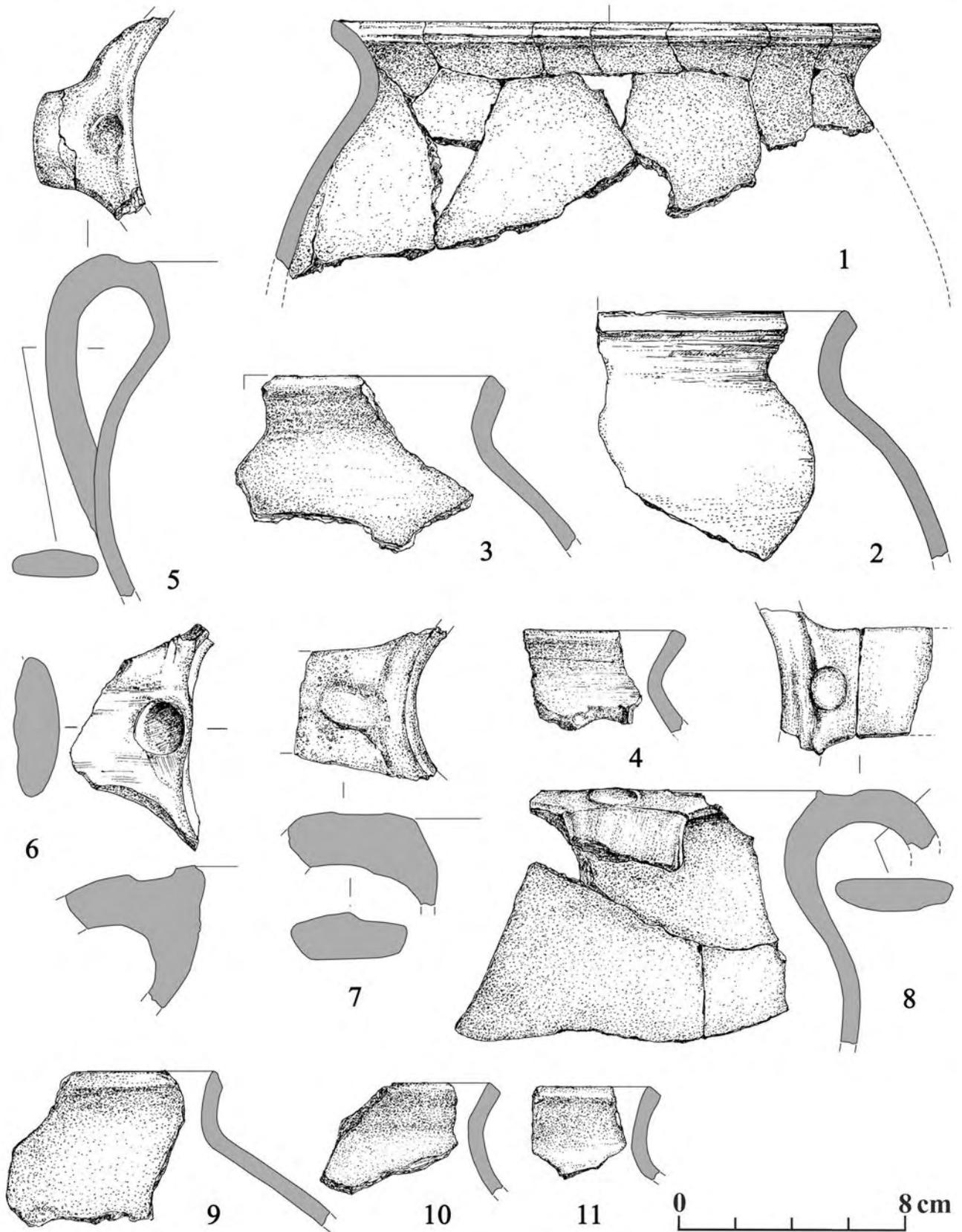

Рис. 78. Мыс Сотера. Раскоп IV. Слой № 4а. Фрагменты коричневоглиняных кухонных горшков.

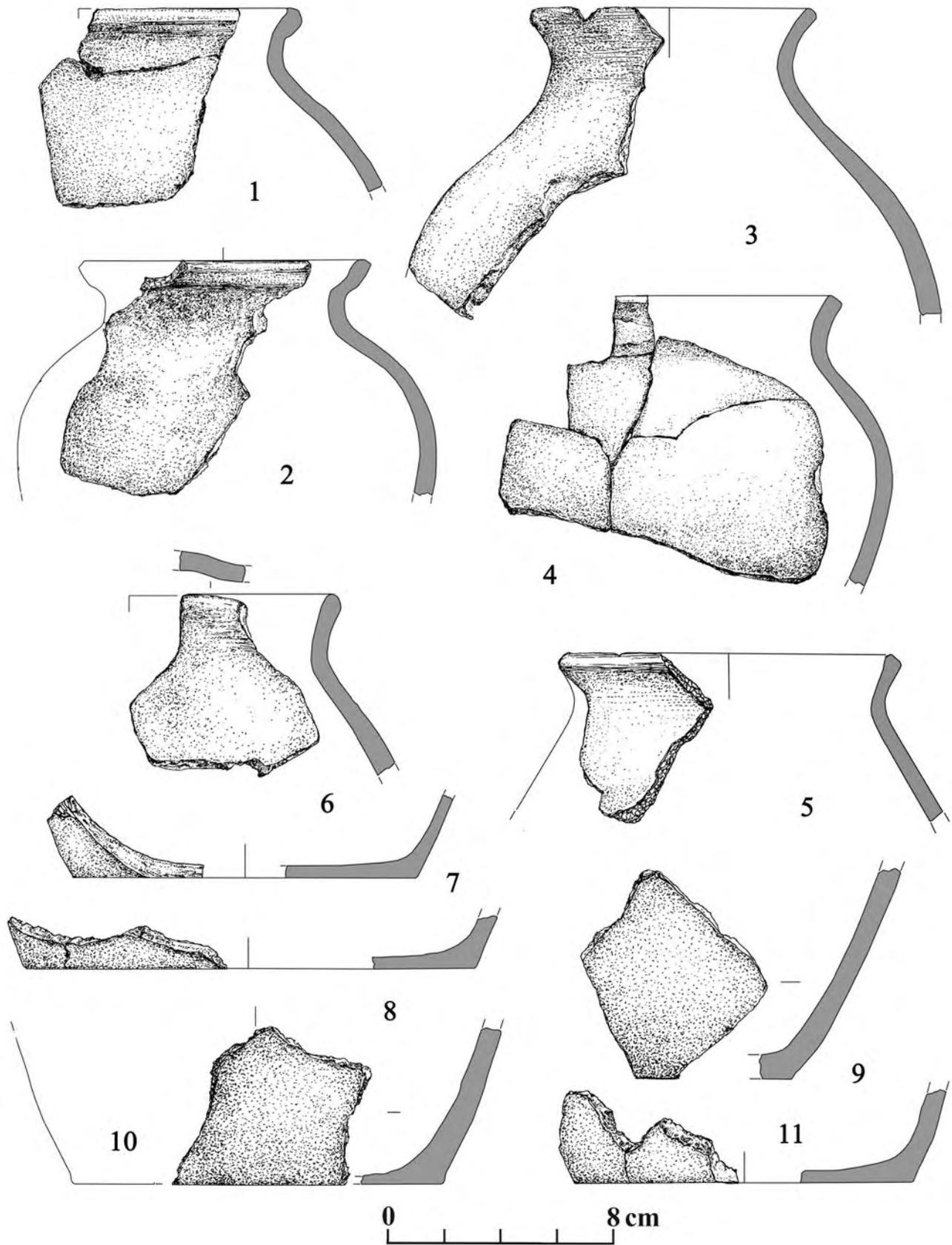

Рис. 79. Мыс Сотера. Раскоп IV. Слой № 4а. Фрагменты коричневоглиняных кухонных горшков и кувшинов.

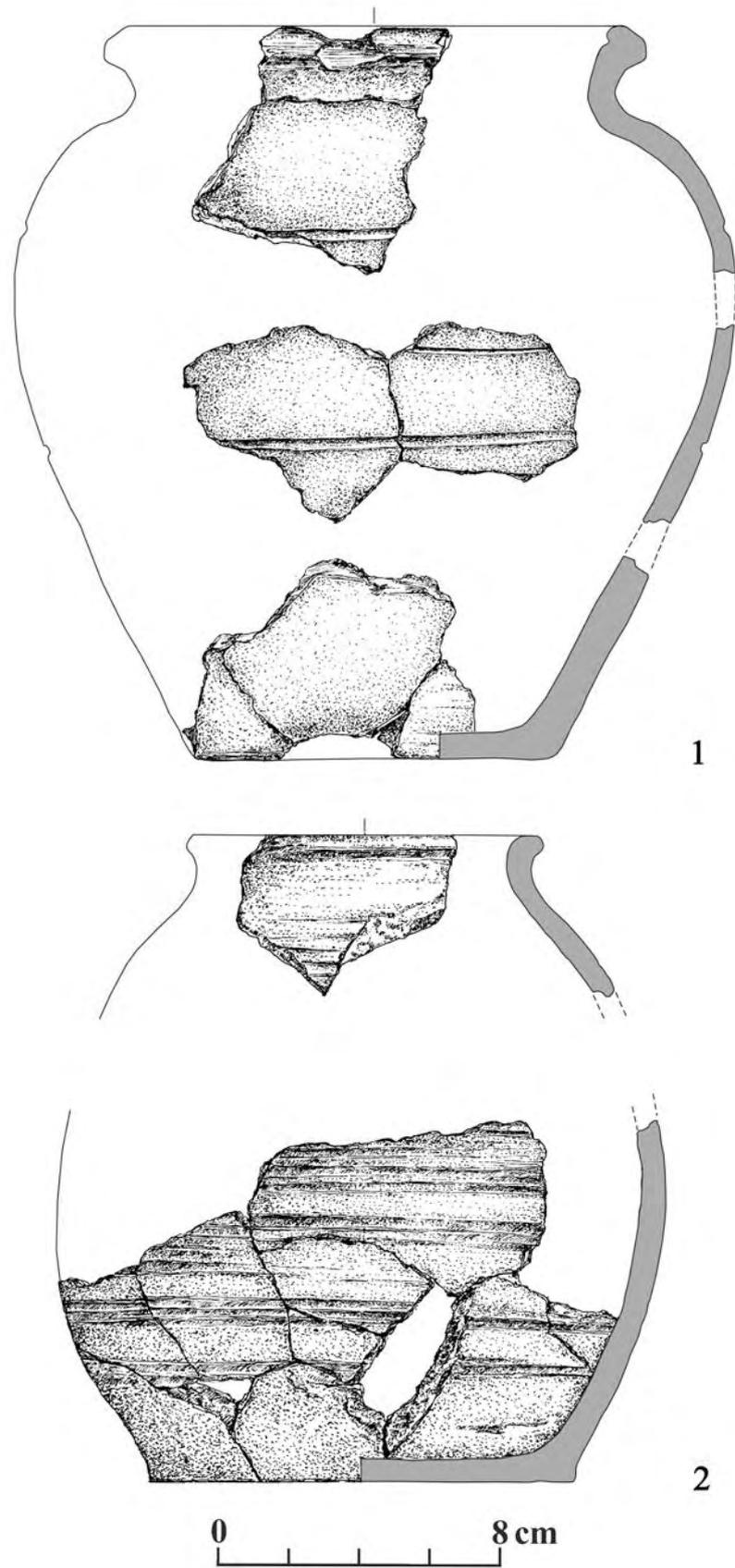

Рис. 80. Мыс Сотера. Раскоп IV. Слой № 4а. Сероглиняные горшки салтово-маяцкого облика.

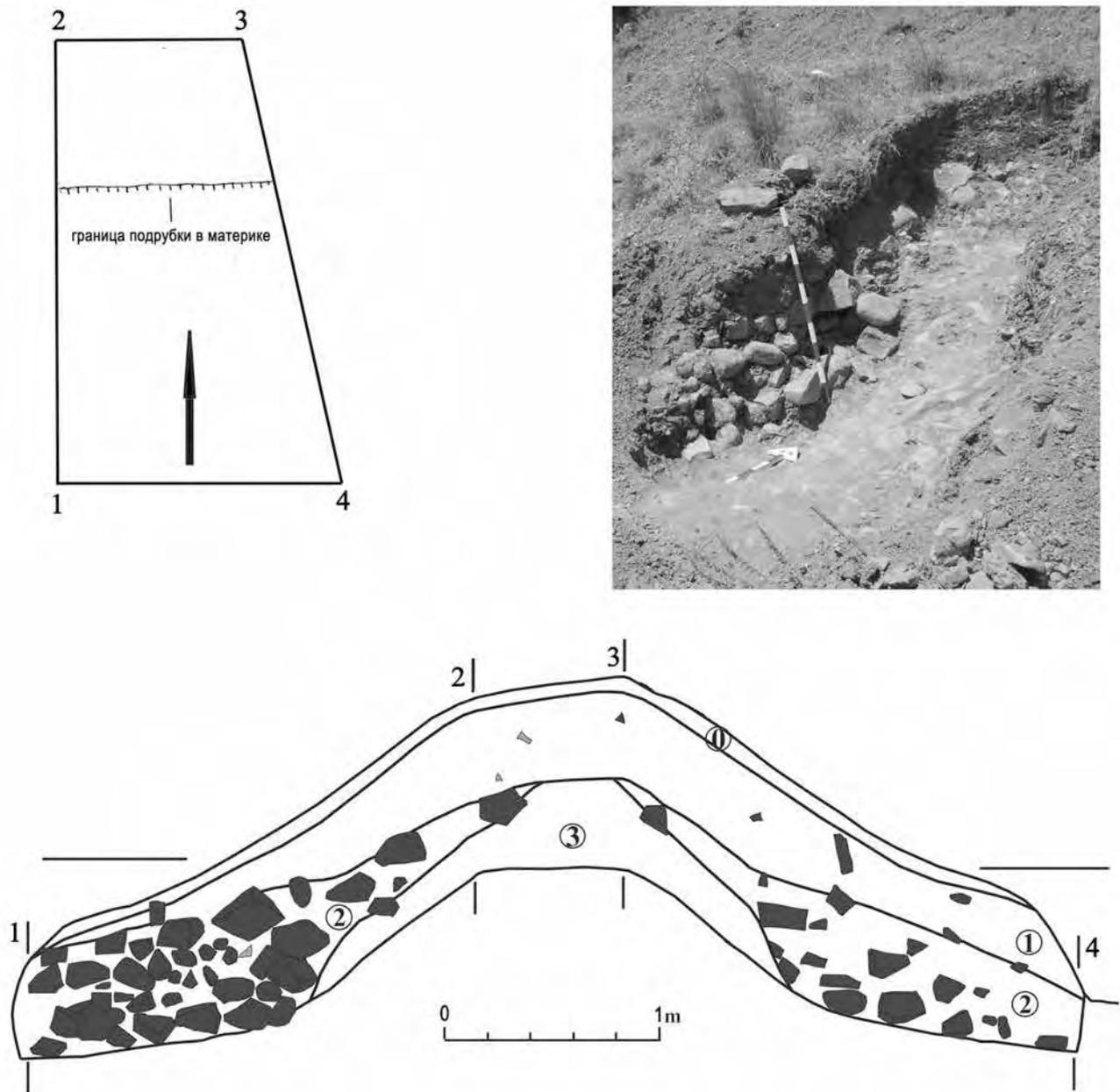
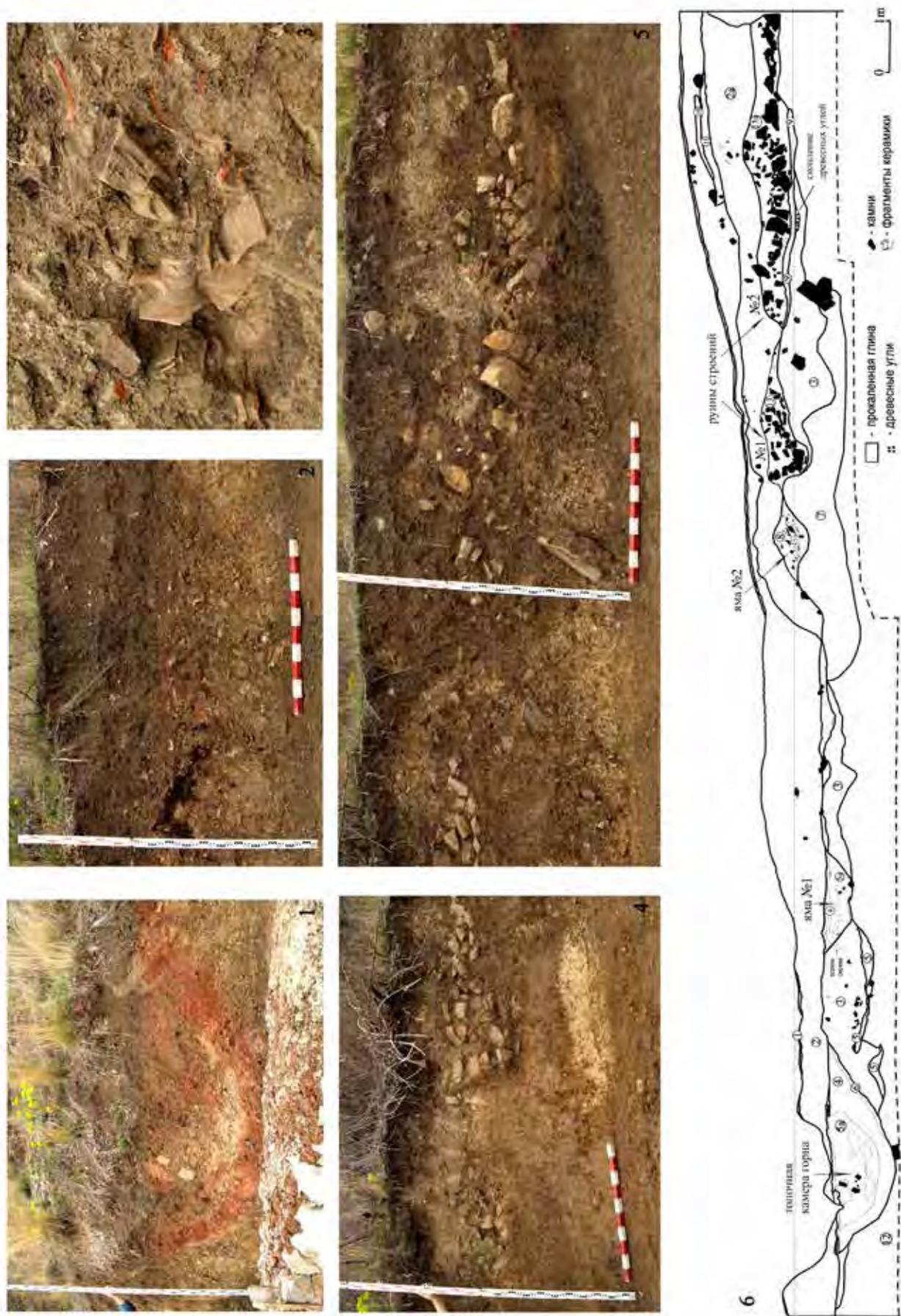

Рис. 81. Мыс Сотера. Шурф № 15. Остатки подпорной стены: вид с юго-востока (1), план, разрез (2).

Цветные иллюстрации к статье И.Б. Тесленко, С.А. Телиженко
ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА МЫСЕ СОТЕРА

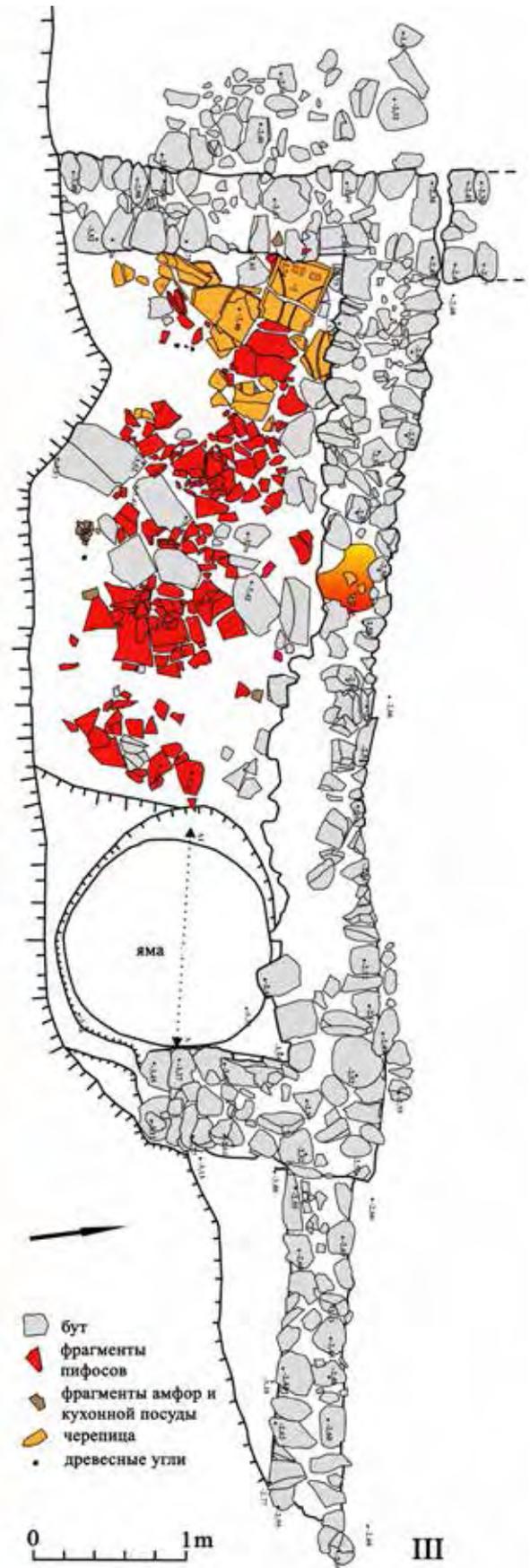
С. 242. Рис. 13. Мыс Сотера. Бровка строительного котлована (Б-3), стратиграфия.

I

II

III

С/ 283. Рис. 54. Мыс Сотера. Раскоп III. Строение № 1, слой керамического боя на полу помещения № 1: I – вид с востока; II – вид с северо-запада сверху; III – план.